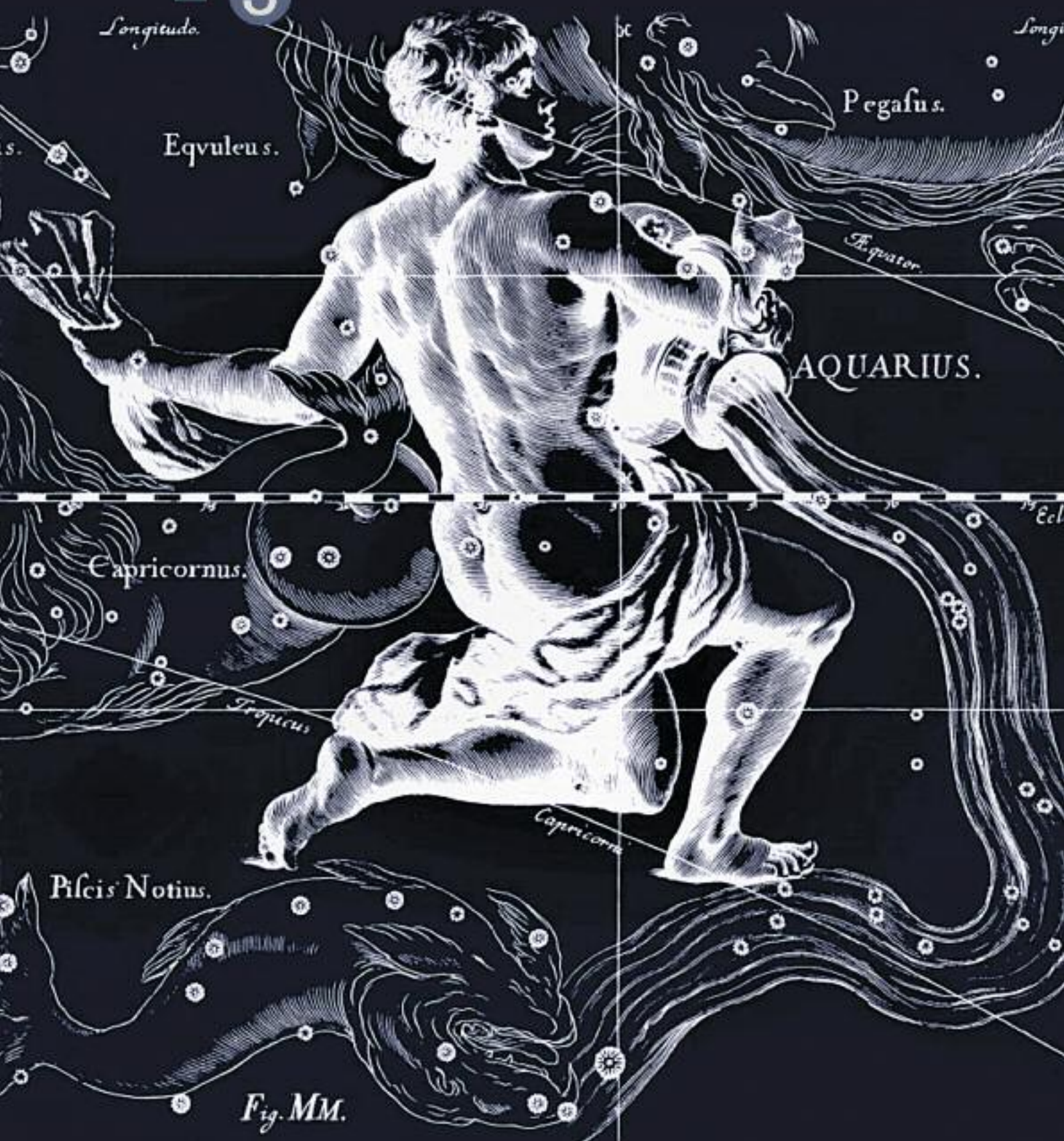

A posse ad esse

август 2017

focus

3

Интернет-журнал «Развитие»

Выходит два раза в месяц, публикуется на сайте **dynamic-of-civilizations.ru** и рассылается подписчикам по электронной почте.

Для подписки направляйте заявку в произвольной форме по адресу **info@dynamic-of-civilizations.ru** с указанием своей электронной почты.

84

focus

август 2017 | №3

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

3

С.Н. Белкин

**Мировоззрение как влиятельный
фантом**

ЭКОНОМИКА

6

М.Д. Абрамов, В.М. Симчера

**О нерешаемых проблемах
и резервах экономики России**

ПОЛИТИКА

20

Александр Филиппов:

**«Выборы – это как бы рождение
новой власти, даже если
персонально власть остается старой»**

Интервью доктора социологических наук,
профессора Школы философии Факультета
гуманитарных наук и руководителя Центра
фундаментальной социологии Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики» журналу Focus

30

Д.А. Андреев

Респонсбилизация элиты

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

40 | 104

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА

46

Дмитрий де Кошко:

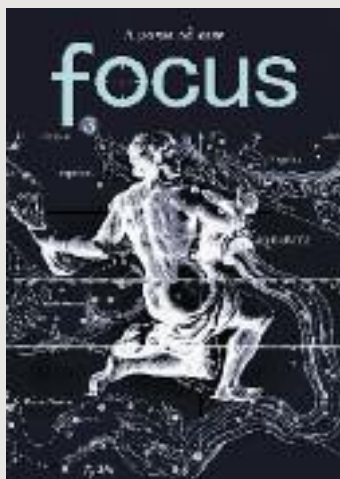
**«Мы живем в реалиях тотальной
и непрекращающейся
информационной войны
атлантистов против России»**

Интервью французского журналиста
и общественного деятеля журналу Focus

60

20

**Информационно-аналитический
и общественно-политический журнал Focus**

Главный редактор: **Сергей Белкин**

Первый заместитель главного редактора:
Дмитрий Андреев

Заместитель главного редактора:
Вадим Прозоров

Арт-директор: **Олег Фирсов**

Адрес:

105077, г. Москва, Средняя Первомайская
улица, д. 4, оф. 17, редакция журнала Focus

dynamic-of-civilizations.ru
info@dynamic-of-civilizations.ru

Издание осуществляется при поддержке
ГК «ЭФКО» в рамках проекта
«Цивилизационная динамика».

Управляющая компания «ЭФКО» в г. Москве:
119017, г. Москва, ул. Летниковская, д. 10,
стр. 2, БЦ Святогор-2
Тел.: +7 (495) 225-87-23; www.efko.ru

Журнал выходит 6 раз в год.

Тираж: 700 экз.

Подписано в печать: 28 августа 2017

Перепечатка материалов возможна только
с разрешения редакции. При использовании
материалов журнала Focus в любой форме ссылка
на журнал Focus обязательна.

Электронная версия журнала доступна после регистрации на сайте dynamic-of-civilizations.ru. Бумажная версия распространяется по редакционной подписке. Доставка журнала подписчикам осуществляется почтовой рассылкой либо путем получения номера в редакции. Часть тиража распространяется бесплатно прямой персональной почтовой рассылкой по собственной базе данных, включающей руководителей органов государственной власти, политиков, глав администраций субъектов Федерации, общественно-политических деятелей, ученых, представителей экспертно-аналитического сообщества, творческих союзов, деятелей культуры. Журнал бесплатно получают крупнейшие библиотеки, университеты и академии, он также распространяется на мероприятиях, проводимых с участием представителей его редакции. Заявку на включение в персональный список бесплатной рассылки направлять на электронный адрес редакции. Редакция оставляет за собой право отказать в бесплатной подписке без объяснения причин.

60

С.В. Лурье

Предстоит ли нам битва за ценности?

74

В.М. Немчинов

**Коммуникация и информация –
антропологическая диалектика начала
XXI века**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

84

А. Бродский

Вторжение шахматной доски

НЕБОПОЛИТИКА

90

А.П. Девятков

**Цивилизационная динамика
с точки зрения небополитики
Тезисы выступления**

*Семинар Школы менеджмента «Бирюч»
июнь-июль 2017 года*

Сергей
БЕЛКИН

МИРОВОЗЗРЕНИЕ как влиятельный фантом

Можете ли вы ответить на вопрос: каково ваше мировоззрение? Подумайте и постарайтесь отметить, за какие признаки и ярлыки начнет цепляться ваш ум в поисках ответа. Возможно, вы ответите – я христианин, а, быть может, – я демократ. Или вам покажется уместным ответить, что вы – оптимист и экстраверт. Кто-то ответит: я – современный человек широких взглядов. Не исключено, что кому-то важнейшими признаками своего мировоззрения захочется считать доминирование эгоизма или альтруизма...

Мировоззрение – весьма сложный продукт, складывающийся на протяжении жизни человека. Независимо от того, можете ли вы описать собственное мировоззрение или нет, оно у вас имеется. Оно имеется у каждого человека.

Почему же я тогда в заглавии пишу о том, что мировоззрение – мираж, фантом, нечто неопределенное? По трем причинам. Первая: не так-то просто дать исчерпывающее описание мировоззрения личности. Как потому, что параметров и признаков, о которых надо сказать, весьма много, причем установить их иерархию – какой из признаков главный – порой невозможно, так и потому, что взгляды людей изменяются. Быва-

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор журнала Focus

ет, что изменения эти происходят мгновенно, под влиянием внешних факторов. Вторая причина: мировоззрение социума, общества – вот подлинно неуловимый фантом! Ибо общество мировоззренчески неоднородно, оно соткано из личностей, обладающих хотя и не слишком точно определенными, но, тем не менее, ясно различимыми мировоззрениями. Третья причина состоит в том, что миро-

воззрение является чрезвычайно важным фактором – базисом, определяющим целенаправленный и осознанный характер деятельности людей. И фактор этот формируется произвольным образом, как бы сам по себе. О нем не думают и не заботятся, его не учитывают и не измеряют.

В результате мы оказались в опасной ситуации: не думая о мировоззрении, мы не понимаем – из чего и как оно складывается. Общаясь друг с другом, мы более или менее точно фиксируем вторичные по отношению к мировоззрению признаки и свойства. Такие, например, как идеологические, политические, религиозные предпочтения, вкусовые пристрастия и многое другое.

Моя небольшая заметка имеет одну цель: обратить внимание на необходимость понимания, из чего и как формируются различ-

→ ные мировоззрения. То есть я не призываю к формированию какого-то одного – «единственно верного» – мировоззрения. Я призываю видеть в каждом из нас и в себе самом те фундаментальные блоки и кирпичики, из которых складывается взгляд на мир, видеть – что и как в нашей картине мира изменяется и что в ней остается неизменным, уметь соотносить мировоззренческие принципы с целями и способами их достижения.

Размышляя о каком-то понятии, мы чаще всего заглядываем в словари, чтобы узнать – что в них написано по этому поводу. О мировоззрении написано немало, и это стоит почитать каждому. При этом надо не отождествлять ваше живое, изменяющееся, во многом неопределенное мировоззрение со словарной статьей, в которой дано строгое определение – типа такого: «Мировоззрение – система взглядов, оценок и образных представлений о мире и месте в нем человека, общее отношение человека к окружающей действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации». Всё, в общем-то, верно. Только у нас с вами «системы взглядов» скорее всего нет. Некий конгломерат самых разных «представлений» имеется, но в «систему» мы его особо-то и не приводили. Вот в советские времена существовало всеохватное приведение в систему именно мировоззренческого базиса. Начиная со средней школы и далее по всем ступеням образования, воспитания, по всем каналам политучебы внедрялось так называемое материалистическое мировоззрение, опиравшееся на учебные курсы диалектического и исторического материализма, политическую экономию, обществоведение, научный коммунизм и т. д. Считаю, что это было не только целесообразно (в связи с реализацией проекта строительства социализма и коммунизма), но и полезно с точки зрения развития: глубокое и всестороннее знакомство с системным знанием приносит незаменимую пользу, даже если те или иные мировоззренческие принципы или (чаще всего) – обусловленные ими взгляды – обучающимся индивидом не принимаются. Постигание того, как устроено некое системное знание, остается в виде навыка построения системных знаний как таковых.

Наше мировоззрение редко напоминает уже написанный и отпечатанный перечень взглядов и принципов. Человек находится в пространстве постоянно чередующихся обстоятельств, жизненных проблем, пережи-

Гравюра Фламариона

вает изменения самого себя, пребывает в потоке непрерывно меняющихся отношений с людьми, обществом и природой.

Мировоззрение складывается из способов познания и картины мира, системы ценностей и этической системы, верований, идеологических установок и симпатий, социального статуса и имущественного положения, состояния здоровья и отношений с близкими, жизненных целей, фантазий и мечты, из неудач, разочарований, достижений, успеха и многого другого.

Поэтому, говоря о мировоззрении живого человека, не стоит подразумевать именно «систему взглядов» – надлежит иметь в виду состояние взглядов, подчеркивая тем самым изменчивый характер мировоззрения, возможность рассматривать его как существующее в какой-то момент или промежуток времени. Тем не менее можно говорить о некоем мировоззренческом ядре, базисе,

которого человек придерживается достаточно долго, которое можно считать неизменным или очень мало меняющимся. Так, например, человек верующий, относящийся к своей вере всерьез, как правило, остается таким на протяжении многих лет или всей жизни. Устойчивыми факторами мировоззрения являются и базовые этические нормы, поведенческие модели, вкусовые пристрастия, психотипы личности.

В научной и учебной литературе принято вводить так называемые типы мировоззрений: мифологический, религиозный, научный, художественный и философский. Такое деление удобно с дидактической точки зрения, но мировоззрение подавляющего большинства людей невозможно отнести к какому-либо из этих типов. На самом деле эта типология говорит не о типах, а об источниках, о формах познания, лежащих в основе построения тех или иных аспектов

мировоззрения. Реальное мировоззрение конкретного человека чаще всего складывается под воздействием всех этих форм познания. Разумеется, какая-то из них может быть доминирующей. Скажем, у большинства ученых-физиков основу составляет научное мировоззрение, они тонко и точно ощущают меру достоверности тех или иных фактов, их картина мира с неизбежностью вбирает в себя физическую картину мира. Но это не означает, что их мировоззрение и мирозерцание не вбирают в себя многие иные элементы духовной культуры.

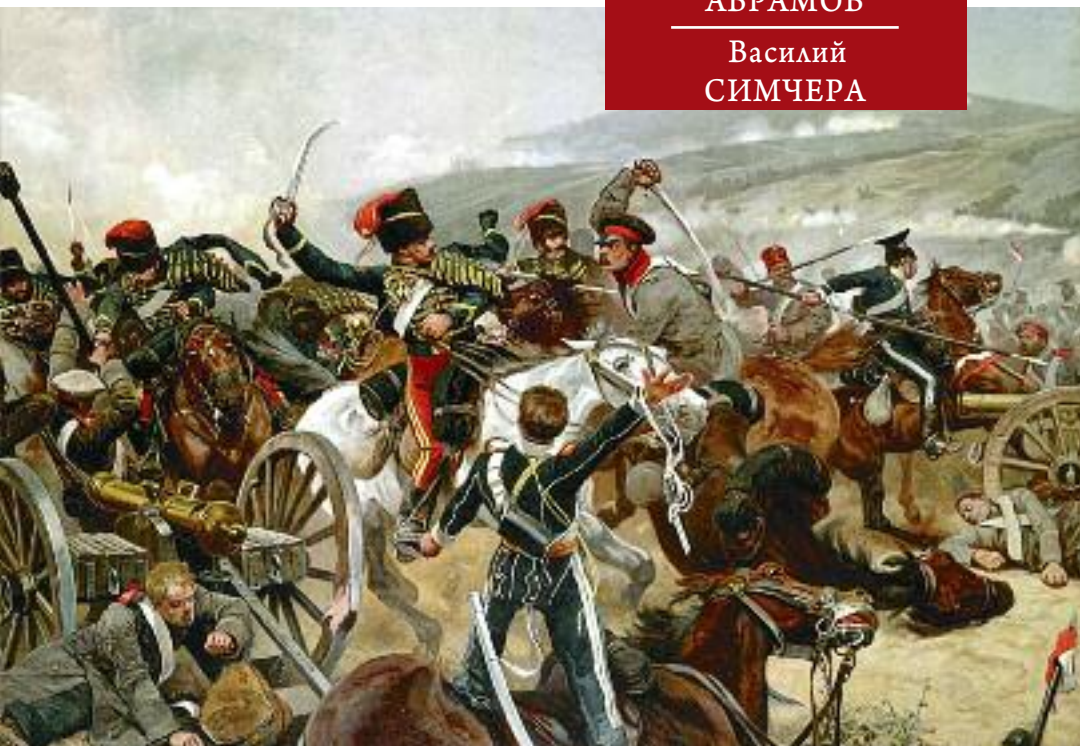
Мировоззрение как целое состоит из следующих частей: картины мира, его описательной модели, объяснения устройства мира, его возникновения и развития, его начала и конца. Оно отвечает на вопросы «что хорошо и что плохо», «что и как следует делать», определяя этику и ценностный мир, на вопросы «что является правдой», «как отделить истинное от ложного». Наконец, мировоззрение отвечает на вопрос о самом себе – «из чего и как оно складывается».

Осознав это, мы понимаем, что именно мировоззрение является средой и средством любого общения: от обычных людей друг с другом – до управленческих систем любого уровня (от корпорации до государства). И если мы не задумываемся, не знаем, из чего и как сложилось мировоззрение тех, с кем я общаюсь, если мы воспринимаем лишь вторичные – пусть и влиятельные до одержимости – свойства личности (политическую принадлежность, вероисповедание и пр.), мы настолько сужаем свой арсенал, свои возможности диалога, поиска форматов и содержания сотрудничества, что они предстают как недостижимые. Хотя достаточно было просто понимать, из какого материала, на основе каких исходных мировоззренческих принципов сформировалась эта одержимость, чтобы увидеть и возможности взаимовыгодного сотрудничества, и пространства компромисса.

Общественный раскол, наблюдаемый сегодня во многих странах, обычно измеряют на языке политики, в пространстве идеологем и интересов. И никому пока не удалось достичь общественного согласия на основе компромиссов. Потому что копать нужно глубже – на уровне мировоззренческого базиса и процессов его формирования. Только оттуда можно увидеть пути к возможному согласию, к диалогу. И это именно то, чем стоит заниматься.

К вопросу о мировоззрении вплотную примыкают и другие важные аспекты и факторы нашей жизни. Среди них – проблема идентичности и вопросы, касающиеся традиции, консерватизма и их динамики.

Об этом – в следующих публикациях. **Р**

Ричард Кейтон Вудвил. Спасение легкой бригады 25 октября 1854 года. 1897 год

Исходный уровень коррупции и демократии при Николае I и Александре II был примерно одинаковым, а результаты разные. Царствование Николая I завершилось позорным поражением в Крымской войне, вскрывшей все недостатки режима

О НЕРЕШАЕМЫХ ПРОБЛЕМАХ И РЕЗЕРВАХ экономики России

Оценка ситуации

Профессор Сибирского института управления РАНХиГС Григорий Ханин в работе «Руководство страны опирается на ошибочные данные об экономике» показал катастрофическую картину со статистическими оценками важнейших показателей экономики России. К сожалению, при более полном и подробном анализе можно увидеть, что ситуация в стране еще хуже, чем представляет ее автор статьи. Ложная информация искажает истинное положение дел. Отсутствие достоверной информации, подмена ее обещаниями и мифами усыпляют людей, отвлекают их от решения насущных проблем, не позволяют им принимать верные управленческие решения.

Результат – ВВП не растет, население нищает, перспектив не видно.

Для получения полномасштабных данных приходится корректировать сотни и тысячи ныне недостоверно наблюдаемых или откровенно фальсифицируемых по-

казателей. Во многих случаях из-за полной непрозрачности требуется всеобщая инвентаризация (не путать с опросами общественного мнения), которой, не считая

Михаил Давыдович Абрамов – кандидат технических наук, вице-президент ЭАЦ «Модернизация»

Василий Михайлович Симчера – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

архаичной переписи населения и куцей сельскохозяйственной переписи, не было в России вот уже целых 60 лет. Сегодня невозможно понять, как доподлинно обстоят дела в целом. А без видения целого судить о частном сложно, ошибочно и опасно. В условиях войны отсутствие достоверной информации ведет к неоправданным потерям и даже к поражению. В мирное время масштаб потерь может быть еще больше. Нынешняя российская практика принятия решений это подтверждает. За 25 лет реформ в России уничтожено больше заводов и фабрик и в разы потеряно больше людских сил, материальных и финансовых средств, чем за годы войны.

Опора в подобной работе на натуральные показатели – такие, как объективные оценки, – большое подспорье, но всего лишь подспорье. Мало помогают повышению достоверности и надежности данных и ныне широко распространяемые экспертные оценки, отражающие мнения (но всего лишь мнения), а не факты, что, как известно, совсем не одно и то же. Подавляющее большинство необходимых объективных оценок таким путем в принципе не может быть получено. Образующийся вакуум заполняется вымыслами и препарированными, по преимуществу фальсифицированными оценками. В целом объективно, полномасштабно и адекватно решает дело глобальная зеркальная статистика, основу основ которой, как в бухгалтерском учете, составляет двойная запись одной и той же операции или сделки двух взаимодействующих предприятий или стран, в принципе исключающая возможность подмены или подтасовки данных в одностороннем порядке, – то, что кто-то за какие-то деньги продал, обязательно кто-то за те же деньги купил. Такая статистика соединяющихся сосудов – гарант обеспечения достоверности наблюдаемых данных, основанный на возможности их взаимной проверки. К сожалению, зеркальная статистика как полноценный источник инструментального контроля достоверности данных у нас до сих пор не получила должного

Николай Дмитриев-Оренбургский. Въезд великого князя Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 года. 1885 год

Период царствования Александра II историки называют эпохой Великих реформ, в результате которых Россия встала в один ряд с наиболее развитыми державами

признания и применения. И поэтому неудивительно, что многие более достоверные и полные данные о себе, собственных проблемах и бедах мы до сих пор получаем извне.

Приукрашивания и фальсификации действительности не спасают от ухудшения экономической ситуации в России, а напротив – усугубляют и отягчают ее. На строгом юридическом языке такие действия квалифицируются

как правонарушения и требуют строгой не только статистической, но и правовой оценки. Для многих граждан ситуация становится катастрофической. Выкарабкаться из поглощающей нас трясины застоя затягиванием поясов и точечными косметическими улучшениями невозможно без полномасштабной и принципиальной оценки существующего положения, без принятия и реализации кардинальных решений, ➔

Сегодня в России 130 тысяч убыточных или неработающих заводов и фабрик, 42 млн гектаров пустующих земельных угодий, 12 млн безработных, 15 млн лиц без определенных занятий, 45 процентов неиспользуемых производственных мощностей. Эти резервы должны быть идентифицированы и в полном объеме задействованы на благо России

→ предполагающих смену курса, кадров и приоритетов.

Имитационные методы борьбы с коррупцией, бесхозяйственностью, убыточностью и другими творимыми в стране безобразиями истощают ее ресурсы. Олимпийские и другие затратные стройки обескровливают экономику. Систематические злоупотребления с государственными закупками, адресными инвестициями, налоговыми и таможенными платежами, авансовыми трансфертами – только по учетным данным Счетной палаты РФ – истощают треть всех доходов госбюджета. Круговая порука в назначении и переназначении кадров из ангажированных и приближенных лиц без должного образования и элементарной профессиональной подготовки под благовидным предлогом кадровой ротации делают практически всю экономику феодальной и по сути неуправляемой. Лживые СМИ и продажные шоумен-

ны развращают страну и оболванивают народ. Тщетная и выматывающая погоня за международным престижем в ущерб решению элементарных задач национального развития ускоряют разрушение государства. За ценой не стоят, с рисками не считаются, отчетность притворная, контроля нет, научные расчеты игнорируют. Независимые оценщики и аудиторские заключения фиксируют наличие огромных разрывов между занижаемой начальной и завышенной конечной ценами практически всех реализуемых в стране программ и проектов. Цену этого пира во время чумы, который блокирует всё – и не только экономическое, но и нравственное – развитие страны, доподлинно никто не определяет, ее тоже еще только предстоит узнать.

Не получили надлежащих оценок неудачи, провалы и потери российской экономики. Не обозначены в этих неудачах роли

мнимо радикальных институциональных преобразований и их отцов-неудачников, в том числе криминальных авторитетов с бывшими государственными должностями и наградами, не определена цена причиненного ими ущерба, не предъявлены счета-требования и соответствующие иски по его возмещению. Сколько одних только денег, не считая грез и нервов, заплатил наш народ за демократию и гласность, а теперь платит за вождизм и патриотизм, которые так и не состоялись.

Нужны разумные и объективные оценки, на ос-

нове которых следует регламентировать отношения и приоритеты в обществе. И прежде всего адекватные оценки издержек и стоимости доминирования приоритетов социального развития над экономическим, диктатуры над демократией, меньшинства над большинством, закона над справедливостью или справедливости над законом, богатого над бедным и зла над добром, которые ныне оцениваются на авось и грешат против истины. Как выбирать одно из двух, кто вправе делать выбор, кто и сколько выигрывает, кто и сколько проигрывает? Всё это объективной статистике в России еще только предстоит установить. В цивилизованных странах цена всему этому уже давно известна.

Мировая история предлагает разные варианты успешного развития. По пути доминирования командно-волевых методов и ограничения демократических институтов и ценностей в свое время успешно шли оккупированные Германия и Япония, коммунистический Китай, диктаторские режимы Южной Кореи, Сингапура, Малайзии, Чили и др. При этом по мере укрепления экономического роста успешно строились и развивались демократические институты.

Можно воспользоваться и российским опытом. Исходный уровень коррупции и демократии при Николае I и Александре II был примерно одинаковым, а резуль-

таты разные. Царствование Николая I завершилось позорным поражением в Крымской войне, вскрывшей все недостатки режима. Период царствования Александра II историки называют эпохой Великих реформ, в результате которых Россия встала в один ряд с наиболее развитыми державами.

И сегодня России нужны реформы. К сожалению, и правители, и оппозиция (формальная и неформальная) конкретных рекомендаций по изменению ситуации в экономике не предлагают. Одни советуют делать то, другие – это, но как сделать, чтобы то или это делать было выгодно и с пользой для всех, не знают ни те ни другие. В этом случае положительного результата не будет. Еще свежи в памяти события 1996 года, когда, потерпев поражение на экономическом фронте, некоторые сегодняшние оппозиционеры призывали на выборах «голосовать сердцем» и при подсчете голосов использовали те методы, против которых сегодня выступают.

Произвольно и многократно пересматриваются отчетные оценки объемов и темпов роста в пределах, граничащих с абсурдом недопустимых колебаний (от 2-3 до 7-8 и даже, как в Китае, до 14-15 процентов), определяются прогнозные оценки (в частности, оценки в период до 2030 года), не получают надлежащих объективных оценок причины, препятствующие предстоящему экономическому развитию, с еще с большей безответственностью и более недопустимыми погрешностями определяются источники, факторы и незадействованные резервы повышения эффективности использования имеющихся материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

Между тем такие резервы есть. Например, сегодня в России 130 тысяч убыточных или неработающих заводов и фабрик, 42 млн гектаров пустующих земельных угодий, 12 млн безработных, 15 млн лиц без определенных заня-

Огромным резервом нашего развития является снижение коррупции, масштабу и причинам которой еще только предстоит дать объективную оценку. Коррупция существует во всех странах. И в России воровали всегда. Но такого уровня коррупции, как сегодня, в России не было за всю ее историю

тий, 45 процентов неиспользуемых производственных мощностей. Консолидированный годовой бюджет потерь России составляет 1,5 трлн долларов и превышает весь годовой объем ВВП России. Эти резервы должны быть идентифицированы и в полном объеме задействованы на благо России.

Огромным резервом нашего развития является снижение коррупции, масштабу и причинам которой еще только предстоит дать объективную оценку. Коррупция существует во всех странах. И в России воровали всегда. Но такого уровня коррупции, как сегодня, в России не было за всю ее историю. Вот некоторые факты.

В 2016 году в международном рейтинге уровня коррупции Россия занимала 136-е место из 174 стран вместе с Нигерией, Камеруном, Киргизией. Одна радость – Украина по уровню коррупции в том же рейтинге на 142-м месте.

Теневая экономика составляет от 40 до 50 процентов ВВП.

Примерно половина экспорта и импорта идет мимо кассы, бюджет страны ежегодно недополучает 70–80 млрд долларов в виде таможенных сборов и пошлин, или треть своего общего объема. Например, по данным ООН, представленным Россией, в 2015 году Россия поставила в США нефтепродуктов на 3 млрд долларов, а по данным, представленным США, они получили их из России на сумму 9 млрд долларов. Соотношение данных по нефтепродуктам России и Германии: 10,9 млрд долларов и 27,1 млрд долларов. То есть США и Германия получили от нас в 2,6 раза, или на 22,2 млрд долларов, больше углеводородов, чем мы им поставили.

Более половины крупной российской собственности зарегистрировано в офшорах.

Ежегодные потери на госзакупках (пресловутая административная рента) превышают 1,2 трлн рублей в год, или 9 процентов всего госбюджета. Примерно ➔

Умы и капиталы бегут из России. В 2014 году страну покинули более 320 тысяч россиян. При этом бегут не самые худшие. Только в США получили рабочие и студенческие визы, дающие право на временное пребывание на территории США, 245,6 тысячи россиян, что в два раза больше, чем десять лет назад

→ во столько же обходятся России потери на отмывании денег, санации и ликвидации банков, завышении кредитных ставок и курсовых разниц, других попустительских схемах сомнительного обогащения. Например, как сообщил зампред Банка России Михаил Сухов на заседании комитета Госдумы по финансовому рынку, потери предприятий в 72 российских банках с отозванной лицензией составили порядка 400 млрд рублей. Всего за годы реформ были отозваны лицензии у 2,5 тысячи банков.

Консолидированный коррупционный бюджет России превышает 500 млрд долларов, или 40 процентов годового объема ВВП, и вместе с потерями выступает главным тормозом повышения темпов экономического роста, расширения емкости отечественного рынка, увеличения доходов

и улучшения благосостояния населения.

Серьезного уточнения требуют оценки социального неравенства и бедности, объективные уровни и темпы роста которых еще только предстоит установить.

Имущественное неравенство в России является самым высоким в мире – за исключением малых стран Карибского бассейна.

Население нищает. По подсчетам экспертов ВШЭ, в 2016 году трудности с покупкой продуктов или одежды испытывал 41 процент россиян (при этом у 11 процентов жителей страны денег не хватает даже на продукты). По уровню минимального размера оплаты труда Россию обогнали беднейшие страны Европы: в России в 2016 году МРОТ – 120 евро в месяц (7,5 тысячи рублей), в Болгарии – 235 евро, в Румынии – 275 евро, в Латвии и Литве – 380 евро.

Продолжается деградация образования, здравоохранения, науки, культуры. Растет уровень преступности, алкоголизма и наркомании.

Умы и капиталы бегут из России. В 2014 году страну покинули более 320 тысяч россиян. При этом бегут не самые худшие. Только в США получили рабочие и студенческие визы, дающие право на временное пребывание на территории США, 245,6 тысячи россиян, что в два раза больше, чем десять лет назад. Вид на жительство в странах Европы был предоставлен примерно 75,3 тысячи россиян. В 2016 году Россию покинули 350 тысяч граждан. Чистый вывоз капитала частным сектором за семь лет – с 2008 по

2014 годы – составил 570 млрд долларов.

Растет экономическая зависимость России от иностранного капитала. Иностранцам принадлежит не менее 65 процентов крупной российской собственности.

Под вопросом продовольственная безопасность России. По данным Министерства сельского хозяйства, доля иностранного капитала в пищевой промышленности уже составляет 60 процентов и продолжает устойчиво расти. Как только на российском рынке появляется сильное отечественное производство или бренд, пользующийся популярностью у потребителя, они сразу скупаются иностранными корпорациями, которым принадлежит преимущественная доля в большинстве сегментов российского рынка продуктов питания и напитков:

- почти 60 процентов рынка молока;
- более 70 процентов рынка соковой продукции;
- порядка 80 процентов рынка замороженных овощей и фруктов;
- более 90 процентов рынка плодоовощной консервации;
- более 80 процентов рынка пивоварения.

Отечественные компании пока сохраняют лидерство на рынках мясопереработки и хлебобулочных изделий, однако в данных сегментах также прослеживается общий тренд – поглощение более мелких компаний крупными корпорациями, в том числе западными.

Даже предприятия-производители «исконно российских» товаров принадлежат иностранцам. Например, молочные продукты «Домик в деревне» и «Веселый молочник», вода «Ессентуки», соки «Фруктовый сад», «Любимый», «Тонус», «Я», «Добрый», квас «Кружка и бочка», печенье «Юбилейное», шоколад «Воздушный» со слоганом «Россия – щедрая душа», вафельный торт «Причуда», конфеты «Коркунов» принадлежат США, «Простоквашино» и «Растишка», а также автомобиль «Лада» – Франции, конфеты «Белочка» и «Мишка на севере» – Норвегии, мороженое «48 копеек» – Швейцарии, пиво «Балтика», «Невское», «Жигулевское» – Дании, пиво «Охота», «Три медведя» – Нидерландам, пиво «Клинское» – Бельгии и т. д.

Быстрыми темпами идет разрушение российской промышленности. Численность работников машиностроения за 20 лет сократилась в 3,7 раза. Итоги действий российской власти за последние 25 лет подвел Минпромторг: «Во многих стратегических отраслях промышленности доля импорта в потреблении превышает 80 процентов, что создает потенциальную угрозу как для национальной безопасности, так и конкурентоспособности российской экономики в целом. При этом наиболее перспективными с точки зрения импортозамещения являются станкостроение (доля импорта составляет более 90 процентов), тяжелое машиностроение (до 80

процентов), легкая промышленность (до 90 процентов), радиоэлектронная промышленность (до 90 процентов), фармацевтическая и медицинская промышленность (до 80 процентов)».

Рост доли импортной промышленной продукции на российском

млн долларов, а в России такой же завод должен заплатить 74 млн долларов, то есть на 26,1 млн долларов больше. На заводе в Канаде работают 14 бухгалтеров, а в России для такого завода потребуются 65 бухгалтеров (на «Ростсельмаше» работают 200 бухгал-

Под вопросом продовольственная безопасность России. По данным Министерства сельского хозяйства, доля иностранного капитала в пищевой промышленности уже составляет 60 процентов и продолжает устойчиво расти

рынке начался в 1991 году и продолжается до сих пор, дойдя до 80–90 процентов. Соответственно, российская продукция составляет от 20 до 10 процентов. И эта доля сокращается с каждым годом, несмотря на призывы и указания президента.

В России производить невыгодно. Например, тракторный завод, принадлежащий объединению «Ростсельмаш», находящийся в Канаде и получивший в 2012 году прибыль в размере 16,4 млн долларов, в российских условиях имел бы убыток 21,7 млн долларов, то есть не мог бы работать. Налоги – главная статья, определяющая убыточность предприятия в России. Завод в Канаде в 2012 году заплатил в виде налогов 47,9

теров). К тому же в Канаде заводу дают кредиты под 2,3 процента, электроэнергия в два раза дешевле, чем в России, и т. д. Но налоги – главное.

Аналогичные результаты получены при сопоставлении налогового бремени на предприятия в России и США. В США нет НДС (у нас он – 18 процентов, существующий в США налог с продаж – в разных штатах от 5 до 11 процентов – производителей не касается), в США нет налога на имущество (у нас – 2,2 процента), приобретаемое оборудование стоимостью до 2 млн долларов в год в США списывается на себестоимость (у нас – сначала заплати 20 процентов налог на прибыль, а потом постепенно аморти-

В России производить невыгодно. Например, тракторный завод, принадлежащий объединению «Ростсельмаш», находящийся в Канаде и получивший в 2012 году прибыль в размере 16,4 млн долларов, в российских условиях имел бы убыток 21,7 млн долларов, то есть не мог бы работать. Налоги – главная статья, определяющая убыточность предприятия в России

→ зируй), социальные взносы у них – 13,3 процента (у нас – 30 процентов), в США прогрессивный налог на прибыль предприятий от 15 до 38 процентов и прогрессивный подоходный налог до 39,6 процента – чем беднее предприятие или гражданин, тем меньше ставки налогов. Предприятию дают подытиаться, а лишь потом его разумно «стригут». Более половины граждан США освобождены от уплаты налогов. У нас вопреки Конституции РФ (пункт 2 статьи 7) 13 процентов берут даже с доходов ниже прожиточного минимума. В результате налоговая нагрузка на малое производственное предприятие в США в 3–5 раз ниже, чем на такое же предприятие в России.

Россия испытывает острый недостаток средств для экономики, обороны и социальных программ. Оценки же конкретных показате-

лей недофинансирования противоречивы, отличаются особой непрозрачностью и требуют существенного уточнения.

У нас вопиющие диспропорции в развитии центра и регионов. Нашу экономику – и прежде всего региональную – разрушают некомпетентность и безответственность кадров на всех уровнях и во всех отраслях и, как следствие, низкое качество и неэффективное использование инструментов управления, в том числе налоговой, банковской, финансово-кредитной, таможенно-тарифной и судебной систем. Статистические оценки промышленной политики, ЖКХ, имущественных отношений, деофшоризации, конкуренции и демонополизации фрагментарны, непрозрачны, а большей частью вообще отсутствуют и на фоне мировой региональной статистики не выдерживают никакой критики.

Наконец, официальная статистика не отражает действительного положения дел и требует коренного пересмотра при оценке ключевых макроэкономических показателей современного развития, различия между которыми подчас достигают предельных значений и должны квалифицироваться как неприемлемые. Вот примеры:

- национальное богатство России: официальная оценка – 4 трлн долларов, фактически (по данным НИИ статистики Госкомстата России) – 40 трлн долларов;
- разрыв в доходах 10 процентов самых богатых и 10 процентов самых бедных: официально – 16 раз, фактически – 28–36 раз;
- разрыв в уровне валового внутреннего продукта по регионам: официально – 14 раз, фактически – 42 раза; в социальном плане Россия давно перестала быть единой страной;
- доля населения, принадлежащего к социально деклассированным группам, в процентах к общей численности населения: официально – 1,5 процента, фактически – 45 процентов; по данным НИИ статистики (Росстата), в стране 12 млн алкоголиков, более 4,5 млн наркоманов, свыше 1 млн беспризорных детей; почти половина деклассированных в богатейшей стране – свидетельство полного провала экономической и социальной политики власти;
- удельный вес убыточных предприятий: официально – 8 процентов, фактически – 40 процентов;
- степень износа основных фондов: официально – 48,8 процента, фактически – 75,4 процента;
- доля иностранного капитала в экономике России: официально – 20 процентов, фактически – 75 процентов;

- разница между ценами производителей и розничными ценами, в размах: официально – 1,5, фактически – 3,2;
- численность людей, совершивших преступления (в 2009 году), в млн человек: официально – 3, фактически – 4,8.

Нами приведены данные по состоянию в основном на конец 2013 года. В последующие годы общее положение дел в стране, как известно, ухудшилось. Выверенные оценки позволяют не только глубже проникать в существующие в стране проблемы, но и более точно выявлять скрытые резервы роста и определять конкретные инструментальные и административные меры по их вовлечению в эконо-

Меры, предлагаемые для реализации в 2017–2019 годах
Производство в России неконкурентоспособно прежде всего из-за коррупции, высоких налогов, судебного и административного произвола. Ниже предложены меры, реализация которых позволит обеспечить рост экономики и ослабление влияния указанных факторов, что даст бюджету в виде дополнительных доходов не менее 10 трлн рублей ежегодно.

Совершенствование налогового администрирования

Мир предпочитает простые истины, он движется в направлении упрощения понятий, а Россия идет в противоположном направлении. Сложность процедур – одна из коренных

взятку, чем оформить всё по закону. Процедуры же, связанные с исчислением и уплатой налогов и с налоговой отчетностью, выделяются особо. Ведь ценой ошибки оформления может стать разорение предприятия или уголовное преследование его руководителей и даже рядовых работников бухгалтерии.

«Книга покупок» и «Книга продаж» с трехкратной записью каждой продажи, налоговый учет, который надо вести параллельно с бухгалтерским учетом, оформление возмещения НДС – вот неполный перечень «заморожек» бухгалтера. Отчет в налоговую инспекцию – несколько десятков страниц текста и расчетов. На каждой из этих страниц возможны ошибки

мический оборот уже в ближайшие годы. По нашим ориентировочным расчетам, в случае беспечительной реализации этих мер бюджет России уже в 2017–2019 годах может получить дополнительные доходы в сумме от 11 до 15 трлн рублей, в том числе за счет:

- совершенствования механизма учета и возврата НДС (1,5–2 трлн рублей);
- совершенствования подоходного налогообложения (2–3 трлн рублей);
- наведения порядка на таможне (2–3 трлн рублей);
- повышения эффективности изъятия природной ренты (1,5–2 трлн рублей);
- деофшоризации экономики (4–5 трлн рублей).

Сложность процедур – одна из коренных проблем всех сторон нашей жизни. Очереди к чиновникам, хождение по инстанциям, получение различных справок, оформление большого числа документов для решения малого вопроса сопровождают нашу жизнь от самого рождения и являются одной из причин коррупции: проще дать взятку, чем оформить всё по закону

проблем всех сторон нашей жизни. Очереди к чиновникам, хождение по инстанциям, получение различных справок, оформление большого числа документов для решения малого вопроса сопровождают нашу жизнь от самого рождения и являются одной из причин коррупции: проще дать

с последствиями вплоть до уголовных – сегодня в тюрьмах сидят более 100 тысяч предпринимателей. Многие из них сидят из-за разногласий с налоговой инспекцией в оценке отчетных данных – и в первую очередь по НДС. Электронная отчетность проблем не решает.

→ Сегодня в России по разным данным работают от 3,7 млн до 5 млн бухгалтеров. Самостоятельными профессиями стали сдача отчета предприятия, его регистрация и закрытие, которые в наших условиях без бухгалтера тоже не обходятся.

Между тем налоговую отчетность можно существенно упростить и объем декларации (налогового отчета) можно сократить до 1-2 страниц, на ко-

торых легко поместятся реквизиты предприятия и налоговой инспекции, налоговые базы, ставки налогов, налоговые вычеты, суммы уплаченных и подлежащих уплате налогов. Если информацию о предприятии и налогах поместить на одной странице, сразу будет видно – кто есть кто: кто создает добавленную стоимость и дает людям работу, а кто занимается перепродажей и «обналичкой», кого надо проверять, а кого можно и не проверять. В сегодняшнем отчете ничего не видно. Возможно, для некоторых это и есть его достоинство.

Проект формы налогового отчета по всем налогам на одной странице нами разработан. Возражений по существу мы не слышали, но и тех, кому в нашем государстве это нужно, мы пока не нашли, хотя экономия от реализации нашего предложения в годовом исчислении может превысить десятки миллиардов рублей.

Совершенствование налога на добавленную стоимость (НДС)

Актуальнейшей проблемой нашей экономики остается недостоверная практика учета и отчетности по НДС. Существующая методика расчета и система администрирования НДС открывают недобросовестным налогоплательщикам большие возможности для уклонения от его уплаты и создают дополнительные проблемы для тех, кто хочет заплатить

налоги – и спать спокойно. Именно с НДС связаны многочисленные конфликты между налоговыми и налогоплательщиками. Больше половины налоговых дел в арбитражных судах – иски, связанные с НДС. Злоупотребления с уплатой и возвратом НДС процветают и при экспорте-импорте, и при реализации продукции внутри страны.

Актуальнейшей проблемой нашей экономики остается недостоверная практика учета и отчетности по НДС.

Существующая методика расчета и система администрирования НДС открывают недобросовестным налогоплательщикам большие возможности для уклонения от его уплаты и создают дополнительные проблемы для тех, кто хочет заплатить налоги – и спать спокойно

Всего в 2015 году в бюджет поступил НДС в сумме 4100 млрд рублей, в том числе 2589,4 млрд рублей за продукцию, произведенную и реализованную в России, и 1510,6 млрд рублей за импорт.

О полноте уплаты НДС (резервах бюджета) можно судить, если сопоставить данные ФНС о собранном НДС и данные Росстата

о добавленной стоимости. Если поделить сумму собранного НДС (2589,4 млрд рублей) на добавленную стоимость (72 817,5 млрд рублей), мы увидим, что эффективная ставка НДС в целом по России составляет 3,55 процента. С учетом того, что часть продукции облагается по ставке 18 процентов, а часть – по ставке 10 процентов, взвешенная эффективная ставка должна быть равна 16 процентам. Таким образом, фактиче-

ская собираемость НДС в России примерно равна $3,55/16=22,2$ процента, а выпадающая его величина – 77,8 процента.

Кто-то скажет, что нельзя считать добавленную стоимость по данным Росстата. Но показатель 22,2 процента почти совпадает, например, с результатом расчета собираемости НДС по фактическим отчетным данным налоговой инспекции в Курской области в 2008 году. Там должны были собрать 19,2 млрд рублей, а собрали 4,24 млрд рублей, то есть реальная собираемость составила 22,1 процента.

Если ставку НДС снизить с 18 до 8 процентов и считать НДС, как мы предлагаем, прямым способом как произведение официальной добавленной стоимости предприятия (зарплата+прибыль+амортизация+налоги) и ставки налога, то предприниматели и рядовые покупатели скажут спасибо, а за продукцию, произведенную и реализованную в России, бюджет получит дополнительно около двух триллионов рублей. А если по примеру Китая отменить возмещение НДС при экспорте продукции добывающих отраслей и частично сократить льготы, дополнительные доходы бюджета будут еще больше.

Сегодня сложность сбора (администрирования) НДС настолько велика, что ФНС фактически смирилась с уклонениями и следит лишь за соблюдением статус-кво, то есть чтобы было собрано не меньше, чем в прошлый раз. Для этого в каждом регионе установ-

лена «безопасная доля вычетов», которая в среднем по России составила 90 процентов – ее не должны превышать налогоплательщики. Например, в Москве по состоянию на 1 октября 2016 года безопасная доля вычетов по НДС – 89,7 процента.

С существующим порядком можно было бы смириться, но в связи с введением Федеральной налоговой службой системы «АСК НДС-2», позволяющей вести тотальный учет уплаты НДС по всем счетам-фактурам цепочки поставщиков, уклоняться от уплаты будет опасно. Первые результаты действия «АСК НДС-2» показали, что несмотря на падение ВВП, сбор НДС вырос на 200 млрд рублей. Одновременно в 2015 году Росстат зафиксировал сокращение малых предприятий на 70 тысяч. Естественно, не только из-за НДС, но и НДС сыграл здесь свою убийственную роль.

Прежде чем внедрять наши предложения для всех, мы считаем целесообразным проверить их эффективность в двух-трех регионах России. И эту работу следует поручить нам. От Минфина и ФНС потребуются минимальные финансирование и содействие.

Тема очень актуальна. НДС несет угрозу российскому производству.

По результатам проверки можно будет уточнить ставку НДС. Возможно, более эффективной для бюджета, бизнеса и населения будет ставка НДС, равная 6 процентам.

Совершенствование

подоходного налогообложения

Существует и поддерживается миф, что введение плоской шкалы подоходного налога в 2001 году в размере 13 процентов позволило увеличить его собираемость и предприниматели вышли из тени. Этот миф полностью разоблачают независимые друг от друга исследования Всероссийского центра уровня жизни и Счетной палаты РФ, выполненные в 2002–2004 годах: рост поступлений объясняется исключительно увеличением базы – обложением военных, повышением окладов и т. д.

Прогрессивная шкала позволяет перераспределять доходы наиболее оптимальным образом и за счет собранных налогов обеспечивать достойные зарплаты бюджетникам. Например, в США подоходный доход составляет почти половину бюджета, а у нас – около 10 процентов

И сторонники, и противники российской плоской шкалы, как правило, руководствуются внутренним убеждением или классовым чутьем. При этом речь ведут о справедливости. Между тем расчеты показывают, что если бы в нашей стране была средне-европейская прогрессивная шкала подоходного налога, то ВВП России был бы на 30–50 процентов выше, чем в реальности. Объяснение – очень простое. Если у большинства населения нет денег, то нет покупательского спроса и ВВП не растет. А богатые хранят свои средства за рубежом, тратят их там же на недвижимость и предметы роскоши (яхты, футбольные клубы и др.) или развивают там бизнес, что также не способствует российскому производству и росту ВВП.

Именно прогрессивная шкала позволяет перераспределять доходы наиболее оптимальным образом и за счет собранных налогов обеспечивать достойные зарплаты бюджетникам. Например, в США подоходный доход составляет почти половину бюджета, а у нас – около 10 процентов.

Все страны, добившиеся успехов в экономике, а также страны БРИКС (кроме России) применяют прогрессивную шкалу. Плоская шкала хороша там, где нет избыточного неравенства. Применяют ее и там, где власти отдают приоритет интересам богатого меньшинства перед интересами страны и имеют возможность морочить головы своим гражданам. Власти России, по-видимому, тоже догадываются, что прогрессивную шкалу подоходного налога надо вво- ➔

→ дить. Но примеряют этот налог к своим доходам и решают подождать, пока не клюнет жареный петух. Пока что этот петух только просыпается.

Недавно на сайте «Форбса» появилась статья «Калькулятор против Путина», в которой нарисована неприглядная картина существования российского гражданина с государством. Среди прочего автор выразил сомнение в эффективности нашей налоговой системы и целесообразности применения плоской шкалы. Статья была настолько интересной, что удостоилась полного разоблачения на том же сайте.

Кто-то скажет: мало ли кто и что пишет. Но одно дело, когда о преимуществах плоской шкалы говорят ее адепты, а другое дело – «Форбс», которому некоторые верят. К сожалению, и оппозиционные экономисты, критикующие власть, тоже нашей налоговой системой и, в частности, плоской шкалой довольны. Приведем лишь мнение Евгения Ясина, высказанное им в 2008 году: «Никаких очередных реформ в налоговой системе нам не нужно. Сейчас общий уровень налоговой нагрузки составляет 39 процентов. Эта цифра – незапредельная, бизнес ее выдержать может». И двумя годами позже: «Прогрессивной шкалы налогообложения в России больше не будет никогда. И следовать по этому пути будет всё больше стран».

Колумнист «Форбса» обосновывает плоскую шкалу тем, что «в Германии вдобавок к прогрессивному подоходному налогу (до 45 процентов) платят 41 процент налогов на ФОТ», а «во Франции работодатели платят 45 процентов налога на ФОТ, работники – 21 процент социальных отчислений плюс подоходный налог по ставке до 40 процентов. <...> Налоги с фонда оплаты труда в России существенно ниже, чем за рубежом».

К сожалению, так думают многие. Но это не соответствует действительности. В 2016 году налогооблагаемый налогом годовой доход одиночки в Германии составил 8652 евро (или 46 тысяч рублей в месяц), а во Франции – 6011 евро (или 32 тысячи рублей в месяц). По данным ВЦИОМ, в августе 2015 года медианная зарплата на руки в России составила 20 тысяч 487 рублей, то есть половина

Нелегальный импорт душит отечественного производителя, а нелегальный экспорт подтачивает бюджет. В коренном реформировании нуждается организация внешнеторговых операций, и прежде всего надо реформировать Федеральную таможенную службу

населения получает зарплату больше этой суммы, а половина – меньше. Если бы при сегодняшних зарплатах в России была французская шкала, то от налога были бы освобождены, по меньшей мере, 60 процентов населения, а если бы немецкая – 70–80 процентов.

Пострадает ли средний класс – зависит от параметров шкалы. Для начала можно ввести прогрессивную шкалу со следующими ставками:

- доходы до 20 000 рублей в месяц не облагаются;
- доходы от 20 001 до 250 000 рублей в месяц – 13 процентов;
- доходы от 250 001 до 1 000 000 рублей в месяц – 30 процентов;

- доходы свыше 1 000 000 рублей в месяц – 50 процентов.

Это – одна из самых щадящих шкал в мире. Но даже при этой шкале Михаилу Прохорову, заплатившему, по его словам, в бюджет самый большой в России подоходный налог – 15 млрд рублей, пришлось бы заплатить 57 млрд рублей. А 200 тысяч российских семей, которые, согласно данным Росгосстраха, имели годовой доход свыше 30 млн рублей, заплатили бы в бюджет дополнительно не менее 3 трлн рублей.

Введение нормального подоходного налогообложения и прогрессивной шкалы с необлагаемым минимумом существенно повысило бы покупательную способность населения и дало бы бюджету до-

полнительно не менее двух-трех триллионов рублей ежегодно.

Наведение порядка на таможне
В 2015 году экспорт России составил 345,9 млрд долларов, или почти 21 трлн рублей. Около 90 процентов экспорта – сырье и материалы.

Мы живем за счет продажи за рубеж сырья и полусырья и полностью зависим от мировых цен. Знака «Сделано в России» за границей не знают. При этом нелегальный импорт душит отечественного производителя, а нелегальный экспорт подтачивает бюджет. В коренном реформировании нуждается организация внешнеторговых операций, и прежде всего надо реформировать Федеральную таможенную службу. В работе, выполненной ЭАЦ «Модернизация» по заданию комитета Государственной Думы по транспорту, показано, что примерно половина экспорта и импорта России идут мимо кассы. В работе даны рекомендации по исправлению ситуации. К сожалению, эти рекомендации пока никого не заинтересовали. Таможенные потери российского бюджета от серого импорта и экспорта

та, например, в 2013 году составили не менее 2,5 трлн рублей. В 2015 году эти потери, несмотря на снижение внешнеторгового оборота на целых 38,2 процента, были еще выше.

Первая мера по устранению этого безобразия – очень простая: Федеральная таможенная служба должна с применением зеркальной статистики объяснять и подкреплять документами разницу своих данных и данных, представляемых странами-партнерами.

Вторая мера – обычная при борьбе с коррупцией: любой гражданин должен быть всегда готов дать разумное объяснение происхождению своих богатств (недвижимости, банковских счетов и др. в России и за рубежом), не подкрепленных декларацией об уплате налогов или не соответствующих получаемым доходам.

**Повышение эффективности
изъятия природной ренты и
снижение цен
на энергоресурсы**

Обмен продуктов природы на готовую продукцию, произведенную трудом народов других стран, с точки зрения обеспечения долгосрочного экономического развития не имеет перспектив. ВВП при этой модели может расти, но это – рост за счет истощения, расширения материальной базы экономики.

Это не значит, что следует немедленно прекратить или сократить экспорт сырья и полусырья, доля которых сегодня составляет более 70 процентов нашего экспорта и около половины доходов российского бюджета. Но к этому надо стремиться и принимать меры для переработки сырья в продукцию с высокой долей добавленной стоимости в целях импортозамещения и экспорта. Продукцию с клеймом «Сделано в России» должны увидеть за рубежом и тем более в России.

На первом этапе необходимо повысить эффективность сырьевых компаний.

Например, президент ОАО «Роснефть» Игорь Сечин сообщил, что себестоимость добычи нефти в ОАО «Роснефть» равна 4,5–5 долларам за один бар-

**Надо принимать меры для переработки сырья в
продукцию с высокой долей добавленной стои-
мости в целях импортозамещения и экспорта.**

**Продукцию с клеймом «Сделано в России»
должны увидеть за рубежом и тем более в России**

рель. Если судить по годовому отчету ОАО «Роснефть» за 2015 год, полная себестоимость добычи существенно выше. В 2015 году добыча нефти компанией в нефтяном эквиваленте составила 254,2 млн тонн (или 1855,7 млн баррелей). Выручка – 3 831 094 945 тысяч рублей, себестоимость – 2 612 932 721 тысяча рублей. Если считать по выручке, полная себестоимость одного барреля равна 3 831 094 945 тысяч рублей поделить на 1 855 700 тысяч баррелей, то есть 2064,5 рубля, или при долларе, равном 60 рублям, – 34,4 доллара. Если считать по себестоимости продаж, полная себестоимость одного барреля равна 2 612 932 721 тысяча рублей поделить на 1 855 700 тысяч баррелей, то есть 1408,1 рубля, или 23,47 доллара США.

Что касается проблемы повышения эффективности недропользования, то для нашей страны она становится особенно актуальной в условиях обрушения мировых цен на нефть.

Нефть и газ – наши кормильцы. Сегодня компании сами добывают сырье и сами его продают. Государству они платят налог на добычу полезных ископаемых, акцизы и экспортные пошлины, составляющие сырьевую ренту.

При этом, как и другие экспортеры, сырьевики возмещают НДС при экспорте и, по мнению экспертов, злоупотребляют. Достаточно сказать, что с 2000 по 2012 годы экспорт России вырос в 5,2 раза, а возмещение НДС – в 16 раз. Размеры злоупотреблений измеряются триллионами рублей.

Предлагаем изменить порядок взаимодействия российского государства с добывающими компаниями: право добычи нефти, газа и др. следует давать компаниям на конкурсной основе с фиксированной платой за единицу добываемого сырья. При этом сырье остается в собственности государства, которое продает его по мировым ценам без использования офшоров и посредников. И никаких НДС, НДС, акцизов и ➔

Право добычи нефти, газа и др. следует давать компаниям на конкурсной основе с фиксированной платой за единицу добываемого сырья. При этом сырье остается в собственности государства, которое продает его по мировым ценам без использования офшоров и посредников

→ пр. Добывающая компания работает в конкурентных условиях и платит налоги, как обычное предприятие.

За право работы на таких условиях российские компании ведут борьбу за рубежом. Например, в 2009 году при проведении тендера в Ираке победила заявка ЛУКОЙЛа и Statoil (Норвегия), так как консорциум предложил самые выгодные Ираку условия: государство отдает компаниям в качестве вознаграждения

1,15 доллара за каждый добытый баррель, а консорциум обязуется нарастить добычу до 1,8 миллиона баррелей в сутки. В таких тендерах принимают участие компании всего мира. Нефтяные компании не могут заработать на повышении мировых цен на нефть, но зато заинтересованы в повышении производительности труда и снижении издержек при добыче. На этих же условиях ЛУКОЙЛ начал и продолжает до сих пор промышленную

добычу нефти на месторождении Западная Курна-2. Затраты ЛУКОЙЛа на проект правительство Ирака будет оплачивать добываемой нефтью. ЛУКОЙЛ уже потратил на проект около 4 млрд долларов. А общие инвестиции ЛУКОЙЛа составят 40 млрд долларов (около 1,4 трлн рублей). Вот бы эти инвестиции да в Россию! На таких же условиях работает и «Роснефть», привлекающая к добыче российские и зарубежные компании по операторским контрактам, заменяя собой государство.

Вводить предлагаемый порядок недропользования можно постепенно. Например, сначала проверить его эффективность на новых месторождениях.

А цены на бензин внутри страны правительство России могло бы регулировать, ориентируясь на приоритеты развития. И 10 руб-

лей за литр бензина АИ-92 – вполне нормальная и реальная цена.

Снижение цен на нефтепродукты будет способствовать развитию села, потянет за собой снижение цен на электроэнергию, тепло и услуги ЖКХ.

Деофшоризация экономики

Если бы завтра все офшорные зоны были закрыты, бюджет нашей страны был бы в два раза больше и можно было бы удвоить расходы на здравоохранение, образование, науку, культуру, оборону.

Трудно поверить, но почти всё, что в прошлые годы было построено нашими отцами и дедами и досталось новым собственникам менее чем за 1 процент балансовой стоимости, сегодня России не принадлежит. Впрочем, России не принадлежит и то, что было создано в последние годы. По словам депутата Госдумы Евгения Фёдорова, под иностранной юрисдикцией находится 95 процентов крупной российской собственности. Специалисты профильного управления МВД подсчитали, что через офшорные счета из России было выведено более 5 трлн рублей за полтора года. Это около 10 процентов ВВП. По словам главы Управления экономической безопасности МВД, основной массив коррупционных средств, оседающих за рубежом, составляют день-

Если бы завтра все офшорные зоны были закрыты, бюджет нашей страны был бы в два раза больше и можно было бы удвоить расходы на здравоохранение, образование, науку, культуру, оборону

ги, полученные в виде так называемых откатов в сфере госзаказа, и средства, похищенные напрямую из бюджетов различных уровней.

Помимо экономического ущерба, офшоры, то есть передача экономических активов России под юрисдикцию иностранцев, – угроза национальной безопасности России.

Есть лишь один, но достаточно серьезный фактор, оправдывающий использование офшоров российскими предпринимателями: исключительно плохой предпринимательский климат в нашей стране и, в частности, незащищенность прав собственности. Поэтому на первом этапе следует запретить пользоваться офшорными схемами предприятиям с государственным участием («Роснефть», «Газпром», «Транснефть» и др.), предприятиям, полученным в результате залоговых аукционов («Норильский никель», ЛУКОЙЛ, «Сургутнефтегаз», «Сибнефть», Новоли-

пецкий металлургический комбинат, Новороссийское морское пароходство, АО «Нафта-Москва», Северо-западное речное пароходство, Мурманское морское пароходство и др.), и предприятиям, работающим в сфере ЖКХ. Это позволит решить проблему офшоров больше чем на 90 процентов.

Что надо делать сегодня, здесь и сейчас? Надо делать то, что сказано выше, а именно, в ближайшие два-три года следует провести инвентаризацию страны, выявить ее ресурсы и возможности. Одновременно необходимо создать в России благоприятный для экономического развития климат. По мере решения текущих задач разрабатывать стратегию развития России, обеспечивающую рост ВВП на 6-7 процентов в год и ее превращение в современное, развитое государство, работающее на благо своих граждан. **Ф**

Александр ФИЛИППОВ:

«Выборы – это как бы рождение новой власти, даже если персонально власть остается старой»

Интервью доктора социологических наук, профессора Школы философии Факультета гуманитарных наук и руководителя Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Александра Фридриховича Филиппова

журнала Focus

– Страна входит в политический сезон, который в марте следующего года завершится президентскими выборами. И вопрос сейчас не в том, каковы будут результаты этих выборов – здесь нет и не может быть никаких сомнений, – а в том, каким окажется это новое издание путинского большинства, будет ли это большинство, как и прежде, большинством, которое в целом гомогенно в понимании своего лидера, или же на этот раз большинство окажется разделенным на группы, каждая из которых станет голосовать за «своего Путина»? Словом, какова будет морфология этого предстоящего через несколько месяцев предсказуемо единодушного волеизъявления?

– Сейчас социологами фиксируется достаточно высокая степень единодушия граждан по политическим вопросам. И вместе с тем весьма распространена точка зре-

ния, что этим самым социологам вообще нельзя верить. Но на деле – кто такие социологи? Это ограниченное количество больших полстерских компаний, они имеются в любой стране, и всюду они так или иначе связаны с правящими политическими режимами – вне зависимости от их окрасок и характеров. Поэтому такие компании включены в общую систему обеспечения единодушия. Иначе говоря, результаты опросов общественного мнения – с самой крайней точки зрения – это всегда и априорно фальсификации, с менее крайней точки зрения – это смесь истинных значений и фальсификаций, с еще более умеренной точки зрения – это отражение некоторого действительно существующего единодушия, однако отражение его при помощи таких методов и таких средств, которые затрудняют высказывание несогласия даже в тех случаях, когда это несогласие с существующими

порядками имеется. Почему об этом необходимо сказать с самого начала? Потому что есть, собственно, всего два механизма, позволяющих узнать, выявить волю народа, общественное мнение. Один механизм – это выборы, а другой – между выборами – это именно разного рода опросы.

– И какой из этих механизмов точнее? Какой правильнее показывает волю народа?

– Нельзя ставить вопрос настолько прямолинейно. Представьте себе, что у нас в распоряжении не несколько часов, какие-то из которых более точные, а какие-то менее точные, а всего-навсего одни-единственные часы, про которые точно известно, что они, в общем, довольно скверные и их даже не всегда заводят. И невозможно узнать, насколько эти часы отстают или спешат, потому что нет стандарта, эталона, других часов, про которые точно известно, что они правильно показывают

время. Об этих часах с уверенностью можно сказать лишь одно – что в определенный момент их стрелки, которые всё-таки не стоят на месте, оказываются в определенном положении. Для того, чтобы тем или иным способом замерять волю народа, нужно, во-первых, верить в народ, во-вторых, верить в его волю, в-третьих, верить в то, что эта воля каким-то образом концентрируется в момент выборов и после этого – неизвестно, каким образом, – сохраняется в законсервированном виде до следующих выборов. Да, безусловно, это политическая фикция, без которой, однако, не может существовать ни одна современная политическая система. И то, что показывают выборы, может быть выявлено только с их помощью, потому что во всех других случаях – в промежутках между выборами – мы во время всплесков общественной активности узнаем не о воле народа в целом, а о воле некоторого активного меньшинства этого народа, которое, как это обычно происходит в истории, очень умело выдает свой ограниченный, частный, локальный, партикулярный интерес за волю всего общества в целом. В каких-то случаях в резуль-

тате подобного псевдонародного волеизъявления происходит революция, меняется политический режим. В каких-то случаях всё остается по-прежнему. На этом фоне выборы – при всём их несовершенстве и возможных влияниях на их итоги – предлагают на самом деле замер той загадочной субстанции, которую мы по привычке и в силу определенной традиции называем волей народа. А между выборами точно такую же функцию выполняют опросы общественного мнения, которые, как и выборы, включены в политическую систему и действительно обладают способностью, будучи хорошо и грамотно проведенными, с одной стороны, свидетельствовать об изменениях в этой самой таинственной субстанции – воле народа, – которая в момент выборов манифестируется, выходит на поверхность, а с другой стороны, самым серьезным образом оказывать влияние на ее формирование. Поэтому опросы общественного мнения – это неотъемлемая часть политической системы, которая работает вовсе не на удовлетворение праздного или научного интереса незаинтересованного наблюдателя, а на саму политическую систему, служит

ее самонастройке. Если кто-то пытается возразить, что все опросы – это на самом деле филькина грамота, так как в действительности воля народа совсем другая, то это несерьезный аргумент, поскольку иного способа замерять эту самую волю – кроме опросов и выборов – просто не существует. Разумеется, на такой упрощенный ответ возможна и следующая реакция: помимо рутины выборов и опросов есть же митинги и демонстрации, есть разные формы заметной политической активности на улицах и в социальных сетях... Всё это нельзя недооценивать, конечно, но не будем путать островки активности и большие политические события, которые позволяют судить о воле народа. Именно отсюда идет часть сомнений: те, кто видит свою и знакомых активность, кто окружен подписчиками, «лайками», дружеской или хотя бы неравнодушной медиасредой, сомневается, если не сказать сильнее, в результатах опросов и выборов, которые подтверждают друг друга. – **Да, но сомневаться могут не в самом по себе способе получения тех или иных социологических данных путем опросов, а в том, что при сборе этих данных →**

Представьте себе, что у нас в распоряжении одни-единственные часы, про которые точно известно, что они, в общем, довольно скверные и их даже не всегда заводят. Об этих часах с уверенностью можно сказать лишь одно – что в определенный момент их стрелки, которые всё-таки не стоят на месте, оказываются в определенном положении

→ или при их обработке использовалась некорректная методика.

– Всё верно. Можно сказать, что мы не верим опросам, потому что знаем подлинную волю народа, а можно сказать, что мы им не верим, потому что просто считаем неэффективными, неправильными способы получения и анализа данных соцопросов. Но в любом случае пока что налицо довольно высокий уровень единодушия опрашиваемых граждан по важнейшим политическим вопросам, причем независимо от того, получено ли это единодушие с помощью тотальной пропаганды или же это единодушие, моментально возникшее и неизбежно обреченное рассыпаться. Сейчас можно считать, что такое единодушие есть – и этот факт фиксируется всеми крупными поллстерскими компаниями. Но я рискну высказаться по поводу этого единодушия в терминах, которые сейчас, может быть, не очень распространены. Когда Томас Гоббс объясняет, что такое государство, как оно возникает благодаря тому, что

называется общественным договором, он говорит, что это больше, чем просто согласие или единодушие, это реальное единство, которое репрезентируется в лице суверена. То есть единодушие вовсе не результат коллективного одобрения чего-то, не результат восторга или эмоций, но некоторая готовность опознавать себя и других как участников некоего политического единства. Фиксируемое опросами единодушие – это не так-то мало, но это не всё, что следовало бы знать об участниках совместной политической жизни.

– Но это у человека, скажем так, проработанного, определенно-го культурного уровня. Массовый человек всё-таки, наверное, руководствуется больше именно эмоциями.

– А я вот с этим не соглашусь. Мы себе придумали массового человека, потом придумали его психологию, а потом удивляемся, почему же этот самый массовый человек не всегда ведет себя так, как мы представляем в наших стройных

умозаключениях. В своей первой и ставшей самой знаменитой книге «Истоки тоталитаризма» Ханна Арендт несколько раз использовала английское слово blob, что означает каплю, сгусток некоей аморфной, тягучей, вязкой жидкости. Этим словом она обозначала как раз массового человека тоталитарного общества. Но отсюда вовсе не следует, что этот самый blob никогда не испытывал желания оказаться в лучах славы, что его не увлекало ощущение причастности к какой-то общности, к какому-то единству. Важно другое: чтобы вместо единодушия возникло хотя бы сколько-нибудь заметное разномыслие, а уж тем более чтобы такое разномыслие стало значимым политическим фактором, необходима серьезная институциональная инфраструктура – внятные партии, более или менее независимые. в финансовом отношении средства массовой информации, сердцевинные группы, вокруг которых формируются островки мнений, наконец, элементарные возможности для людей опознавать себе подобных в разных местах. Это всё не возникает просто так, как бы само собой, в созвучии с какой-то красивой идеей, восходящей к XVIII-XIX векам. Ничего само не происходит, для всего нужна институциональная среда. А эта среда разногласий у нас сейчас, скажем так, разглажена. То есть с одной стороны получается рыхлое, не проработанное до политического участия, но достаточное для поддержки существующего положения дел единодушие, а с другой – разрозненность, отсутствие институционального оформления, идейно и организационно устойчивых ядер преобразующей активности.

– Можно ли сказать, что выборы, несмотря на их в общем-то запрограммированные и заранее известные результаты, стали важным элементом постсоветской политической системы?

– Безусловно. В нашей политической системе – что бы мы о ней ни говорили, как бы мы ее ни критиковали – без выборов уже просто невозможно обойтись. Эта система требует легитимации через выборы. Пусть выборы на самом

деле являются не выборами как таковыми, а всего лишь неким политическим ритуалом, антуражем, медийным действием, но без них уже никак нельзя. Ритуал должен быть исполнен во что бы то ни стало. Приближаются президентские выборы. И несмотря на то, что их исход совершенно очевиден, после выборов мы окажемся в абсолютно другой ситуации, потому что – еще раз – это событие станет важным замером реальных настроений в стране. Тут всё будет значимо: и цифры, которые наберет победитель, и показатели его конкурентов, и реакция на исход голосования со стороны тех, кого очень условно можно причислять к оппозиции, – будут ли они выводить своих избирателей на улицу и обвинять власть в фальсификации. Возможно, мы увидим, насколько идеологически гомогенным окажется на этот раз путинское большинство. Словом, в выборах всё важно, каждая деталь, каждый нюанс, потому что выборы – это как бы рождение новой власти, даже если персонально власть остается старой. Существующая политическая система, несомненно, пройдет через выборы, но что-то в ней будет поставлено под вопрос. Да, конечно, по результатам президентских выборов это что-то, от чего власть захочет отказаться, будет не таким заметным и знаковым, как в случае с выборами думскими. Давайте вспомним, как в декабре 2011 года, когда начались массовые протесты по поводу результатов выборов в Думу, из публичной политики исчез Грызлов. Его крылатая фраза, что-де «парламент – не место для дискуссий», независимо от того, говорил ли он ее в такой именно формулировке или же она – плод журналистского творчества, стала притчей во языцех, оскорблением общественного вкуса.

– Ему еще приписывается фраза, которая в декабре 2011 года имела даже более резонансное звучание, чем «не место для дискуссий»: «Улица – не место для протеста, а лишь пространство для праздников».

– Время от времени возникают странные люди, потом они исчезают из поля публичного внимания, и на их месте возникают дру-

Фрагмент титульного листа первого издания «Левиафана» Томаса Гоббса 1651 года

Когда Томас Гоббс объясняет, что такое государство, как оно возникает благодаря тому, что называется общественным договором, он говорит, что это больше, чем просто согласие или единодушие, это реальное единство, которое репрезентируется в лице суверена

гие – не менее яркие... Но я снова о своем – о важности выборов, что бы о них сейчас ни говорили и как бы ни критиковали за их предсказуемость. В любом случае общенациональная электоральная президентская кампания при тех огромных полномочиях, какими у нас обладает первое лицо, является для самой же систе-

мы фактически единственным шансом продиагностировать саму себя, понять, что у нее ненормально и нуждается в лечении. На кону вопрос о жизнеспособности системы, об ее устойчивости, долговечности. Наконец, именно на фоне выборов – при том единодушии, какое, скорее всего, в очередной раз будет продемон- ➔

→ стрировано, – власть снова подтвердит свое право употреблять старое и буквально заросшее разными, не всегда и не вполне адекватными, смыслами слово «народ». Причем употреблять не в этнографическом, не в идеологическом или каком-то еще смысле, а именно в смысле политическом. Когда налицо 90 или пусть даже 80 процентов поддержки, то это значит, что народ фактически совпадает с такой сугубо научной, эмоционально не окрашенной статистической категорией, как население. Как говорил Жан-Жак Руссо, «воля общая, или верховная, должна быть всегда преобладающей, быть единым правилом для всех остальных волеизъявлений». Как устроена такая «воля общая»? Это сложный вопрос, и решения, восходящие к Руссо, кажутся мне в целом неудовлетворительными. У Руссо народ в результате общественного договора возникает, так сказать, раз и навсегда. Общая воля не присутствует непременно в сознании каждого человека, не обязательно осознается даже большинством. Наоборот, меньшинство может притязать на то, что выражает общую волю адекватно. У Гоббса, создавшего в Новое время традицию исследований общественного договора, всё было совсем по-другому. Здесь до сих пор много недоразумений. Часто считается, что Гоббс выводил возникновение государства из общественного договора. Но на самом деле Гоббс в «Левиафане» утверждал вот что. Общественный договор – это не какой-то единственный гипотетический акт, с которого началось существование государства, но постоянная готовность опознавать и осознавать себя как гражданина, который соединяет лояльность подданного суверену с пониманием своей принадлежности к огромному политическому телу, зримым выражением единства которого является всевластный и полноправ-

ный суверен. В готовности подчиняться его власти как законной дает себя знать непрерывность общественного договора. Если такой процесс хотя бы на какое-то время застынет, то возникнет

В книге «Истоки тоталитаризма» Ханна Арендт (на фото) использовала английское слово *blob* (капля, сгусток некоей аморфной, тягучей, вязкой жидкости) для обозначения массового человека тоталитарного общества. Но отсюда вовсе не следует, что этот *blob* никогда не испытывал желания оказаться в лучах славы, что его не увлекало ощущение причастности к какой-то общности, к какому-то единству

угроза обрушения политической жизни, разложения народа до первоначального – существовавшего до общественного договора – состояния, которое Гоббс называет *multitudo* – разрозненное множество. Зачем я всё это говорю? А затем, что названные закономерности работают и в наше время.

Чем больше мы модернизируем государство, чем сильнее пытаемся уйти от привычек, традиций, устойчивых ритуалов и тому подобных вещей, тем явственнее оказываемся в сомнительной обла-

сти, где может снова неожиданно возникнуть множество и заявить о себе как элементарная сила, неподвластная авторитетам стихия.

– Поясните, пожалуйста, эту мысль на каких-либо хорошо понятных всем нам примерах.

– Хорошо. Советская власть обладала большим набором идеологических инструментов, с помощью которых создается и поддерживается гражданская религия. Эту гражданскую религию в годы перестройки попытались как-то во что-то преобразовать и начали ее критически оценивать, подходя к ней с типично просвещенческими ар-

гументами и доводами, в соответствии с которыми каждый человек есть непременно гражданин, обладающий достаточным уровнем политической зрелости, способный самостоятельно распоряжаться своей судьбой. А в результате мы получили проблему, которая всегда возникает при просвещенческой атаке на авторитаризм, когда просветители, стимулируя обрушение господствующего строя, оказываются абсолютно беспомощными в деле установления новых общепринятых ритуалов и оснований солидарности. С тех пор мы так и продолжаем искать новые «скрепы» для поддержания единодушия, которые были бы настолько же эффективными, насколько эффективной являлась советская идеология. И здесь возникла парадоксальная ситуация: идя по пути последовательного улучшения всего, что, казалось, и так хорошо работает на идеологическое обеспечение нашей власти, стали перестраивать и перекраивать некоторые действенные и зарекомендовавшие себя вещи. Например, образование. Такого количества

мест в системе высшего образования, как сейчас у нас, не было и нет ни в одной стране мира. И в результате у нас явное перепроизводство людей с высшим образованием, мы своими руками возвращаем общество амбиций, не подкрепленных ни уровнем квалификации выпускников высших учебных заведений, ни реальными потребностями для России.

– А в каких еще сферах лучшее оказывается у нас врагом хорошего?

– Посмотрите на крайне неустойчивые идеологические конструкции, которые сейчас используются. Все они так или иначе направлены на приспособление настроений обычных людей под сиюминутные потребности государства, точнее, его верхушки, но в итоге ничего не получается. Почему в последнее время явно ослабла роль церкви в обществе – роль, которая еще несколько лет назад

казалась чуть ли не официальной? Да потому что любая мощная конфессия обладает внутренней логикой, сложным содержанием и ее невозможно сделать просто инструментом текущей политики. Но то, что поначалу власть придала церкви чуть ли не государственный статус, а потом от нее отшатнулась, не прошло бесследно. Подобные метания из стороны в сторону ломают какие-то устойчивые реакции, устойчивые образцы восприятия мира, устойчивое представление о том, что возможно, а что в принципе невозможно сейчас и в дальнейшем. Чем более эффективно работает машина перенастройки общественных взглядов и их мобилизации на всё новые и новые цели, тем серьезнее оказываются антропологические последствия такого рода шараханий. И главное из этих последствий – нарастающая невосприимчивость к пропаганде, неспособность про-

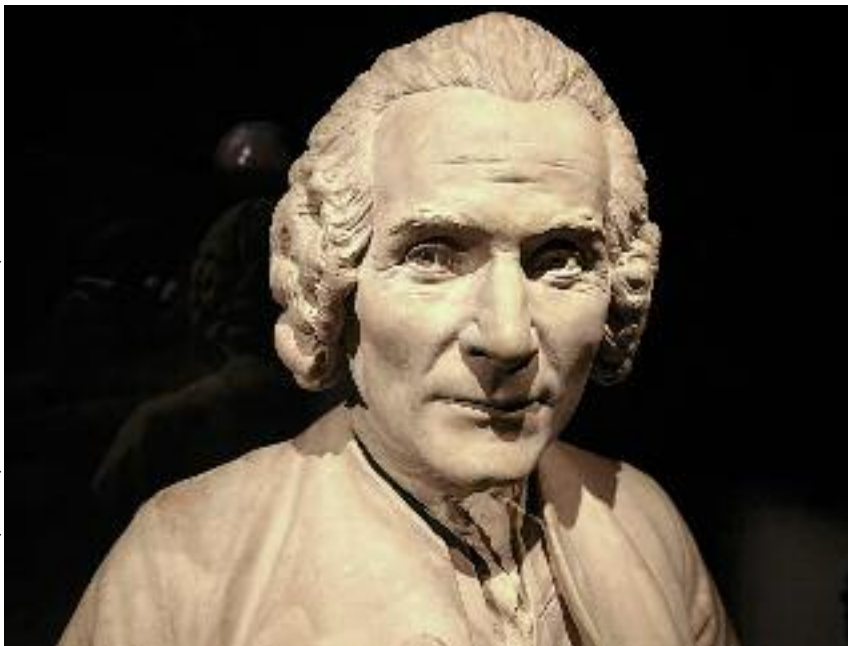
паганды формировать устойчивые идеологические конструкции, которые должны вращаться глубоко и предопределять поведенческие решения человека даже при отсутствии какого бы то ни было внешнего воздействия, изнутри, что называется, по голосу сердца.

– Не кажется ли вам, что установка на такое неглубокое соскальзывание со смысла на смысл, с мнения на мнение является сознательным политтехнологическим приемом, очень даже соответствующим природе человека XXI века, который в принципе не умеет и не хочет глубоко копать?

– Несомненно, это сознательная и хорошо продуманная политика, которая, вероятно, и оправдывает себя в определенной временной перспективе. Но ее издержки тоже очевидны. Можно просто, что называется, сорвать резьбу, и человек начнет падать с пропагандистского крючка раньше, чем за него потянут. И потом если бы речь шла о каких-то частных корректировках, но не о смене стратегического курса в целом, то подобная ситуация могла бы продолжаться довольно долго. Но ведь мы часто имеем дело с разворотами на 180 градусов. Прямо как в знаменитой частушке нашего не такого уж и давнего прошлого: «Дорогой товарищ Тито, ты теперь наш друг и брат, как сказал нам сам Никита, ты ни в чем не виноват». Хотя, впрочем, и в колебаниях столь значительного диапазона может быть своя логика. Ведь какая сейчас главная задача у существующей политической системы? Разрешить имеющиеся экономические и технологические проблемы, при этом не ставя под угрозу само существование политической системы как таковой. И когда нам извне кто-либо предлагает прогресс в обмен на стабильность, мы говорим в ответ: а зачем нам ваш прогресс, если он может поколебать стабильность? Но ведь справедливо и обратное заключение – что полное отсутствие прогресса, застой также могут привести к нестабильности. Власть прекрасно осознает эту неизбежную развилку и старается балансировать между прогрессом и стабильностью, нахо-

В нашей политической системе без выборов уже просто невозможно обойтись. Эта система требует легитимации через выборы. Пусть выборы на самом деле являются не выборами как таковыми, а всего лишь неким политическим ритуалом, антуражем, медийным действием, но без них уже никак нельзя

Как говорил Жан-Жак Руссо, «воля общая, или верховная, должна быть всегда преобладающей, быть единым правилом для всех остальных волеизъявлений». Как устроена такая «воля общая»? Это сложный вопрос, и решения, восходящие к Руссо, кажутся мне в целом неудовлетворительными

→ дить какой-то модус обретения прогресса без потери стабильности. Вчерашних врагов мы вдруг начинаем воспринимать как друзей и наоборот. Соответственно приходится придумывать новые мобилизующие смыслы и объяснения. И рано или поздно эти бесконечные переориентации сорвут нам резьбу, о чем я говорил. Это не просто раскачивающийся маятник, но маятник, ходящий к тому же еще в разных плоскостях. Операционально эта технология, может быть, и эффективная, но стратегически абсолютно безграмотная. Мобилизация ради мобилизации. Мобилизация ради достижения моментальной демонстрации единства. А когда происходит деградация большой политики, все мобилизационные мероприятия становятся мероприятиями тактическими.

– Как тут не наступить предчувствию реверса в состояние *multitudo*...

– Ну, может быть, не так уж всё и мрачно. Среднестатистический

человек приобретает невероятную лабильность, невероятную готовность верить во что угодно и мобилизовываться под что угодно. И вместе с тем, как мне кажется, он неизбежно дезориентируется в том, что французские социологи Лоран Тевено и Люк Болтански называют экономикой величия. Экономика величия – это когда нормы и ценности отдельного человека, в соответствии с которыми он поступает, соотносятся с нормами и ценностями более высокого уровня. Люди, руководствующиеся экономикой величия, готовы терпеть невзгоды и лишения ради высоких смыслов. Но стоит только власти хотя бы даже незначительно снизить планку и уж тем более дать задний ход, и у человека, мотивированного экономикой величия, неминуемо наступает определенный внутренний диссонанс. Возникает закономерный вопрос: а оправданными ли были все эти тяготы и лишения ради светлого будущего, от которого теперь вынуждают отка-

заться или которое и подавно объявлено ошибочным, неправильным? Опасно, очень опасно так вот играючи относиться к установочным мотивациям общества. Легкомысленность в этом вопросе грозит деградацией народа в состояние множества. А на голос этого множества уже нельзя рассчитывать, с ним невозможно договориться на привычном для власти политическом языке. Если *multitudo* и готова по факту – подчеркиваю, по факту! – признать превосходящую силу, то она никогда не признает за этой силой какого-либо права. Произойдет обвальная делегитимация власти.

– А если борьба с коррупцией в верхних эшелонах станет, наконец, реальной, нешуточной, это разве не зацепит *multitudo*? Хотя бы как яркое зрелище?

– Борьба с коррупцией – это палка о двух концах, потому что если она станет особенно интенсивной, то неизбежно делегитимирует власть. А низового слоя бюрократов, который ждал бы, как в 37-м году, чтобы заступить на место репрессированных, сейчас нет.

– Разве нет? А как же офисный планктон, который спит и видит, когда снимут начальство и появятся вакансии для роста?

– Нет, офисный планктон – это не та сила, которая способна пойти на повышение на освободившиеся места. Главная задача офисного планктона – вообще выжить любой ценой. Проблема для него не в том, что вместо того, чтобы стать миллионерами, планктон оказался тем, кем является, а в том, что он изо всех сил держится за свое место, но над ним всё время висит угроза оказаться на улице. Каких-то больших карьерных амбиций у него нет вообще. Да и потом в принципе крайне маловероятно, что у нас сейчас может быть сверху дана команда «ударить по штабам». Думаю, что предстоящие президентские выборы продемонстрируют уверенность власти в самой себе и покажут, что никакая низовая стихия ей не угрожает.

– Можно ли найти какое-то сходство между нашей политической системой и политическими системами в других государст-

вах? Например, в последнее время приходится сталкиваться с проведением параллелей между Россией и Турцией в смысле специфических особенностей политических режимов в обеих странах.

– Да, такие сравнения проводятся. В каком-то смысле правомерно поразмышлять о том, насколько ситуация в России напоминает расклад в странах, где долго не менялось первое лицо и где вокруг этого первого лица сложилась достаточно плотная среда его соратников, сподвижников, людей, которые кровно заинтересованы в сохранении именно данной фигуры в качестве лидера, а вовсе не самой формы власти, формы политического режима. Потому что форма может остаться неизменной, а во главе государства окажется новое лицо со своими соратниками, но такой сценарий не устраивает никого из тех, у кого сейчас есть власть, влияние и деньги. И сказать, что такой режим личной власти непременно рано или поздно должен прийти к краху просто из-за чьей-то усталости, мы не можем. Никакой связи между тем, что кому-то этого хочется, и тем, что это обязательно должно произойти, я не вижу. Для того, чтобы это произошло, чтобы декорации каким-то образом поменялись, необходимы достаточно сильное напряжение внизу и достаточно сильная заинтересованность наверху. А сейчас нет ни того ни другого. Другое дело, если вдруг по тем или иным причинам ситуация перестанет быть рутинной и начнутся какие-то серьезные события, – тогда перемены могут оказаться реальными. Но пока никаких серьезных симптомов такого разворота не просматривается – я, естественно, не оцениваю всерьез тлеющую всё последнее время с определенным и, кстати, довольно слабым накалом оппозиционную активность. К тому же обычно перед какими-то значимыми переменами в воздухе начинает что-то витать, что-то чувствоваться, а сейчас ничего подобного нет. Поэтому можно смело утверждать, что до выборов и даже в первое время после них вряд ли что-то всерьез поменяется. Но в то же вре-

Уильям Хогарт. «Триумфальный пронос на стуле избранного члена Парламента» из серии «Юморески с выборов». 1754 год

Общественный договор – это постоянная готовность опознавать и осознавать себя как гражданина, который соединяет лояльность подданного суверену с пониманием своей принадлежности к огромному политическому телу, зримым выражением единства которого является всевластный и полноправный суверен

мя я не стал бы утверждать, что всё у нас так уж незыблемо и стабильно. В той общей неустойчивости, в какой мы живем вот уже несколько десятилетий, довольно быстро могут оформиться какие-то очень сильные группы, которые в случае перемен получили бы гораздо больше, нежели имеют сейчас – при отсутствии каких бы то ни было перемен. Тем более что разность внешнего и внутреннего потенциалов существует и возможности внешнего воздействия на внутреннюю ситуацию довольно велики. Хотя можно привести и противоположный аргумент. Сколько Запад ни посылал сигналов чуть ли не открытым текстом нашей элите, мол, сдайте своего Путина, а мы в обмен легализуем вас и вашу собственность, но

ничего подобного так и не произошло: никто никого на сдал. Значит, существует вполне устойчивая заинтересованность – причем и здесь, и там – в статус-кво, в том, чтобы имеющаяся в России политическая система во главе со всё тем же самым первым лицом продолжала существовать и далее. Конечно, есть желающие пророчить другой ход событий. Но здесь нужны доказательства по сильнее сегодняшних.

– Сейчас в связи с приходом в американский Белый дом Дональда Трампа много говорят о так называемой популистской революции. Но ведь и Владимир Путин в 1999 году пришел сначала в наш Белый дом, а затем и в Кремль тоже именно на волне массового антиолигархическо- ➔

Дэвид Радерсторфф. Маятник

Приходится придумывать новые мобилизующие смыслы и объяснения. Это не просто раскачивающийся маятник, но маятник, ходящий к тому же еще в разных плоскостях. Операционально эта технология, может быть, и эффективная, но стратегически абсолютно безграмотная. Мобилизация ради мобилизации. Мобилизация ради достижения моментальной демонстрации единства

→ **го протеста, то есть тоже в какой-то степени на популистской волне. В какой мере популистский тренд будет присутствовать в нашей политической жизни в обозримой перспективе?**

– Я связал бы проблему популистского поворота с проблемой горизонта планирования, предвидения, принятия решений. То, что массы эмоциональны, под-

вижны, легко поддаются на обещания и не любят всякие неприятные разговоры, которые на самом деле являются разговорами профессионалов, хорошо известно, правда, переоценивать эмоциональность, напомню, нет резона. Принятие непопулярных решений всегда создает для политиков немалые проблемы: действительно, сложно, а подчас даже

невозможно провести оздоровление экономики и при этом сохранить рейтинг. Вместе с тем общество всегда вправе задаться вопросом: а почему, собственно говоря, вдруг сложилась ситуация, вынуждающая затягивать пояса, выходит, те, кто выдавал себя за профессионалов-управленцев, допустили какие-то ошибки? Думается, что как раз такого рода недоуменные вопросы и лежат в основе нынешнего популистского поворота. Произошло во многом ожидаемое и имеющее внятные причины разочарование очень широкой массы людей в тех, кто выдавал себя за профессиональных управленцев. И на этом фоне единственным способом спасения существующей системы управления оказывается создание впечатления антисистемности: дескать, мы за народ, против политкорректности, глобализации и прочих маркеров, характеризующих прежнюю элиту. То есть главным лозунгом становится отстаивание интересов большинства, о котором, как оказывается, все забыли. Причем забыли не случайно, а потому, что легитимирующая политическая риторика, которая работала на глобализацию, совпала с интересами части управленцев, инкорпорированных в международный подвижный господствующий класс, получающий все профиты от транснациональной экономики. Сейчас предпринимается попытка всё это поломать, но нет никакой гарантии, что такая попытка окажется успешной.

– А договориться не получится? Может ли популистская власть просто откупиться от глобалистской элиты?

– Как откупиться, если все ведущие мировые пропагандистские ресурсы на протяжении последних десятилетий выстраивали идеологию глобализации? В одночасье развернуться в обратную сторону и переориентироваться на традиционные ценности не получится. Есть такое мнение, что Трамп уже умудрился создать много новых рабочих мест. Так ли это на самом деле – большой вопрос. Если даже и так, то еще не факт, что это будет иметь ожидаемый эффект. А с большой прессой, электронны-

ми медиа и университетами он никогда не примирится, это в принципе невозможно.

– Университеты – это тоже лоббисты глобализации?

– Университеты – это самостоятельный игрок, работодатель, финансовый инвестор, концентратор огромных ресурсов, важный составной элемент проекта глобализации.

– Наша трампомания, которая сейчас, конечно, уже не такая неистовая и экзальтированная, как в первые дни и недели после его победы в ноябре прошлого года, но всё же еще довольно ощутимая, – это что? Очередная глупость? Наивные надежды? Попытка перенять опыт популистской кампании в преддверии собственных президентских выборов?

– К сожалению, похоже, мы в очередной раз купились на красивую риторику. Возврат к традиционным ценностям? Прекрасно, но какая ключевая традиционная ценность Америки? Представление о том, что она самая главная, самая великая и никому ничего не должна. Вы это хотели? Вы это получили. Вы не хотели быть на вторых или третьих ролях? Хорошо, вообще не будете ни на каких ролях. В глобальном обществе вам пытались подыскать место, которое вы сочли для себя унизительным? А теперь – если глобального общества не будет – у вас не останется даже этого обидного и оскорбляющего вас места. Точнее, это будет новое глобальное общество, в котором вам будет совсем плохо. Всё станет просто, ясно и предельно честно – сколько времени вы способны продержаться на внутренних ресурсах, при режиме санкций и при полном отсутствии доверия к международным правовым механизмам. Вы можете сколько угодно говорить, что выступаете как раз за международное право, а все

Похоже, мы в очередной раз купились на красивую риторику. Возврат к традиционным ценностям? Прекрасно, но какая ключевая традиционная ценность Америки? Представление о том, что она самая главная, самая великая и никому ничего не должна. Вы это хотели? Вы это получили. Вы не хотели быть на вторых или третьих ролях? Хорошо, вообще не будете ни на каких ролях

остальные против него. Но почему, с какой стати эти остальные должны признать привилегированное положение такого интерпретатора международного права? Это возможно лишь в том случае, если тот, кто интерпретирует международное право, обеспечивает его сохранение, берет на себя функции мирового жандарма. Вы можете с этим справиться? Не можете. Наоборот, за вашей спиной и демонстративно помимо вас образуются коалиции, со-

глашаются между собой реальные мировые жандармы, а вы стоите и гордо говорите: «Я единственный, кто сохраняет верность международному праву». Эта позиция очень красивая, но фиктивная. То есть, условно говоря, если раньше вы могли прийти в суд, что-то проиграть, но и что-то выиграть, то теперь всё по-другому: у вас арестовывают имущество, а вы не можете подать в суд, потому что вы этот суд не признаете. Так нельзя: здесь играю, а здесь не играю. Великая держава должна демонстрировать договороспособность, тогда и только тогда ее признают великой. У популистов короткий горизонт планирования. Не могу

с уверенностью сказать это про популистов американских, но у наших популистов – точно. Мы медленно, но неуклонно подходим к исчерпанию ресурсов планирования, ресурсов понимания. А это значит, что несомненно должны появиться люди, которые захотят играть на возникающих проблемах и тем самым работать на собственные интересы. И чем дольше мы будем плыть без какого бы то ни было понимания стратегии, тем больше будет таких желающих. Кто эти люди – я не знаю. Но то, что они не могут не появиться, а то и уже появились, – это абсолютно очевидно.

– Александр Фридрихович, спасибо вам за интересный разговор, за те неожиданные суждения, которые вы высказали по поводу вещей привычных, обыденных и, как правило, не вызывающих желания смотреть на них в каком-то новом ракурсе. Хочется надеяться, что ваши предостережения по поводу возможных рисков для нашей политической системы будут услышаны и должным образом восприняты и властью, и обслуживающим власть экспертным сообществом. ♣

РЕСПОНСИБИЛИЗАЦИЯ ЭЛИТЫ

В экспертном сообществе нет единого мнения по поводу того, кто сегодня в России входит в элиту и какова ее численность. Вместе с тем употребляемое и как бы по умолчанию понятное слово «элита» всё-таки требует четкого определения. Представляется, что в качестве основания для отнесения той или иной персоны к элите следует рассматривать ее причастность к лицам, принимающим решения (ЛПР). Но решения не просто в пределах своих профессиональных сообществ, а относящиеся к так называемой большой политике – внутренней, внешней, бюджетной, информационной, культурной и пр. – преимущественно на федеральном уровне. Однако са-

Дмитрий Александрович Андреев –
первый заместитель главного
редактора журнала Focus

мым важным критерием здесь является даже не столько эта аббревиатура – ЛПР, – а вроде бы не

требующее дополнительных разъяснений слово «причастность».

Дело в том, что ЛПР-сообщество – это то, что иначе называется властью. А в России на протяжении всей ее истории между элитой и властью – зазор, и довольно ощутимый, так как в ходе принятия политических решений их роли качественно разнятся. Поначалу, когда такие решения подготавливаются, вызревают, как правило в закрытом режиме, те, кто относится к элите, могут влиять – и весьма существенно – на этот процесс. Но чем ближе к концу работа над решениями, тем меньше становится круг посвященных и тем заметнее роль власти как последней инстанции, осуществляющей содержательную доводку и определяющей окончательный рисунок сшибки конъюнктурных интересов – как

Наивно полагать, что элиту можно сделать ответственной за исполнение той роли, какую она играет при власти, с помощью наспех созданных для этой цели институтов гражданского общества. Общество было и остается патерналистским – а значит, способным интегрировать связности на базе совместного исполнения обязанностей, но никак не отстаивания прав

внутри страны, так и за ее пределами. Ну а формализация решений, то есть их оглашение в той или иной идеологической обертке с указанием ответственных за выполнение, – это уже исключительная прерогатива власти.

И вот тут-то – когда начинается определение круга ответственных – и выявляется четкий водораздел между властью и элитой.

Элита – это те, кто лоббирует собственные или – в силу каких-то причин – посторонние интересы на начальных стадиях выработки решений, но не допускается до завершающих стадий, а значит – не несет никакой ответственности за их итоговое, принятое и обнародованное содержание. А власть напротив – несет ответственность, и в полной мере – от первого лица и до конкретных названных им исполнителей. Иными словами, власть – это должностные лица, чья ответственность формально предусмотрена, а элита – те, кто рядом с властью, выполняют для нее роль своеобразной референтной группы, но в итоге ни за что не отвечают. Вот что такое причастность – а именно, всегда сложно выявляемое отношение – элиты даже не столько к самим ЛПР, сколько к организуемому ими процессу.

Здесь – корень присущей нашей элите безответственности в сохраняющейся до сих пор и претерпевшей косметические, но не существенные изменения архитектуре

В России на протяжении всей ее истории между элитой и властью – зазор, и довольно ощутимый, так как в ходе принятия политических решений их роли качественно разнятся. Власть – это должностные лица, чья ответственность формально предусмотрена, а элита – те, кто рядом с властью, выполняют для нее роль своеобразной референтной группы, но в итоге ни за что не отвечают

государственного начальствования. Власть же наоборот вынуждена быть ответственной вдвойне – и за себя, и за элиту. Но возможно ли тогда добиться того, чтобы последняя стала-таки ответственной? Как осуществить респонсификацию (от англ. responsibility – ответственность) элиты?

Обычно в качестве способа исправления этого изъяна элиты называется либо радикальная чистка, либо навязывание ей транспарентных правил поведения на основе ценностей и механизмов гражд-

данского общества. Но ни то ни другое в настоящий момент не может стать реалистичной практической повесткой, имеющей хорошие шансы на осуществление. Что касается обращения к сталинскому опыту – точнее, даже не к нему самому, а к его самой вегетарианской лайт-версии, – то этого не получится из-за очевидной слабости политического режима, основанного на шатких пактах власти с элитой и с обществом. Еще наивнее полагать, что элиту можно сделать ответственной за ➔

→ исполнение той роли, какую она играет при власти, с помощью наспех созданных для этой цели институтов гражданского общества. Общество было и остается патерналистским – а значит, способным интегрировать связности на базе совместного исполнения обязанностей (община и ее эманации в советскую эпоху), но никак не отстаивания прав. Да к тому же стоит ли вообще копировать считающиеся эталонными принципы социальной организации, если они в своем развитии дошли до того манипулятивного криптиоталитаризма, в каком сейчас пребывает Запад?

Поэтому выход один – работать с той действительностью, которая имеется, находить решения, позволяющие добиваться пусть незначительных, но постоянных улучшений, избегая любых резких движений. Не остается ничего другого, как постараться разглядеть в изъянах элиты ее конструктивные особенности, а в этих особенностях увидеть возможности перемен – основательных, но вместе с тем органично и естественно вытекающих из наличной ситуации.

Считается аксиомой, что элита понимает собственные интересы сугубо меркантильным образом, а потому берет взятки, выводит капиталы за рубеж и вообще готова ради своих активов внутри страны и за ее пределами сдать кого и что угодно. Да, эти интересы, несомненно, важны, и недоучитывать их ни в коем случае нельзя. Однако совершенно неправильно объяснять поведение элиты только ими. Такой взгляд упрощает действительность – а значит, искажает ее. На самом деле элита поступает сообразно сложному мотивационному комплексу, в котором материальные интересы играют значимую, но далеко не единственную роль.

Взять, к примеру, злободневную проблему коррупции. Смешно полагать, что это явление свойственно только нашей стране и другим государствам, в которых институты слабы, а демократия неразвита. Коррупция – это обще-

**У нас коррупция тоже
проистекает из неопорядка
с легитимностью – только
не статуса элитария, который
определяет должностные
возможности и их проекции
в сферу социальных
отношений, а его владений
с непрозрачным прошлым.**

**Отсюда – повально
распространенный синдром
неуверенного правообладате-
ля, выражающийся
в иступленном стремлении
подготовить подушки
безопасности на случай
утраты таких владений**

мировой тренд, усиливающийся параллельно с глобализацией. Инфляция государственного суверенитета делает неизбежной инфляцию суверенитета элиты как субъекта, так или иначе задействованного в процессе принятия управленческих решений. В результате возникает ситуация, так сказать, социального демпинга, когда ради выживания в динамично меняющихся конфигурациях глобального мира элита оказывается вынужденной осуществлять профессиональные функции на более примитивном уровне, что приводит к заметным статусным издержкам, препятствует работе институтов вертикальной мобильности и ротации. И коррупция, повсеместно распространившаяся среди национальных элит во всем мире, должна рассматриваться как закономерный результат такого демпинга. Элиты поставлены перед необходимостью определять рыночные эквиваленты своего влияния и, следовательно, выполнять управленческие функции в пространстве уже не столько политики – публичной или непубличной, – сколько специфических транзакций, в которых легитимность статуса обусловлена уровнем его капитализации.

Но это внешний фон проблемы, которая в России преломляется несколько иначе. У нас коррупция тоже проистекает из неопорядка с легитимностью – только не статуса элитария, который определяет должностные возможности и их проекции в сферу социальных отношений, а его владений с непрозрачным прошлым. Отсюда – повально распространенный синдром неуверенного правообладателя, выражающийся в иступленном стремлении подготовить подушки безопасности на случай утраты таких владений или невозможности пользоваться ими в полной мере. Но у этого синдрома есть и обратная сторона. Перманентно поисковый, зондирующий настрой пребывающего в подвешенном состоянии элитария делает его всеядным,

то есть в принципе готовым урвать с помощью занимаемого им места хотя бы что-то. И это что-то может быть не обязательно взяткой – в конце концов, стодятся любые бонусы. И вот тут возникает определенное пространство для маневра.

Участившиеся в последнее время наказания отдельных зарвавшихся элитариев, безусловно, оказывают на остальных воспитательное воздействие и заставляют их если и не отказаться совсем от теневых доходов, то, во всяком случае, действовать аккуратнее, с оглядкой, избегая чересчур одиозных сделок. Это уже хорошо, и продолжать публичные порки необходимо. Ресурс их влияния на элиту далеко не исчерпан, и они, как представляется, будут укреплять возникшее в связи с экономической нестабильностью ощущение отложенной тревожности, фиксируемое в последнее время экспертами в качестве серьезного фактора, определяющего поведение тех, кому есть что терять. Отложенная тревожность подстегивает элиту быть неразборчивой в погоне за благами, поскольку ей исторически свойственно взимать статусную ренту во всём многообразии этого феномена, включая в том числе и его знаковые составляющие. Ведь кормиться с должности – значит не только поправлять поборами обычно скудное государственное жалование, но и пользоваться целым набором именно символических привилегий, без которых не наступает ощущения полноты обладания высоким местом и пестуемая страсть к тщеславию и честолюбивым помыслам остается неудовлетворенной. Среди подобных привилегий – награды и право участия в ритуалах и церемониях, совершаемых властью, ранжированная атрибутика занимаемой должности – советские номенклатурные спецраспределители и нынешние детально регламентированные правила пиара за государственный счет или пользования служебным транспортом (как вариант – бизнес-классом

или персональным бортом), допуск к великосветской жизни во всех ее проявлениях или возможность досуга, подчас весьма экстравагантного, и многое другое.

Кормиться с должности – значит не только поправлять поборами обычно скудное государственное жалование, но и пользоваться целым набором именно символических привилегий, без которых не наступает ощущения полноты обладания высоким местом и пестуемая страсть к тщеславию и честолюбивым помыслам остается неудовлетворенной

Наибольшей виртуозности в управлении элитой власть добилась в советскую эпоху, когда деньги имели во многом символическое значение и все привиле-

гии – как материальные, так и нематериальные – распределялись сверху вниз по служебной вертикали. В постсоветской России статусная рента свелась почти исключительно к коррупции, а на всякую другую блажь просто перестали обращать вни-

мание, так как она превратилась в объект обычной купли-продажи. Санционирование теневой монетизации элитных преференций стало грубой ошибкой, которую власть до сих пор не исправила. Между тем единственный способ обуздать коррупцию – именно обуздать, качественно понизить ее уровень, но не ликвидировать полностью, что просто невозможно из-за отмеченного глобального тренда, – получится только при одновременном повышении значимости для элиты как раз имиджевых приобретений. Должен быть найден разумный баланс между материальной и нематериальной составляющими статусной ренты, а уже затем следует приступать к постепенному наращиванию последней за счет первой.

Переформатированию статусной ренты будет объективно способствовать еще один фиксируемый экспертами тренд, набирающий силу на Западе. Этот тренд выражается в том, что люди – причем не только массы, но и элиты – стали мотивироваться эмоциями гораздо сильнее, нежели собственными интересами. По-видимому, такая мотивационная революция в модельных гражданских обществах, пронизанных духом взаимного учета интересов и к тому же еще устанавливающих модернизационные стандарты для остального мира, рукотворна и является одной из технологий манипулятивного управления. Но в данном случае это не имеет значения. Важно другое: указанный тренд проникает и в общества, в которых массовые настроения обычно регулируются иначе и которые поэтому пока невосприимчивы к западным практикам удушения политкорректностью. Среди таких обществ и ➔

→ наше. Во всяком случае, в последние годы, примерно с акций «рассерженных горожан» в конце 2011 – начале 2012 года, эмоциональная составляющая публичных коммуникаций заметно усилилась и до сих пор остается на повышенных тонах, что также создает дополнительные благоприятные условия для формирования соответствующих информационных поводов в СМИ, пиара

ство персонального и коллективного долга, вместо которого – одно выслуживание перед вышестоящими.

В определенном смысле приведенный диагноз соответствует действительности, но только в своей констатирующей части, взятой отдельно от сделанных на ее основе оценочных суждений: элита действительно живет преимущественно на «лестницах», веду-

щих вверх и вниз, и избегает контактов на «этажах».

Но происходит это не потому, что она вынуждена приспосабливаться к пронизывающей всё и вся вертикали власти, которая полностью замыкает элиту на себя и для удобства управления ею преднамеренно препятствует ее самоорганизации на горизонтальном уровне.

Люди – причем не только массы, но и элиты – стали мотивироваться эмоциями гораздо сильнее, нежели собственными интересами. По-видимому, такая мотивационная революция в модельных гражданских обществах рукотворна и является одной из технологий манипулятивного управления

показательных примеров измененной мотивации элиты или, напротив, негативной реакции на навязываемую ей новую модель статусной ренты.

Довольно популярным является мнение, что элиту делает безответственной в том числе ее специфическая организация: мол, она выстраивается по вертикали, поэтому горизонтальные коммуникации внутри нее недоразвиты, в результате чего она не воспринимает себя целостной и солидарной корпорацией, не осознает собственной миссии, ей неведомо чув-

Точнее, такая потребность власти – понятная и обоснованная по причине ее неинституциональной природы, вынуждающей действовать не в соответствии с нормами, а казуально, в режиме ручного управления, – созвучна наиболее органичному для самой элиты способу существования, обусловленному ее патрон-клиентским естеством.

Однако подобное совпадение – не более чем хорошее стартовое условие функционирования элиты, удачная возможность для нее состыковать собственную органи-

ку с внешней средой. Конструктивный потенциал патрон-клиентской культуры не задействован должным образом и проявляется спорадически, как правило, в экстремальных ситуациях, сводясь преимущественно к соблюдению недопустимости сдавать своих. Конечно, способность к почти мгновенной групповой мобилизации, когда вертикально ориентированный, то есть основанный на отношениях господства-подчинения, субъект буквально уплощается в закрытую со всех сторон и сверху щитами древнеримскую «черепаху», в которой чувство локтя, взаимное доверие и синхронизация индивидуальных и коллективных воли и действий превращают патронов и клиентов в единый организм, – значимое, но производное свойство этой культуры. Оно обусловлено важнейшей особенностью отношений патронов и клиентов, заключающейся в том, что дистанция между ними не статична, а может сокращаться или увеличиваться, принимая размер, оптимальный для реализации их взаимных обязательств друг перед другом в той или иной ситуации.

При формально регламентированных коммуникациях начальника и подчиненного, что характерно для простроенного институционального ландшафта и развитых социальных отношений в поле гражданской гравитации, ничего подобного не может быть по определению. Их связывают не взаимные обязательства, а должностные обязанности. Они в равной мере субъектны и вступают в деловые отношения друг с другом постольку, поскольку это на данный момент отвечает их интересам. В то же время субъектность и патрона, и клиента весьма условна: определенную целостность, завершенность эта пара приобретает только вместе. Интересы тут, безусловно, тоже присутствуют, но не в виде воспринятого в качестве ситуативно оптимального сочетания желаний и возможностей, но скорее как неизбежность, как невозможность поддерживать собственный статус иным образом. В этом смысле участники патрон-клиентских отношений – негативные бенефициары: они

обречены извлекать выгоду из сотрудничества друг с другом, потому что им не остается ничего другого – по отдельности, в отрыве друг от друга они становятся неконкурентоспособными в коммуникациях с внешним миром, а значит, неминуемо утрачивают свое социальное лицо.

Отсюда и разные модели ответственности, которые можно условно назвать открытой и закрытой.

При нормированном партнерстве начальник и подчиненный ответственны как друг перед другом, так и перед окружающим их миром, но каждый сам за себя в отдельности. Причем обоими приоритетной считается именно внешняя безукоризненность. Интересы динамичны, и в любой момент и тот и другой могут посчитать для себя более выгодными деловые отношения с иными лицами, поэтому внешняя репутация в среде потенциальных новых партнеров гораздо важнее: она рассматривается как инвестиция в будущее. То есть ответственность начальника и подчиненного ориентирована вовне, хотя и заявлена как равновесная, со сбалансированным соблюдением внутренних и внешних обязательств.

У патронов и клиентов всё ровно наоборот: по большому счету они ответственны лишь друг перед другом, внешняя же среда их мало волнует и вообще воспринимается ими как пространство, в котором изыскиваются (или изымаются) ресурсы для содержания клиентов или для подношений патронам. Ответственность и тех и других направлена внутрь пространства патрон-клиентских отношений – она закрыта, в том числе и на уровне публичной демонстрации: «доны» и их «семьи» не скрывают, что «омерта» не распространяется на чужаков.

Каждая из этих моделей ответственности предполагает и свой вариант безответственности. По

сути, речь тут идет о разных подходах к феномену, который Нассим Талеб называет агентской проблемой. Эта проблема заклю-

интересам всего предприятия, на самом деле придумываются ради того, чтобы исподволь приносить дивиденды им самим, причем за счет либо хозяина бизнеса, либо остального общества. Если такая инициатива оправдывает себя, то нанятый работник оказывается в выигрыше. Если же он ошибается, то последствия рисков компенсируют другие – опять-таки или собственник, или окружающие.

В данной оптике сообщество, организованное по принципу на-

чальства-подчинения, ассоциируется с агентом, предпочитающим рисковать за счет партнера, а патрон-клиентский тандем подобен агенту,

сбрасывающему риски за пределы предприятия. Предложенная аналогия позволяет еще раз, но уже с другой стороны, увидеть, почему при классическом гражданском строе

элита не может не

быть ответственной по отношению к обществу, а в отсутствие такого строя, да еще когда она сформирована в соответствии со строгими корпоративными нормами, у нее это объективно не получается.

Выходит, что из-за патрон-клиентской природы наша элита обречена на безответственное отношение ко всему тому, что находится за ее пределами. Но и на эту проблему можно посмотреть иначе. Энергия внутриэлитной ответственности – чрезвычайно мощная, и стоит подумать о том, как распространить ее за пределы жесткой корпоративной скорлупы, на орбиты находящихся рядом с элитой и рекрутированных из общества субэлит-спутников, выполняющих посреднические функции в пространстве между элитой, с одной стороны, и властью с обществом – с другой. В принципе именно под такой проект в свое время создавался ОНФ, вроде бы даже и реанимированный ныне для большого электорального цик- ➔

Элита живет преимущественно на «лестницах», ведущих вверх и вниз, и избегает контактов на «этажах». Но происходит это не потому, что она вынуждена приспосабливаться к пронизывающей всё и вся вертикали власти.

Точнее, такая потребность власти созвучна наиболее органичному для самой элиты способу существования, обусловленному ее патрон-клиентским естеством

чается в том, что инициативы нанятых работников, которые выглядят здоровыми и отвечающими

→ ла 2016–2018 годов, да еще с явным спецзаданием от власти быть смотрящим за элитой. Как бы ни сложилась дальнейшая судьба этой структуры, она в любом случае останется показательным примером субэлитного конструирования, когда нарушается замкнутость элиты и она понуждается к ответственности и в отношении своих новообразованных вассалов, что свидетельствует о фактическом разрешении посторонним проникать на прежде закрытую для них территорию «омерты».

Элита выполняет своего рода номотетическую функцию, задавая нормативную и оценочную системы координат. Даже если общество считает элиту некондиционной, не отвечающей представлениям о том, какой она должна быть на самом деле, оно всё равно испытывает на себе воздействие тех смыслов, идей и стилей, которые порождены ею, – если и не подражая им, то полемизируя с ними или даже воспринимая их как антиидеал. В этом заключается тотальность определяемой элитой моды, под которой понимается актуальность в ее знаковых выражениях, – ее можно не принимать, но игнорировать, делать вид, будто ее не существует, не получается. Этот критерий – способность делать погоду – является надежным индикатором того, кто входит в элиту, а кто не имеет к ней никакого отношения.

На Западе в последние десятилетия номотетическая роль усложнилась: вдобавок к прежней предназначенной для всеобщего потребления моде (моды-1) элита стала формировать еще одну моду, или моду-2. Если мода-1, как и раньше, несмотря на ее возможную спорность, тем не менее всё-таки ориентируется на реальную жизнь и формулирует ее повест-

ку, то мода-2 изначально существует как бы в ином измерении. Она насаждает виртуальную культуру, выставляет девиации в качестве эталонов, демонстративно игнорирует и даже дискредитирует моду-1, если только та осмелится заявить о своем тотальном господстве. Мода-2 наиболее за-

ми руками анонимных модераторов социальных сетей.

Причина выделения моды-2 в самостоятельное номотетическое направление и постепенное подавление ею моды-1 объясняется протекающими в обществе потребностями десоциализации.

Такие привычные связности – реликты моды-1, – как трудовой коллектив, городское соседство, досуговое объединение, профсоюз, политическая партия, закрытый клуб и многие-многие другие, переживают кризис из-за того, что потребительские практики становятся всё более изощренными и потому требуют для себя иной организации социального пространства. Растет популярность различных форм *ad hoc* комьюнити, характеризующихся локальностью и непродолжительностью существования.

Правда, российская элита заметно отстает от этого мирового тренда. Сырьевая экономика и развитая система рентных отношений мешают ей имплементировать в Россию моду-2. То есть элита не производит и не транслирует моду-2 не из-за каких-то высоких моральных принципов и приверженности традиционным ценностям, а в силу того, что для поддержания собственного статуса ей вполне хватает моды-1.

Однако остаточная патриархальность – величина переменная. Тем более что в мировом масштабе всё явственнее утверждается правило, в соответствии с которым право заниматься политикой и бизнесом – иными словами, право быть элитой, – не говоря уже о возможности использовать то, что Джозеф Най назвал мягкой силой, будет предоставляться не в соответствии с личными качествами и даже не с учетом покупательной способности претендента на статус элитария, а

Патроны и клиенты по большому счету ответственны лишь друг перед другом, внешняя же среда их мало волнует и вообще воспринимается ими как пространство, в котором изыскиваются (или изымаются) ресурсы для содержания клиентов или для подношений патронам.

Ответственность и тех и других направлена внутрь пространства патрон-клиентских отношений

метна, разумеется, в пространстве культуры – здесь ее наступление объясняют агрессивной экспансией Постмодерна, – но она всё громче заявляет о себе и в области политики, превращая ее в медийный продукт (демонстрацию в режиме реального времени широкого спектра зрелищ: от электоральных побед и поражений до революций и войн) и в управление общественными процессами

исключительно при условии его готовности стать проводником ценностей, навязываемых модой-2. Поэтому недалек день, когда и наша элита окажется перед дилеммой: забыть о пестуемом «Единой Россией» консерватизме вкупе с прочими традиционными ценностями и ради сохранения статуса стать промоутером моды-2 или остаться в рамках моды-1.

Не исключено, что западные санкции несколько отсрочат этот номотетический выбор. Но рано или поздно его всё равно придется делать. Поэтому лучше заранее, уже сейчас публично свидетельствовать об этом выборе и о том, какие последствия для страны будет иметь утверждение в ней стандартов моды-2. Подобный разворот темы о духовных скрепах и традиционных ценностях способен освежить ее восприятие и привлечь внимание адресной аудитории. А главное – несколько упредить развитие событий, чтобы ко времени, когда элита начнет активно примеряться к моде-2, в общественном мнении существовала аргументированная и разделяемая большинством позиция об опасности, прежде всего для самой элиты, такого шага.

Наконец, не обойтись и без идеологического перепрограммирования, особенно если учесть, что значительная часть элиты уже достаточно длительное время если не исповедует, то, как минимум, открыто не отвергает того, что Джордж Оруэлл называл двоемыслием.

Истоки этой ситуации уходят в дореволюционное прошлое, когда элита Российской империи, с одной стороны, продолжала по-прежнему, хотя уже и без особого рвения, скорее по привычке, придерживаться самодержавного взгляда на процессы, происходившие в стране и в мире, а с другой стороны, стала активно проникаться господствовавшими в среде либеральной интеллигенции и мелкого чиновничества

идеями о неизбежности и желательности конституционного правления для России. И это несмотря на то, что сама либеральная среда крайне негативно воспринимала имперскую элиту, счи-

идеологии восходящий тренд и, желая выглядеть современной, или – как тогда любили выражаться – прогрессивной, решила последовать ему. Постепенно самодержавный компонент мировоззрения элиты профанировался, зато либеральный возрастал и усиливался. Из

начала латентных конституционалистов элитарии превращались в конституционалистов явных. Не будет особым преувеличением сказать, что и

Февраль 1917 года стал возможен во многом благодаря такой идеологической мутации элиты. Причем мутации, пошедшей во вред ей самой, ведь после падения самодержавия она перестала быть элитой и либо эмигрировала, либо была уничтожена в гражданской войне или впоследствии – в ходе многочисленных чисток.

Советская элита пошла тем же самым путем. Демонстрируя на словах веру в партию и коммунизм, она щеголяла показным диссидентством, причем всё менее и менее скрываемым по мере ослабления режима во второй половине прошлого века, а с началом перестройки оказалась в авангарде разрушения страны. С оправданием и обоснованием двоемыслия и на этот раз всё было в порядке: сначала мифы о конвергенции, а затем точно такие же мифы об исчерпанности социалистического проекта и его непреодолимом кризисе снимали с элиты всякую ответственность за мировоззренческую гибкость. Правда, дальнейшая судьба советской элиты оказалась гораздо более благоприятной, нежели у ее самодержавной предшественницы. После распада СССР в отвал была сброшена лишь самая верхушка прежней советской номенклатуры, а те, кто находился ниже, благодаря накопленным теневым активам и сохранившимся связям идеально вписались в новый строй. Так было в России, а в союзных республиках в отвале практически ➔

Элита выполняет своего рода номотетическую функцию, задавая нормативную и оценочную системы координат. Даже если общество считает элиту некондиционной, оно всё равно испытывает на себе воздействие тех смыслов, идей и стилей, которые порождены ею, – если и не подражая им, то полемизируя с ними или даже воспринимая их как антиидеал

тала ее столпом режима и вообще всячески демонстрировала ей свое пренебрежение. Но данный факт нисколько не смущал элиту, которая усмотрела в либеральной

→ никто и не оказался: вчерашние партийные лидеры быстро пере-
квалифицировались в руководителей
новых независимых госу-
дарств.

В настоящий момент можно
наблюдать уже третью версию
двоемыслия отечественной эли-
ты – версию, которая выглядит го-
раздо более одиозной и кричащей,
чем обе предшествующие. Ми-
ровоззрение очень многих сего-
дняшних элитариев с трудом мож-
но назвать двоемыслием – тут и
близко нет какой-то неуверенно-
сти, неготовности окончательно
стать на одну или на другую пози-
цию. Советская номенклатура

ские идеалы были для нее далеки
точно так же, как и надоевшие
клише офици-
альной пропа-

мится лишь над официозом – а
сейчас, после Крыма и санкций,
делает это с какой-то особой
изошренностью, открыто испове-
дуя при этом идеологию неприми-
римой оппозиции – идеологию,
которую по привычке называют
либеральной или демократиче-
ской, но которую гораздо пра-
вильнее идентифицировать как
просто антисистемную и компра-
дорскую. Позиция понятная и
по-своему цельная: чтобы, как го-
ворит герой «Берегись автомоби-

ля», «когда это всё кон-
чится», оказать-
ся своими для
чужих по обе
стороны гра-
ницы РФ и
при этом
еще и не рас-
кассированны-
ми. Безусловно, не
все элитарии тако-
вы, но те, кто из

просто
к и ч и -
лась по-
казным дис-
сидентством,
находя осо-
бый шик в
том, чтобы бра-
вировать в узком
кругу себе подоб-
ных, но при этом
оставалась идео-
логическим агно-
стиком: диссидент-

ганды, – потешались и над тем
и над другим. Теперешняя же
элита с улыбкой авгуров глу-

этой когорты, настолько
откровенны и вызываю-
щи, что их взгляды не-
вольно проецируются и
на остальных предстали-
телей этого сообщества.

Однако самым удивитель-
ным и непостижимым в двое-
мыслии современной рос-
сийской элиты является не
предельная откровен-
ность – в конце кон-
цов, мировоззренче-
ский эксгибицио-
низм – это тоже ха-

актерный маркер времени, – а то,
что оно почему-то является фигу-
рой умолчания. Уж как только ни
честят сегодня элиту, но при этом
почему-то что власть, что обще-
ство вменяют ей в вину лишь кор-
рупцию да зарубежные активы, а
об идеологическом двурушниче-
стве – молчок. Отдельные сужде-
ния типа высказывания Елены
Чудиновой о «катастрофической
срощенности провластной и либе-
рально-оппозиционной элиты»

**Мода-2 наиболее заметна в пространстве
культуры – здесь ее наступление объясняют
агрессивной экспансией Постмодерна, – но она
всё громче заявляет о себе и в области политики,
превращая ее в медийный продукт –
демонстрацию в режиме реального времени
широкого спектра зрелищ**

едва заметны за валом громких коррупционных дел и дружным хором обличителей высоких чиновников, берущих взятки. Что это – политическая близорукость или же дальний расчет, нежелание ставить в вину то, что завтра, может быть, будет восприниматься как доблесть? Или же начало пришествия моды-2?

Не замечать двоемыслия элиты, игнорировать его как нечто второстепенное и малозначи-

кие-то материалы в электронных или печатных СМИ спровоцируют иски об оскорблении чести и достоинства. Да, можно представить себе, какой шум поднимут представители оппозиции, выставляя такой разговор инспири-

ческие вопросы. А вот результат разговора может стать чрезвычайно важным. Конечно, потребуется соответствующая подготовка, чтобы сразу задать планку этого обсуждения – не впадая в примитивную конспирологию, а ставя фундаментальные вопросы. Необходимо будет предусмотреть реакции на кампанию основных групп внутри элиты, а также наиболее репрезентативных в идеологическом отношении констелляций внутри общества. Главное, что затея в любом случае не

мое ни в коем случае нельзя. Имперский и советский

примеры показывают, к каким катастрофическим последствиям может приводить невнимание к склонности элиты сидеть на двух стульях и ее готовности заплатить за такую возможность любую цену – вплоть до отречения от идеологии того строя, который, собственно, и сделал ее элитой.

Поэтому, как и вопрос о моде-2, предрасположенность элиты к двоемыслию следует обсуждать открыто, выходя на проблемы идеологии, мировоззренческих ориентаций и в целом мотивационных оснований нынешнего нобилитета. Несмотря на то, что шанс превращения такого разговора в очередную казенную кампанейщину чрезвычайно велик, одно только появление этой темы в политическом дискурсе будет иметь буквально взрывной эффект. Да, тут не обойтись без заведений кого-то и неудобных вопросов кому-то, пусть даже и риторических. Да, возможно, ка-

Преодоление всех перечисленных издержек – это всего лишь технические вопросы. А вот результат разговора может стать чрезвычайно важным. Конечно, потребуется соответствующая подготовка, чтобы сразу задать планку этого обсуждения – не впадая в примитивную конспирологию, а ставя фундаментальные вопросы

рованным властью поиском «пятой колонны» (или ее более коварного отряда – «шестой колонны») и «агентов влияния», возвращением к сталинщине. Но преодоление всех перечисленных издержек – это всего лишь техни-

останется незамеченной элитой и неизбежно окажет на нее воздействие. По сути, ставится задача организовать «русскую весну-2» – наподобие первой «русской весны» 2014 года, когда во многом именно стремительно оформившееся новое большинство и слаженная информационно-пропагандистская кампания нейтрализовали возможное противодействие со стороны элиты сознательному обострению отношений с Западом. В конце концов, чтобы ни говорили о том, что три года назад прежде всего сам режим испугался «русской весны» и сделал всё для ее прекращения, но маячащие чуть более чем через полгода президентские выборы в любом случае вынудят власть задействовать те или иные механизмы общественной мобилизации – наподобие того, как это было в 2014 году. По-другому просто не получится. Не умеем. **Р**

СОТВОРИТЕЛЬ СКАЗОЧНОЙ РУСИ

Для восприятия художественных образов имеет колоссальное значение их местоположение, обрамление, та среда, в которой они находятся, пусть даже и временно. Поэтому оформлению экспозиций художественных выставок – если, конечно, эти выставки готовятся профессионалами – и уделяется такое пристальное внимание. Экспонат должен входить в резонанс с тем пространством, в которое он помещен, в противном случае даже не слишком взыскательные зрители не получат в полной мере того эмоционального заряда, который создатель артефакта заложил в свое произведение. Вот почему среда, если говорить об отечественных экспозиционных площадках, должна быть либо «намоленной» – как в Третьяковке, Пушкинском, Кремле, Русском музее или Эрмитаже и еще нескольких демонстрационных помещениях, что называется, «с историей», – либо оригинальной, адресно подверстанной или случайным, но вместе с тем наилучшим образом подходящей под представляемые произведения.

В этом смысле трудно найти более подходящее место для выставки работ легендарного русского художника, подарившего нашей и мировой культуре до мельчайших деталей проработанный образ придуманной им же самой сказочной Руси, – Ивана Билибина, – чем недав-

Баба-яга. Иллюстрация к сказке «Василиса Прекрасная»

Райская птица Сирин

но воссозданный на юге Москвы царицынский комплекс. Даже древние кремлевские постройки Золотого кольца, включая и Московский Кремль, подошли бы для такой выставки в гораздо меньшей степени: они ведь живые, всамделишные, непридуманные, некогда жившие бурной и даже драматической жизнью. А вот Царицыно два с лишним века оставалось неким фантомом, частично реализованной мечтой другого русского сказочника – правда, на этот раз увлеченного новомодными в годы его жизни масонскими фантазиями – Василия Баженова. Разве можно придумать более подходящее место для экспонирования образов другого никогда не существовавшего в реальности фантома – сказочной Руси?

Уникальность выставки, которая продлится в Царицыне до конца октября, заключается в том, что она демонстрирует отдельные произведения Ивана Яковлевича – известные и совсем малоизвестные, – которые, несмотря на фрагментарность экспозиции, в которой они представлены, позволяют проследить историю билибинского стиля – своеобразной визитной карточки Серебряного века – от зарождения до знаковых хрестоматийных произведений.

Этот фантом сказочной Руси Билибин прочувствовал, как никто другой. Он реконструировал сказочность как наиболее ценный и глубоко символический фундамент русской культуры. Его иллюстрации к сказкам отражают весь диапазон состояний народной души: от прянично-лубочных царских застолий до мрачных и потусторонних скитаний с черепом на палке. Именно под знаком воплощения, материализации сказочности прошел значительный этап творческой биографии Билибина. Нечто потаенное, сокровенное видится в силуэте Бабы-яги, летящей в ступе, улыбка птицы Сирин и хмурость птицы Алконост намекают даже на что-то мистериальное, но это не выпяченный чужеродный оккультизм, эти образы исконно наши, они – наш эпос. ➔

Райская птица Алконост

Борис и Глеб. 1924 год

→ Сказочность, которую Билибин противопоставляет модерну, хотя сам он не чужд и этому стилю, и многие его графические работы по своей чисто современной утонченности и проработанности не уступают графике Обри Бердслея. Сказочный мир Билибина не изолирован, не замкнут сам на себя. В экспозиции выставки представлены два графических рисунка Билибина для издания «Всемирная мифология» – «Домовой» и «Овинник». Что такое первый из этих рисунков? Это утверждение периферийности славянского эпоса, и намек на некую личную мифологию. Понять это можно через легко считываемую отсылку к «Навуходоносору» Уильяма Блейка: та же поза, то же заросшее лицо, тот же страдающий взгляд. Домовой Билибина не досадное примитивное суеверие, а персонаж, по своей трагичности равный вавилонскому царю и даже еще более трагичный – ведь мы не знаем его судьбы. Личная мифология Билибина не столь витиевата, как у Блейка, но от того не менее интересна и самобытна. «Овинник» – и вообще экзистенциальный рисунок. Сам герой отнюдь не воспринимается как нечисть – скорее он похож на старика, спокойно и умирленно глядящего из темного подпола в распаханную дверь, в иную жизнь, откуда льется ласковый умиротворяющий свет. То, что Билибин умышленно придал овиннику некоторые неантропоморфные черты, можно расценить как бунт против господствовавшего в XIX веке представления о русской мифологии как о чем-то глупом и априори лишенном философской подоплеки. Билибин – иллюстратор мифа, мифа народного и, как мы дальше увидим, – политического.

В 1920 году художник покинул страну. Любой человек, находясь в эмиграции, начинает испытывать ностальгию, особенно если эмиграция эта – вынужденная и политически мотивированная. Образ страны, всегда крайне важный для Билибина, поставившего оформление русского эпоса в центр своего творчества, становился в его сознании всё более идеальным. В 1936 году он вернулся в Советский Союз. Но еще до своего возвращения Билибин участвовал в оформлении советского посольства в Париже – создал панно «Микула Селянинович». Художник не раз обращался к этому образу, который, судя по всему, был для него квинтэссенцией русскости и намекал на мощь уже Советской России: то, что не по плечу богатырю Святогору, вполне по силам крестьянину Микуле. Видимо, именно так воспринимал он советскую власть.

Домовой

Уильям Блейк. Навуходоносор

Для билибинского творчества не слишком характерны иконные мотивы. В основном он работает с мифами и сказками из дохристианского прошлого. Но одна из его работ, представленных на выставке, выбивается из общей канвы – это «Борис и Глеб» 1924 года. Картина удивляет не только иконным сюжетом, но и смысловым содержанием. Святые Борис и Глеб стоят возле избы, причем Борис стучится в окно посохом. В семье Билибина считалось, что они стучат в окно избы Ильи Муромца, чтобы пробудить его на борьбу с большевиками. Неизвестно, насколько точна данная интерпретация, но она может означать, что в 1924 году позиция Билибина была еще откровенно антисоветской.

Находясь в эмиграции, Билибин некоторое время прожил в Каире, где изучал восточное искусство. Там он женился на художнице Александре Щекотихиной-Потоцкой. От того времени остался любопытный портрет Ивана Яковлевича «в восточном стиле», написанный его женой. Этот портрет, вошедший в экспозицию, выглядит неожиданным и явно диссонирует с общим русским сказочным контекстом других экспонатов и всего творчества художника в целом.

Постепенно, переплетаясь с современными ему событиями, история начинает играть всё большую роль в произведениях Билибина. На ➔

Александра Щекотихина-Потоцкая. Портрет Билибина в восточном стиле

→ картине «Смерть Ивана Грозного» (на выставке картина называется «Иван Грозный играет в шахматы») буквально воплотилось предчувствие всех бед, готовых обрушиться на Россию с приходом Смутного времени. Смерть забрала грозного царя за игрой в шахматы. Шахматная доска – очевидный символ России, столик покрыт гербовой скатертью с двуглавыми орлами. Она загромождена фигурами, царь видит всю ситуацию на доске, но сделать уже ничего не может. В его глазах ужас за страну, по которой, как по шахматной доске, вскоре будут свободно разгуливать вражеские фигуры. За спиной Грозного открывается проем, его фигуру как будто затягивает в эту черноту, он из последних сил протягивает руку к доске – но рука уже его не слушается и безвольно опадает. Надвигающуюся катастрофу видит только царь, окружающие либо напуганы, либо удивлены происходящим с ним. Но тот прозревает скорую смерть всей своей вотчины, которой действительно суждено скоро умереть и воскреснуть с новой династией.

К моменту написания картины Билибин уже вернулся из эмиграции и, вероятно, как и многие возвращенцы, переосмыслил образ советской власти. Речь тут не идет о примитивном сравнении Ивана Грозного со Сталиным. Скорее, в умах вернувшихся на Родину появилось ощущение преемственности власти, возникла мысль, что Советский Союз – прямой наследник утраченной Российской империи. Безусловно, до Сталина такое переосмысление было невозможно. Поэтому в 1920-е годы так процветал авангард – он ярче всего знаменовал собой полный разрыв со всем прошлым. Сталинизму удалось преодолеть этот кризис, что позволило Билибину – человеку, посвятившему жизнь Традиции, – вернуться в Россию и продолжить изыскания в рамках своего стиля.

Смерть Ивана Грозного (Иван Грозный играет в шахматы). 1936 год

Образ большевика претерпел огромные изменения в творчестве Билибина: от черного агитатора, продавшегося немцам, и незримых большевиков, на бой с которыми должен подняться Илья Муромец, до лубочного конного красноармейца, похожего на Буденного, созданного во второй половине 1930-х годов. Лубок – народный вид искусства, к которому Билибин часто обращался, и то, что он «допустил» красноармейца в пространство если не сказочное, то полусказочное, говорит о серьезных изменениях в его мировоззрении.

Спустя почти ровно 700 лет с момента Ледового побоища тема русско-немецкого противостояния снова оказалась как никогда актуальной. Образ Александра Невского стал привлекать внимание самых разных деятелей советского искусства. Сергей Эйзенштейн снимает фильм «Александр Невский», а Павел Корин пишет одноименный триптих, через год после начала войны был учрежден орден Александра Невского. В экспозиции выставки представлен эскиз открытки «Ледовое побоище», написанный Билибиным в 1941 году. Здесь важную роль играет цветовой символизм. Русское оружие, хоругви и знамена подчеркнута красного цвета, а оружие и символика тевтонцев – черные, с явным намеком на гитлеровскую Германию. Интересна трансформация билибинского восприятия этих двух цветов и отношений между коммунизмом и Германией. На написанном художником в 1917 году плакате «О том, как немцы большевика на Россию выпускали», семиотика цвета противоположная. Здесь цвет красного флага и красного шарфа на агитаторе служит только камуфляжем для его «черной» сущности: сама фигура того же цвета, что и прусский орел в центре плаката. В своем творчестве Билибин всегда испытывал привязанность к красному цвету как праздничному цвету русского народа. Поэтому, изображая враждебного для него агитатора-большевика, он как будто говорит: красный цвет на нем – только прикрытие его враждебной черной сути. Но к 1941 году пройден уже большой путь. Советский Союз перестал ассоциироваться для возвращенцев и, в частности, для Билибина с коммунизмом. Вывод о том, что СССР – это всё-таки историческая Россия, стал для них очевидным. Поэтому на эскизе открытки русско-советский цвет красный, а цвет тевтонцев-гитлеровцев черный.

Творческий путь Ивана Билибина – это возвращения России в Россию: отстаивание важности и самобытности русского эпоса, художественная борьба с антигосударственным режимом, а затем примирение со своей страной и осознание исторической преемственности ее новой власти. **Б**

Николай Андреев

Плакат «О том, как немцы большевика на Россию выпускали». 1917 год

Дмитрий ДЕ КОШКО:

«Мы живем в реалиях тотальной
и непрекращающейся информационной войны
атлантистов против России»

Интервью французского журналиста и общественного деятеля

Дмитрия Борисовича де Кошко

журналу Focus

– Дмитрий Борисович, в настоящее время вы являетесь одним из немногих журналистов на Западе и тем более во Франции, кто откровенно и прямо поднимает такие неудобные темы, как русофобия и информационная война, которую крупнейшие мировые СМИ ведут против России. За это злые языки называют вас агентом Путина и утверждают, что вы отрабатываете специальное задание Кремля по созданию во Франции другого – позитивного – образа российского президента. Скажите, пожалуйста, как специалист, хорошо разбирающийся в нынешних информационных технологиях, неужели прием по дискредитации целой страны через шельмование ее первого лица по-прежнему дает наилучший пропагандистский

эффект – гораздо более действенный, чем, скажем, высмеивание каких-то черт национального характера?

– По большому счету в информационных войнах мало что изменилось по сути, кроме их технологического оснащения. Один из основных и отработанных приемов таких войн, причем прием в общем-то довольно обычный, – идентифицировать всю страну с ее лидером, которого предварительно надо как следует ошельмовать. Этот прием блестяще описан у Оруэлла в его антиутопии «1984». Американцы постоянно пользуются подобным приемом. Наглядный пример – как они поступили с Саддамом Хусейном. Или – еще раньше – с панамским диктатором Норьегой, недавно скончавшимся. Сначала Норьега, как и в свое время Сомоса, был «их

сукиным сыном», а потом вдруг в одночасье – когда они перестали в нем нуждаться – превратился, как говорится, в pineapple face, или ананасовое лицо. И такие двойные стандарты никому не мешают, к ним все уже привыкли и воспринимают как должное, потому что признают за американцами право объявлять, кто хороший, а кто плохой. И это подкрепляется всей мощью американской пропагандистской машины и в том числе Голливудом. Россия в этом смысле серьезно отстает от Америки.

– В плане ведения пропаганды на весь мир?

– В плане ведения глубокой и всесторонне проработанной пропаганды, построенной на последовательном внедрении в массовое сознание определенных ценностей. Американцы четко сформулировали свой культурный бэкграунд

унд, который коммерчески привлекателен, он очень хорошо повсюду продается по вполне доступной цене. А в основе этого бэкграунда – обожаемый повсеместно в мире американский об-

раз жизни. Конечно, не бедных американцев, которых всё-таки немало. И поэтому понятно, что именно американцам решать – где добро, а где зло. Добро, естественно, всегда на их стороне.

Американская информационная политика, тот мейнстрим, который они задают всему миру, строятся на тех же основаниях. Весь процесс информирования мировой аудитории о том, что и где ➔

Суверенная и более сбалансированная позиция де Голя в отношении СССР в той или иной степени сохранялась и после его ухода. И потом эта позиция была обусловлена прошлым. Мы были союзниками в обеих мировых войнах – и это накрепко сидит в памяти французов. Поэтому русофобия у нас не такая, как, скажем, в Англии и Германии

→ происходит, – это сплошь пропаганда со свойственными ей приемами передергивания и подмены фактов, их нарочито предвзятой интерпретации. Вообще выбор предметов, сюжетов, то есть повестка дня – мы говорим адженда, – самое важное. А это контролируют мировые агентства печати – здесь самые главные англосаксы – и главные редактора СМИ, которых обычно назначали олигархи или люди, связанные разными интересами или убеждениями с американско-атлантистской средой. Несомненно, тут понятие свободы информации становится относительным, так как другую информацию или ракурс невозможно нигде продвинуть, разве что в Интернете вместе с иногда не очень профессиональной информацией. Мировой аудитории через глобальные американские СМИ транслируется определенный образ России и ее лидера, и вы сами прекрасно видите, насколько эти образы далеки от действительности. Между прочим, точно так же было и при Ельцине, который был принят на Западе, но

которого представляли как полоумного пьяницу. Русофобия и тогда никуда не исчезла, она продолжала, как и в советское время, задавать тон и акценты подачи информации о России. Но при Советском Союзе русофобия рядилась в одежды антисоветизма и антикоммунизма. И мы – потомки белой эмиграции первой волны – всегда чутко улавливали разницу, где заканчивается антикоммунизм и начинается русофобия. Правда, не все эмигранты. К сожалению, и сегодня еще есть такие, кто не очень разбирается и думает, что и в современной России имеет дело с большевиками... Но всякий раз, когда мы понимали, что сталкиваемся с русофобской пропагандой, мы однозначно демонстрировали ее неприятие. Это, кстати, разительно отличало нас от послехельсинкских эмигрантов третьей волны, которые с готовностью поддакивали любым русофобским выпадам – лишь бы понравиться, лишь бы как-то встроиться в западный мир и получить хорошо оплачиваемую работу.

– Вы имеете в виду эмиграцию третьей волны во Францию?

– Да, сюда был наплыв, только часто не напрямую, а из Вены и из Израиля. Настоящих диссидентов было не так много, и среди них, конечно, встречались очень ценные люди. Но не все эмигранты этой волны оставались затем во Франции: «джинсовая интеллигенция», как мы называли вполне определенную их часть, уезжала в свою землю обетованную – Америку.

– А культурный разрыв между первой и второй волнами эмиграции был таким же ощутимым?

– Он существовал. Но тут и причина понятна: многие попадали в плен или увозились на работу в Германию еще совсем молодыми людьми, которые не успели сформироваться, осознать свою культурную идентичность. И при этом они в большинстве своем были из совершенно другой социальной среды, нежели представители белой эмиграции – дворяне или предприниматели. Кто-то из них примыкал к власовцам, чтобы просто-напросто выжить. Убежденных власовцев было не так уж и много. А вообще значительная часть власовцев впоследствии примкнула к антигитлеровским освободительным движениям. Так было в Греции и Югославии. У нас многие сражались в рядах французского Сопротивления. А вот превозносимые сейчас на Украине бандеровцы – в основном с Западной Украины – до конца служили рейху и стремились любой ценой доказать свою нужность хозяевам. У нас в провинции Дордонь – мне рассказывали люди оттуда – до сих пор вспоминают их бесчинства и то, что эти «военные с востока, но не немцы» вели себя намного хуже немцев.

– То есть, по вашему мнению, третья волна разительно отличалась от второй?

– Когда пошла третья волна, то мы сначала считали, что те, кто покидал СССР по политическим убеждениям, составляли в ней около трети. Но на самом деле диссидентов было намного меньше, а подавляющее большинство ринулось на Запад в поисках материального достатка и красивой жизни. Эти люди в массе своей к

тому же еще и не отличались высокими моральными принципами. Мы – потомки эмигрантов первой волны – сперва очень радушно их принимали, но затем раскусили. Эта «джинсовая интеллигенция», с одной стороны, обливала грязью всё русское – подчеркиваю, не советское, а именно русское, все советские пороки они выводили из якобы исторически ущербной русской натуры. А с другой стороны, они сами на каждом шагу демонстрировали собственную моральную ущербность – не брезглили даже кражей икон в наших православных храмах. Конечно, ничего, кроме презрения к себе, эти люди потом уже не вызывали. Хотя кому-то и удавалось устраиваться штатными русофобами.

– **Вести пропагандистскую работу с советской аудиторией?**

– Да, на разных «голосах», которые вещали на СССР.

– **А разве Франция занималась этим? Из европейских стран монополистами здесь были Англия и ФРГ.**

– Франция тоже, но до известной степени. Суверенная и более сбалансированная позиция де Голя в отношении СССР в той или иной степени сохранялась и после его ухода. И потом эта позиция была обусловлена прошлым. Мы были союзниками в обеих мировых войнах – и это накрепко сидит в памяти французов. Поэтому русофобия у нас не такая, как, скажем, в упомянутых Англии и Германии. Но она присуща определенной среде – к сожалению, самой влиятельной, – и это неоспоримый факт. Но заметьте, на последних выборах из всех 11 кандидатов в президенты только двое были явными русофобами – социалист Амон и победивший в итоге Макрон. Но и то Макрону хватило прагматизма пригласить Владимира Путина в Париж еще даже до выборов в Национальное собрание. Если вернуться к тому, с чего мы начали, то одна из любимых тем наших русофобов и путинофобов – это стремление приписать Путину желание восстановить Советский Союз. Они без конца цитируют его знаменитую фразу из послания Федеральному Собранию 2005 года, в

Си Цзиньпин, Нарендра Моди и Владимир Путин на саммите G20 в Гамбурге

Я наблюдал за саммитом G20 в Гамбурге, но так и не заметил, что Путина воспринимают как изгоя. А разве Китай и Индия – это такая уж незначительная часть человечества? Конечно, Россия – европейская страна, и эти игры с санкциями вредят всем нам, европейцам

которой он назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века», но при этом игнорируют другое его высказывание: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца; кто хочет воссоздать его в прежнем виде, у того нет головы». И уж совсем забывают о том, что Путин в данном случае со свойственной ему ироничностью просто употребил парфраз слов Черчилля: «Кто в молодости не был социалистом – у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором – у того нет ума». А то, что в России масса проблем, – кто же с этим спорит? И то, что коррупция становится неизбежной всякий раз, когда власть в центре пытается навести порядок, – это тоже всем хорошо известно и давно описано в гоголевском «Ревизоре». Но эти проблемы должны решать сами россияне, а никак не американцы, немцы, англичане или французы. Я уже не говорю о том, что одно дело – содержательно говорить о проблемах, а совсем другое дело – использовать их в качестве своего

рода зацепок в информационной войне. Одно дело – пытаться сообща искать выход из этого многовекового коррупционного заклятия России, воспитывать новую элиту, которая не будет настолько озабоченной взиманием своей статусной ренты, а другое дело – повторять как мантру, что пока Путин у власти, никаких позитивных подвижек не дожидаться. Но кто бы это говорил? Что, неужели во Франции идеальная демократия? Разве у нас грубо не попирается мнение большинства? В 2005 году 55 процентов участвовавших в референдуме по Конституции Евросоюза высказались против. Но это не помешало Саркози через два с половиной года пойти на поводу у наших толстых кошельков и всё-таки подписать Лиссабонский договор, который по факту вводил в действие некое подобие этой несостоявшейся Конституции. Также всем ясно, что наш нынешний парламент вообще никак не представляет мнения избирателей и общества. И после этого упрекать Россию в том, что там нет демократии и ➔

США хотят продавать в Европу свои углеводороды, а тут им конкуренцию составляет Россия. Значит, Россию надо как можно основательнее дискредитировать в глазах европейцев, привлечь их симпатии на свою сторону, внедрить в их сознание мысль, что аморально покупать углеводороды у России и вообще иметь с «этой страной» какие-либо отношения

→ всем заправляют олигархи? Или возьмем другой штамп, который активно насаждают западные СМИ: мол, Путин сейчас стал изгоем для всего цивилизованного мира, он изолирован, с ним общаются вынужденно – но при этом строго дозированно и всячески давая ему понять свое место. Я наблюдал за саммитом G20 в Гамбурге, но так и не заметил, что Путина воспринимают как изгоя. А разве Китай и Индия – это такая уж незначительная часть человечества? Конечно, Россия – европейская страна, и эти игры с

санкциями вредят всем нам, европейцам.

– **Хорошо, а возможно ли в принципе превратить СМИ из инструмента пропаганды в то, чем им надлежит быть уже по одному их названию, – в институты объективного и беспристрастного информирования общества?**

– Такие попытки предпринимались неоднократно в мировой практике. Инициаторами тут принято считать французских журналистов, которые в 1918 году приняли деонтологический кодекс – «Хартию

поведения». Тогда это была естественная реакция на использование СМИ именно как инструмента пропаганды во время Первой мировой войны всеми сторонами конфликта. Французские журналисты посчитали неэтичным использовать СМИ в качестве информационного оружия в мирное время. Этот деонтологический журналистский кодекс затем неоднократно пересматривался и уточнялся, он стал международным. ООН приняла ряд решений по защите представителей СМИ в горячих точках, но несколько лет назад американцы добились отмены иммунитета для журналистов в зонах военных конфликтов – теперь они рассматриваются как обычные участники противостояний, и их можно безнаказанно убивать.

– **Расскажите, пожалуйста, подробнее про деонтологический кодекс журналистов.**

– Повторю, этот кодекс создавался для того, чтобы облегчить обществу доступ к объективной информации. Ведь если нет тако-

го доступа, то общество не может функционировать как демократическое и гражданское. То же самое можно сказать и о рыночной экономике: она эффективна только в условиях конкуренции, для которой, в свою очередь, необходима непредвзятая информация. Именно информация, а не коммуникация. Принципиально важно разделять эти два понятия – «информация» и «коммуникация». Если вы как журналист занимаетесь сбором, обработкой и трансляцией информации, то вы не знаете наперед, что именно будете писать. Если же вы работаете в пространстве коммуникаций, то вам заранее известно, какие мысли, идеи, мнения следует внедрить в умы читателей. Занимаясь передачей информации, вы обращаетесь к умам людей, к их рациональности. А все коммуникативные приемы основаны на обращении к подсознанию, к чувствам и эмоциям. А значит, чтобы воспринять информацию, человек должен быть соответствующим образом подготовленным, ему для этого требуется определенный набор знаний, опираясь на которые, он окажется в состоянии воспринять полученную информацию и составить на ее основе собственное мнение. Понятно, что для коммуникативных практик знание не просто обязательно, а даже порой вредно, ибо создает критический фон, препятствующий эмоциям возобладавать над рассудком. Поэтому нетрудно догадаться, почему сейчас повсеместно в мире снижается уровень и качество образования, дающего знания, и напротив – накачивается сфера масскульта, рекламы, сетевой субкультуры, где главным объектом воздействия оказывается мир эмоций. Но, конечно, всё еще осложняется тем, что для подачи информации – именно информации – журналистам приходится использовать и приемы коммуникации, то есть вызывать эмоции и страсти, чтобы их читали, чтобы покупали их газеты и журналы, чтобы не переключали телевизор с их передачи на другую программу. Одна из сложностей нашей профессии – именно сохранять баланс между допустимым и искажением. Это очень трудно.

Русофобия Наполеона III (на портрете) – как, впрочем, и вся внешняя политика – была следствием его англomanии и совершенно не отвечала интересам Франции. И это несмотря на то, что в национальной памяти французов историческая обида на русских за катастрофу на Березине ничтожно мала по сравнению с многовековой обидой на извечных конкурентов-англичан

– Вы имеете в виду падение качества образования, в том числе в развитых западных государствах?

– В них в первую очередь! Например, сейчас во Франции история больше не преподается в хронологической последовательности. И многие считают, что это делается преднамеренно – чтобы дезориен-

тировать и обезличивать людей начиная с детского возраста. Более того, сама информация сейчас всё больше становится коммуникацией, так как передается и воспринимается преимущественно на чувственно-эмоциональном уровне, и платные информационные сетевые ресурсы способствуют этой мутации. Ведь если заголовок ➔

Уильям Квиллер-Орхардсон. Наполеон на борту «Беллерофона». Около 1880 года

Все французские партии – это преданные атлантиской олигархии административные аппараты, главная задача которых – проводить нужные решения через электоральные процедуры, в том числе держать двери широко раскрытыми для американского и китайского бизнеса, не забывая при этом и особые связи с Саудовской Аравией и Катаром. И тут опять парадокс и двойные стандарты: эти государства сыграли немалую роль в распространении ваххабизма и являются врагами арабского национализма, на который опирался де Голль и который именно тормозил исламизм

→ материала не «цепляет», то никто и не захочет заплатить, чтобы прочитать его целиком, а значит, информационный бизнес просядет. Вот почему сегодня заголовки даже в весьма уважаемых информационных интернет-изданиях ничем не отличаются от развязных и крикливых анонсов соцсетей. И это обольщение, возведенное в ранг единственной и непререкаемой информационной политики, имеет под собой понятные материальные интересы. США хотят продавать в Европу свои углеводороды, а тут им конкуренцию составляет Россия. Зна-

чит, Россию надо как можно основательнее дискредитировать в глазах европейцев, привлечь их симпатии на свою сторону, внедрить в их сознание мысль, что аморально покупать углеводороды у России и вообще иметь с «этой страной» какие-либо отношения. Последние санкции США против России просто явно направлены на то, чтобы заставить европейцев покупать американский сланцевый газ. Смотрите, как Трамп «переключил» Польшу на американские углеводороды с дальнейшим прицелом на Румынию, Болгарию и даже Прибалтику и Молдавию.

В этом проекте кроме коммерческой имеется еще и явная политическая составляющая – создать-таки наконец то самое «Междуморье», о котором мечтают польские ультранационалисты и которое нужно американцам в качестве буфера между Западной и Центральной Европой, с одной стороны, и частью Восточной Европы, то есть Россией, – с другой. В скобках обозначу еще один пример двойных стандартов западных политиков. Европейцы по экологическим соображениям выступают против добычи сланцевого газа, сочувствуют американцам, у которых из-за скважин возникли серьезные проблемы с питьевой водой. И в Европе разработки сланцевого газа запрещены, несмотря на, казалось бы, очевидную экономическую выгоду от его получения. А вот у американцев все готовы покупать сланцевый газ, закрывая глаза на вред для экологии!.. Американцы опасаются возникновения в Европе любых альянсов с участием России. Больше всего они боятся сближения Германии и России. Поэтому США всячески поддерживают русофобские настроения в так называемой Новой Европе и,

как я уже сказал, пытаются превратить ее в «Санитарный кордон-2». Хотя та же Прибалтика должна быть благодарна именно России за бескровное обретение суверенитета в 1991 году. Но вот только на пользу ли это пошло самой Прибалтике? Половина ее населения за постсоветские годы эмигрировала на Запад в поисках хотя бы каких-то перспектив. И это не блажь: экономика Евросоюза – кроме Германии – ориентирована не на реальные отрасли, а на финансовую сферу, поэтому деиндустриализация происходит и во Франции, которая является несопоставимо более развитой, нежели Прибалтика.

– Как вы сказали, хотя русофобия во Франции слабее, чем в Англии и Германии, она всё же имеет место. Какой у нее исторический «стаж»? Можно ли считать, что ее родоначальником стал Наполеон III – идеолог Крымской войны именно как показательного наказания России силами объединенной Европы и покровитель польской антироссийской эмиграции?

– Думаю, что русофобия во Франции появилась намного раньше. В прошлом году в России вышел перевод книги швейцарского автора Ги Меттана «Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Почему мы так любим ненавидеть Россию?» Так что русофобия во Франции началась не с Наполеона III, а с Карла Великого. Но и Наполеон III можно воспринимать как знаковую и рубежную фигуру в этом отношении. Его русофобия – как, впрочем, и вся внешняя политика – была следствием его англомании и совершенно не отвечала интересам Франции. И это несмотря на то, что в национальной памяти французов историческая обида на русских за катастрофу на Березине ничтожно мала по сравнению с многовековой обидой на извечных конкурентов-англичан. Потому-то в эпоху Третьей республики настолько естественно и органично сложился русско-французский союз.

– Любопытно, что уже в советское время носителями русофобской идеологии во Фран-

В центре – лидер Национального фронта Марин Ле Пен

Логика предвыборной кампании была проста: максимально накачать негативный образ Национального фронта, предельно его демонизировать, чтобы потом – на фоне этой впечатляющей электоральной драматургии – провести нужного кандидата, который к тому же еще будет выглядеть и консенсусной фигурой, объединяющей все, так сказать, «здоровые силы»

ции были в основном левые – несмотря на, казалось бы, социалистическую природу СССР.

– Тут не всё так просто. Левая традиция во Франции имеет давнюю историю. И нужно различать наших левых: коммунисты – это одно, а социалисты – совсем другое. Коммунисты симпатизировали Советскому Союзу – да и то тут не всегда всё было гладко и однозначно. Скажем, Морис Торез и Жорж Марше заметно отличались друг от друга, в Советском Союзе это хорошо понимали и делали соответствующие выводы. А что уж на этом фоне говорить про социалистов! Социалисты всегда выступали жесткими и непримиримыми оппонентами коммунистов внутри Франции и, соответственно, неизбежно оказывались в числе критиков СССР. После войны американцы стали активно опекать французских социалистов, особенно после того, как проевропейски настроенный

де Голль пришел к власти и учредил Пятую республику. Бывший премьер Четвертой республики социалист Ги Молле был одним из наиболее непримиримых критиков конституционной реформы де Голля. Я думаю, что определенную роль в накачивании русофобии французских социалистов сыграла и часть масонства – еще с XIX века левые активно вступали в ложи и налаживали там политические межпартийные связи. Кстати, англомания Наполеона III тоже имела под собой во многом масонскую подоплеку.

– Наполеон III был масоном?

– Я не знаю, состоял ли он сам в масонстве, но в его окружении масоны занимали очень влиятельные позиции.

– Странно. По общепринятому мнению, расцвет французского масонства начался как раз после падения Второй империи – с утверждением Третьей республики.

→ – Расцвет – возможно. Но еще раз повторю: его плотно окружали масоны – достаточно посмотреть персоналии. К тому же при Наполеоне III была проведена масштабная реконструкция Парижа: трущобы, известные нам по знаменитому фильму «Парижские тайны» с участием Жана Маре, были уничтожены. Естественно, не по моральным соображениям, а ради обеспечения безопасности режима: на узких улочках было очень удобно сооружать баррикады. Эта реконструкция потребовала колоссальных инвестиций, в нее как раз и вложились крупные английские предприниматели. Так что связи с англичанами у Наполеона III были очень прочными. Неспроста ведь он после своего низложения жил и скончался именно в Англии.

– А чем подогревается сегодняшняя французская русофобия?

– Главным образом незнанием и непониманием России, каких-то специфических черт национального поведения россиян. Но важно другое – такие незнание и непонимание всячески поощряются теми, кто заправляет медийной политикой. У нас не принято посылать в Россию корреспондентов, которые обладают хотя бы каким-то знанием страны: считается, что они будут передавать необъективную информацию – слишком доброжелательную в отношении России и слишком непонятную для среднестатистического французского обывателя. Поэтому посылают либо абсолютных дилетантов в российских реалиях, либо уже сформировавшихся русофобов. У нас есть пул экспертов по России, которые допущены до французских СМИ, среди них немало и русских, но все они выступают в одном ключе – резко критически – и различаются лишь по степени своей русофобии. Правда, иногда допускают и сторонников хороших отношений между Францией и Россией – например, меня. Но после каждого такого выступления на меня сыплется шквал обвинений: дескать, де Кошко – путинский агент, штатный пропа-

гандист. Ни тем ни другим я – наверное, к сожалению, – не являюсь. И так со всяким, кто высказывает мнение, не согласующееся с информационным мейнстримом, определяемым американцами и их европейскими единомышленниками. Французские СМИ находятся в руках атлантистской

В политических кругах Макрона (на фото) в шутку прозвали Дитя Века. Это игра слов с отсылкой к ежемесячной неформальной встрече французских олигархов, крупных политиков и ведущих журналистов в отеле «Крийон» на площади Согласия, рядом с резиденцией американского посла

олигархии. Причем прежние привычные идеологические размежевания по партиям сейчас не играют никакой роли. Социалист Олланд проводил откровенно правую политику. Его вообще можно назвать самым атлантистским из всех французских лидеров. Он был неплохим аппаратчиком, занимался интригами в своей Соцпартии. Но у него не было стратегического политического проекта для Франции, кроме вассальной зависимости от НАТО. Потому-то Миттеран и не давал ему никакого министерства. Уже будучи депутатом Национального собрания, он стал участвовать в американской программе «Молодые лидеры». Этот атлантизм у социалистов, как я сказал, еще с Ги Молле. И всё это время социалисты проводили правую политику. Да сейчас вообще партии – это по

преимуществу административные машины, идеологии тут никакой нет уже давно. Потребность в идеологии, вкус к идеологии сохранили единицы. Например, Жан-Люк Меланшон вышел из Соцпартии, несмотря на карьерные перспективы, потому что он действительно левый по своим убеждениям и потому что он интеллектуал. Яркий интеллектуал и Жан-Пьер Шевенман. В России вышла его книга «1914–2014. Европа выходит из истории?» Они действительно достойные политики, и оба считают, что сегодня главное – это обеспечение суверенитета Франции. Но это исключения из правила. Тенденция же сейчас однозначная: все

французские партии – это преданные атлантистской олигархии административные аппараты, главная задача которых – проводить нужные решения через электро-ральные процедуры, в том числе держать двери широко раскрытыми для американского и китайского бизнеса, не забывая при этом и особые связи с Саудовской Аравией и Катаром. И тут опять парадокс и двойные стандарты: эти государства сыграли немалую роль в распространении ваххабизма и являются врагами арабского национализма, на который опирался де Голль и который именно тормозил исламизм.

– Правильно ли я понял вашу мысль, что в настоящее время вместо прежних идеологических разделений главное размежевание французской политической элиты проходит по вопросу о суверенитете страны?

– Совершенно верно. И отношение к России напрямую определяется тем, как решается этот центральный вопрос. Те, кто мыслит стратегически и во главу угла ставит не атлантистские, а национальные интересы, – за союз или, во всяком случае, за хорошие отношения с Россией. Но эти силы ужасно разрозненны. К тому же по-прежнему немаловажное значение имеют и партийные ярлыки: например, после общения с ультраправыми трудно найти общий язык с левыми.

– Мы вплотную подошли к большому вопросу о недавних президентских выборах во Франции. Как вы прокомментируете и предвыборные расклады, и итог кампании?

– Логика была простая: максимально накачать негативный образ Национального фронта, предельно его демонизировать, чтобы потом – на фоне этой впечатляющей электоральной драматургии – провести нужного кандидата, который к тому же еще будет выглядеть и консенсусной фигурой, объединяющей все, так сказать, «здоровые силы». То есть повторяется сценарий, когда соревновались Ширак с Ле Пеном. Вот почему Национальный фронт получил такую медийную раскрутку. Та же

схема использовалась при де Голле против коммунистов, а после него – против левых. Миттеран после распада Советского Союза перевернул эту схему – теперь против правых.

– Если Марин Ле Пен – всего лишь электоральный проект и не более того, то зачем с ней встречался Владимир Путин 24 марта?

– Марин Ле Пен представляет интересы небогатой части населения, которая страдает от безработицы и от конкуренции со стороны иммигрантов. Причем это именно та часть населения, которая больше всего проникнута чувствами и ценностями патриотизма по экономическим причинам – потому что в нее входят много мелких предпринимателей и производителей, которые в первую очередь испытывают на себе все негативные последствия любых социальных неурядиц. Ну и потому что, как говорил Жан Жорес, единственное богатство у бедных – это родина. Поэтому обвинения Национального фронта в фашизме несправедливы, несмотря на то, что среди его членов были и есть фашисты. Фашизм возник тогда, когда классовая борьба была довольно острой и требовалось с

его помощью оторвать рабочие массы от социализма. Сейчас во Франции рабочее и – шире – народное движения в полном упадке, поэтому в фашизме нет объективной необходимости. Так что олигархическая элита рассматривала Марин Ле Пен как всего лишь спарринг-партнера той фи-

Саркози (на фото) – это совершенно беспринципный политик, без какой бы то ни было идеологии. И, видимо, его беспринципность стала уже вопиющей и бросающейся в глаза на фоне беспринципности других. Когда он призывал к нормализации отношений с Россией, он просто хотел забрать себе голоса всех тех, кого волнует проблема суверенитета Франции

гуры, которую предстояло вывести в победители. В противном случае она вряд ли получила бы такую поддержку в СМИ. Из нее делали чучело, чтобы обыватели смотрели, боялись и в итоге проголосовали за того, за кого нужно. И как показала президентская кампания, нужная фигура оказалась даже не из какой-то партии с политическим стажем, а из новообразованной партии «Вперед, Республика!» Вот вам убедительное доказательство того, что партии в классическом смысле этого понятия –

именно как субъекты политической борьбы – уже более не существуют. Люди, за редким исключением, идут в партии на работу, а не по убеждению. Было 19 тысяч кандидатов на место кандидата от новой партии Эммануэля Макрона, потому что знали, что он должен выиграть и что шансы для

новых проходимцев есть, так как аппарат партии еще новый. Но на этот раз кандидат был выбран не партией, а непосредственно олигархией с одобрения Вашингтона. Саркози и Олланда выбирали так же, но хотя бы для видимости делали это через соответствующую партию. В политических кругах Макрона в шутку прозвали Дитя Века. Это игра слов с отсылкой к ежемесячной неформальной встрече

французских олигархов, крупных политиков и ведущих журналистов в отеле «Крийон» на площади Согласия, рядом с резиденцией американского посла.

– Какие другие проходные фигуры рассматривались?

– Одно время говорили о выходе во второй тур Ле Пен и Саркози. Однако не было уверенности в том, что Саркози сможет так же уверенно переиграть Ле Пен, как Ширак – ее отца. Довольно серьезно воспринимался и вариант Жюппе – за ним стояли американцы и арабы Залива. Это умный политик, но однозначно ставленник олигархии, несмотря на то, что во время своего премьерства при Шираке он регулярно апеллировал к голлизму. Во время коррупционного скандала в середине нулевых он закрыл собой Ширака и был осужден за незаконное субсидирование за государственный счет партии «Объединение в поддержку республики». После этого – чтобы на какое-то время исчезнуть из публичного пространства – он читал лекции в Монреале. Я его хорошо помню, когда он работал в парижской мэрии под началом Ширака. Однако слабым местом Жюппе, как я уже сказал, ➔

Пригороды Парижа уже превратились в самые настоящие гетто, где некоторые из мигрантов промышляют торговлей наркотиками и краденными автомобильными запчастями. Это серая экономика, порожденная безработицей. Много молодых людей вовлечены в нее

→ была его зависимость от американцев и арабов. Поэтому у него вряд ли получилось бы понравиться одновременно и Израилю, и арабским монархам. Но главное – у Жюппе уже не было собственного партийного аппарата, который у него перехватил Саркози после коррупционного скандала. Да и потом – при всей очевидной инфляции идеологических различий, о чем я уже говорил, – Жюппе занял априорно проигрышную в наших условиях центристскую позицию. Единственный раз – на президентских выборах 1965 года – центрист Леканюэ сумел в первом туре занять третье место после де Голля и Миттеррана и получить 15 с лишним процентов голосов. Это самый высокий показатель у центристов, такого больше не было, потому что правые обычно голосуют направо, левые – налево, и центристам ничего не остается. Собственно, так и получилось: он проиграл праймериз Фийону, которого уж никак не назовешь центристом. Правда, на этот раз и Макрон сыграл якобы в центре. В этом ему помог Байру – центрист из правых, который уже стареет и не мог пропустить ока-

зию, которую ему давал Макрон. – **Фийон обошел на праймериз и Саркози, взяв тем самым реванш за умаление последним роли премьера и фактическую передачу функции управления правительством в руки президентской администрации. Фийон как премьер тогда, конечно, натерпелся.**

– Ну, Саркози – это совершенно беспринципный политик, без какой бы то ни было идеологии. И, видимо, его беспринципность стала уже вопиющей и бросающейся в глаза на фоне беспринципности других. Когда он призывал к нормализации отношений с Россией, он просто хотел забрать себе голоса всех тех, кого волнует проблема суверенитета Франции. Как я уже сказал, обеспокоенные перманентными нарушениями суверенитета страны со стороны атлантистов расположены к России. Поэтому здесь для Саркози был чистый расчет – и не более того. – **И почему в итоге победил Макрон?**

– Я уже сказал, кто и как выбрал Макрона. СМИ его поддерживали просто до неприличия, устроили ему мощнейшую пиар-кампанию. Причем правые голосовали

за Макрона, ибо были уверены в том, что он правый, социалисты – так как посчитали его более или менее левым – всё-таки он был министром и советником у Олланда, – а все остальные – потому что их убедили: мол, вот человек новый, беспартийный. А так как политические партии за последние годы были очень сильно дискредитированы, то те, кто не хотел голосовать за Ле Пен, проголосовали за Макрона. Конечно, не надо забывать и о крайне низкой явке на избирательные участки, и то, что неопределенность программы позволяет Макрону делать то, что он захочет. Точнее, то что ему будет дозволено его покровителями. Хотя такое положение может и поменяться: Макрон – прагматик с сильно развитым нарциссизмом. Но его очевидная слабость в том, что многие из тех, кто отдал ему свой голос, на самом деле голосовал не за него, а против кого-то – как правило, против Ле Пен, но не только против нее. К тому же за него реально проголосовали только 50 процентов избирателей, а для президентских выборов такой показатель явно недостаточен.

– **Сегодня во Франции одна из самых острых проблем – это мигранты. Такое впечатление, что власти делают всё для того, чтобы подчинить ценности и культурный мир коренных французов поведенческим привычкам мигрантов.**

– Это совершенно осознанная политика. Наплыв мигрантов – колоссальный: порядка 40 тысяч ежемесячно в ЕС, а летом еще больше. Но это общая статистика Евросоюза, а значительный поток мигрантов идет именно во Францию. Многие из них хотят попасть в Англию и оседают на севере страны – в Кале, в так называемой Джунгли, которую периодически разрушают. Наше общественное мнение накалено, но задействованы колоссальные пропагандистские мощности, чтобы убедить французов принять ситуацию как данность и не противиться ей. А между тем пригороды Парижа уже превратились в самые настоящие гетто, где некоторые из мигрантов промышляют торговлей наркотиками и краде-

Моя семья относилась к потомкам белых эмигрантов. Точнее, конечно, не белогвардейцев, а представителей новой российской бюрократии, выдвинувшейся при Столыпине, – специалистов-технократов.

Мой прадед – Иван Францевич Кошко (на фото) – был сначала пензенским, а затем пермским губернатором

Младший брат моего прадеда – Аркадий Францевич (на фото) – известный криминалист, возглавлял уголовный розыск Российской империи

ными автомобильными запчастями. Это серая экономика, порожденная безработицей. Много молодых людей вовлечены в нее. Милые парижане более зажиточных районов – которые охотно выступают против «расизма» и за «толерантность» к мигрантам – уже считают, что небезопасно оказаться в этих местах. И действительно, в некоторых местах столичная золотая молодежь, которая приезжает в пригороды покупать наркотики, подвергается нападению со стороны обитателей этих гетто, у нее отбирают деньги и купленные наркотики. Происходят и криминальные разборки между оптовиками и торговцами в розницу, случаются разбойные нападения на местных жителей или случайно оказавшихся в этих районах. Но если этот криминальный бизнес прикрыть, то эти безработные моло-

дые мигранты, которые привыкли к неплохим доходам от серой экономики, начнут терроризировать и обкрадывать уже непосредственно жителей этих пригородов, в которых всё острее и острее встает вопрос о качестве образования и воспитания. Дети избирателей Макрона не ходят в государственные школы в этих пригородах, а у детей избирателей Ле Пен выбора нет.

– Скажите, пожалуйста, несколько слов о себе. Вы – потомок древнего боярского рода, ведущего свою историю от Фёдора Кошки, сына боярина Андрея Кобылы, служившего Ивану Калите и Семёну Гордому. Из этого рода – через Фёдора Никитича Романова, ставшего патриархом Филаретом, – вышла последняя царская династия. После революции ваши родственники оказались в эмигра-

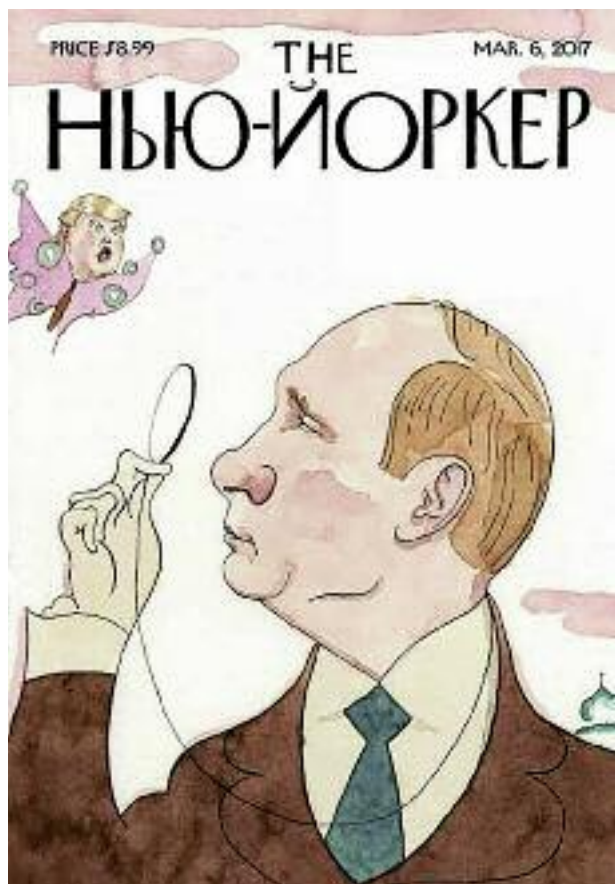
ции, вы уже родились во Франции. И вместе с тем у вас прекрасный русский язык. Это заслуга ваших родителей?

– Скорее бабушек. Обе мои бабушки были живы, когда я родился, и они со мной разговаривали по-русски. Да и родители в основном общались в русской среде – с представителями первой эмиграции. Еще совсем маленьким я застал живыми известных деятелей революционного движения Чернова и Церетели, а в студенческие годы – и представителей анархистов и даже коммунистов. Вообще эта первая эмиграция была довольно пестрой: она объединила людей с разным политическим прошлым, которые до эмиграции находились по разные стороны баррикад. Здесь были и монархисты, и либералы, и революционеры. Помню бывших петлюровцев – один из них чинил ➔

→ мне велосипед и подарил шка-
тулку с трезубцем. Были пред-
ставители национальных движе-
ний – армяне, грузины. Застал я и
махновцев. Словом, белая эмигра-
ция на самом деле была далеко не
только белой. Хотя моя семья от-
носилась к потомкам именно бе-
лых эмигрантов. Точнее, конечно,
не белогвардейцев, а
представителей новой
русской бюрократии,
выдвинувшейся при Сто-
лыпине, – специалистов-
технократов. Мой пра-
дед – Иван Францевич
Кошко – был сначала
пензенским, а затем
пермским губернатором.
Его младший брат – Ар-
кадий Францевич – из-
вестный криминалист,
возглавлял уголовный ро-
зыск Российской импе-
рии. Курьезно, но факт:
мои здешние злопыхате-
ли, которые никак не мо-
гут смириться с той пози-
цией, которую я отстаи-
ваю во французских
СМИ, пытаются дока-
зать мои связи с россий-
скими спецслужбами тем,
что я – правнук Аркадия
Францевича: он – отец
моего дедушки, а Иван
Францевич – моей ба-
бушки. И в этом – в луч-
ших сталинских тради-
циях признания винов-
ным за «прегрешения» предков –
меня обвиняла газета Libération.
– **От вашей родословной мы
снова перешли к информаци-
онной войне...**

– А куда от нее денешься? Мы жи-
вим в реалиях тотальной и непре-
кращающейся информационной
войны атлантисов против Рос-
сии. Всё, что говорят представи-
тели России, – это всегда под во-
просом. И даже преподносится
соответствующим образом: дес-
кать, русские утверждают. Про
американцев же говорится со-
всем иначе: тот или иной предста-
витель Госдепа объяснил, разъ-
яснил и так далее. Вот она, инфор-
мационная война, – на уровне слов
и терминов, чтобы эффективнее
внедрять в сознание требующие-
ся взгляды, мнения, смыслы. Объ-
ективная информация никому не

нужна – нужна правильно препод-
несенная информация, ее источ-
ник неважен – хотя бы даже чей-
то фейсбук. Вот, например, тоже
распространенный прием: слить
псевдоинформацию какому-ни-
будь СМИ и потом повторять ее
до тех пор, пока она не превратит-
ся в непререкаемую истину. Это

**Смотрите, как сегодня
используются
The Washington Post
и The New York Times
в раздуваемой кампании
о якобы имевшем место влия-
нии России на исход амери-
канских выборов. Какая
глупость! Что, за каждым
американским избирателем
стоял русский?**

методика Геббельса, которая взя-
та на вооружение американцами.
Вспомните, как начиналась кампа-
ния о фейковом оружии массово-
го поражения Саддама Хусейна в
The Wall Street Journal. Смотри-
те, как сегодня используются The
Washington Post и The New York

Times в раздуваемой кампании о
якобы имевшем место влиянии
России на исход американских
выборов. Какая глупость! Что, за
каждым американским избира-
телем стоял русский? А всё же по-
вторяют, пишут как о чем-то ис-
тинном и доказанном и – в соот-
ветствии с этим геббельсовским

приемом – строят на та-
ких воспроизводимых с
высокой частотой утвер-
ждениях всё новые и но-
вые выводы. У вас в Рос-
сии на телевидении, в
многочисленных ток-шоу
идут дебаты, высказы-
ваются противоположные
мнения. Да, конечно, воз-
можно, мелькающие там
время от времени агрес-
сивные бандеровцы или
поляки-русофобы – это
подсадные утки, но они
отстаивают определен-
ные отличные от преобла-
дающих в российском об-
ществе мнения, и диалог
происходит – хотя бы так.
Правда, как правило,
слишком шумно и слиш-
ком часто, на мой взгляд.
А здесь – нет. Одни и те
же говорят одно и то же,
и французские телезри-
тели не имеют даже види-
мого выбора из различ-
ных точек зрения. Везде
и без перерыва: «Путин –
агрессор», «Путин на-
пал на Украину», «Путин пред-
ставляет опасность для Европы».

И эта беспробудная русофобия
проявляется не только в политике,
но и в экономике. Когда несколь-
ко лет назад Mittal приобретала ак-
тивы Arcelor, она наняла специ-
альное пиар-агентство, которое
распространяло информацию, что
ее конкурент – «Северсталь» –
это мафиозная и бандитская струк-
тура. Зачем это делалось – понят-
но: надо было быстро и по деше-
вке заполучить интересный для
Mittal концерн Arcelor. И она вы-
играла, но против интересов
Франции и рабочих Arcelor. У
«Северстали» был промышлен-
ный проект, который гарантиро-
вал рабочие места – потому что
это было нужно «Северстали». А
у Mittal был финансовый проект,
и надо было выжать из приобре-

таемых активов по максимуму, а затем просто уволить рабочих.

– Но ведь подобные приемы из арсенала большого бизнеса внешне-национальны и используются не только против России и ее интересов.

– Да, это так. Какие грязные ухищрения были предприняты, чтобы продать нашу стратегическую компанию Alstom американцам! И почему-то нет ни одного журналистского расследования этой сделки. О каком суверенитете Франции можно после этого говорить – его и близко нет, атлантисты всё прибрали к своим рукам и, чтобы еще больше ослабить французскую идентичность, жестко насаждают эту опостылевшую всем политкорректность. Подумайте только, христианская реклама в метро – это, оказывается, неполиткорректно, а поздравления с Рамаданом – совершенно естественно и нормально. Наши министры ездят на ифтар в мечети, причем они не являются мусульманами. Видимо, они подражают американскому послу, который регулярно объезжает французские пригороды, где проживают мигранты-мусульмане. Американцы всячески поддерживают мигрантские общественные организации, громко кричат о правах мигрантов и о недопущении ксенофобии. И даже инструктируют лидеров мигрантских общин, как противодействовать якобы неправомерным и незаконным акциям французской полиции. Вы только представьте себе: американцы учат мигрантов, как им сопротивляться французской полиции, в то время как в США сколько темнокожих американцев были убиты полицейскими, действовавшими якобы в полном соответствии с инструкциями о применении оружия!

– Вы – один из создателей франкоязычного сайта «Стоп, русофобия!» Но это вы и ваши единомышленники-французы. А насколько слышны во Франции голоса российских СМИ?

– К сожалению, не очень слышны. RT – самый мощный и раскрученный российский ресурс инновационного – сделан с расчетом на американский вкус и на американскую манеру подачи и восприятия

О каком суверенитете Франции можно говорить – его и близко нет, атлантисты всё прибрали к своим рукам и, чтобы еще больше ослабить французскую идентичность, жестко насаждают эту опостылевшую всем политкорректность. Христианская реклама в метро – это, оказывается, неполиткорректно, а поздравления с Рамаданом (на фото) – совершенно естественно и нормально

новостной информации. А у французов своя манера, поэтому у нас популярность RT не такая, какой могла бы быть при адресной работе с нашей зрительской аудиторией. Началось вещание RT во французском сегменте Интернета, но если бы не Макрон с его нападениями на RT и Sputnik, то мало кто вообще бы знал об этих передачах. Я и сам не знал! И это неправильно, потому что практически вся Африка выпадает из аудитории RT. И по интенсивности, и по мощи воздействия российские СМИ явно уступают американским, что понятно, если вспомнить, какие колоссальные средства тратят США на проведение информационной политики, отражающей их интересы. Там работает целая информационная индустрия. С российской стороны тоже бывают удачные акции, но это происходит от случая к случаю и делается, как правило, талантливыми журналистами типа корреспондентки RT Гаяне Чичакян. Ее виртуозные вопросы на брифингах в Госдепе вызывают восхищение. Но, увы, как индустрии, как системы российского присутствия в информационном пространстве Запада вообще и

Франции в частности нет. Такое присутствие не выстраивается одиночками. На информационной войне всё точно так же, как и на войне настоящей, – подвиги одиночек не заменят четкой и слаженной работы всей армейской машины целиком.

– Дмитрий Борисович, спасибо вам за интересное и содержательное интервью. Природа массовых фобий, влияние этих фобий на образы национальных идентичностей, конфликты таких идентичностей, а также целенаправленное формирование стереотипов для их употребления в технологиях информационного воздействия – всё это имеет непосредственное отношение к той тематике, которой посвящен журнал Focus, а именно, к коммуникациям и конфликтам цивилизаций. Вы многое сказали о морфологии такой давней, со стажем болезни западной цивилизации, как русофобия. И чем больше будет подобного рода откровенных и объективных диагнозов, тем скорее эта болезнь может быть излечена. Во всяком случае, хотелось бы надеяться именно на благоприятный исход этой болезни. ■

ПРЕДСТОИТ ЛИ НАМ БИТВА за ценности?

Ждали, что саммит «Большой двадцатки», встреча Владимира Путина с Дональдом Трампом прояснят для России внешнеполитическую картину. Но вопросов больше, чем ответов

Меркель – лицо европейского проекта

Вопросов не вызывает только фигура Ангелы Меркель. Она константна. Германия продолжает неформально возглавлять Евросоюз и выстраивает здание грядущей Европы. Четвертого рейха? Будущий Евросоюз – это постсовременная организация, построенная на принципах, которые еще лет двадцать назад казались немыслимыми. В Европе, какой ее делает современный либеральный проект, исчезают все традиционные европейские ценности – религиозные, патриотические, национальные, семейные. Их заменяет новая ценность, вы-

Светлана Владимировна Лурье – доктор культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, культуролог, этнопсихолог, политолог

ражающаяся в полной терпимости к «многообразию», какие бы извращенные формы оно ни принимало, то есть политкорректность. Набор идей, на которых строится грядущая Европа, конечно, не является комплексом национальных ценностей Германии – как и любой другой отдельно взятой европейской страны, – но Германия основывает на нем свое нарастающее могущество. И незадолго до саммита «двадцатки» она предприняла еще один шаг к тому, чтобы воплотить в себе «новые ценности»: были полностью узаконены, приравнены в правах к традиционным бракам браки гомосексуальные. Хотя блок партий Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз (ХДС/ХСС) составляет большинство в правящей

коалиции в Бундестаге и традиционно выступал против признания однополых браков, да и сама Меркель голосовала против этого, но именно она практически обеспечила прохождение законопроекта. Так, Меркель, возглавляющая ХДС, объявила, что выступает за то, чтобы все депутаты принимали решение самостоятельно, «по зову совести», а не руководствуясь общепартийной позицией. К тому же Меркель высказывается за усыновление детей однополыми парами. Меркель, желая того или нет, играет роль проводника политики единой и толерантной – а по сути механистической и бездушной – Европы.

Аналогичный проект существует и для Америки.

Признание поступательного воплощения либерального проекта – аксиома наших рассуждений. Она поможет нам распознать те веяния, которые наблюдаются в мире этим летом.

Шаги Меркель становятся в этом свете ясными. Германия пытается взять под свое политическое крыло Францию, выполняя роль старшего в германо-французском союзе. Пытается как бы от лица Европы – как правило, в качестве члена «Нормандской четверки» – вести переговоры с Россией об Украине, поощряя дальнейшее усиление антироссийских санкций. А потому отношения у России с Германией столь же прямолинейны и откровенны – тут все карты открыты, – сколь холодны и сдержанны. В начале мая встреча Ангелы Меркель и Владимира Путина прошла как откровенный обмен мнениями и констатация их несовпадения – без резонерства и обращения к морали, сухо и конкретно.

Правда, какие-то подвижки в германо-российских отношениях могут произойти. В середине июля министр иностранных дел Германии Зигмар Габриэль заявил, что Евросоюз должен пересмотреть свою позицию относительно санкций против России и начать отменять их, не дожидаясь полного выполнения Минских соглашений, которые, как он полагает, до конца невыполнимы. Возможно, вокруг Украины начинается какая-то новая игра. Мо-

Филипп Фейт. Аллегорическая фигура Германии

Набор идей, на которых строится грядущая Европа, конечно, не является комплексом национальных ценностей Германии – как и любой другой отдельно взятой европейской страны, – но Германия основывает на нем свое нарастающее могущество

жет быть, связанная с активизацией Америки в урегулировании ситуации в Донбассе?

Либеральный проект – словно лакмусовая бумажка. Для многих в мире он неприемлем, а они, в свою очередь, неприемлемы для Германии, ведь она строит свою империю на основе европейского проекта.

Так, когда-то очень преданная Америке, Ангела Меркель от Америки Дональда Трампа фактически отреклась. После провальной встречи «Большой семерки» в Сицилии в конце мая она высказалась в том духе, что Европа должна отныне рассчитывать только на свои силы и не рассчитывать на Америку. Сложная си- ➔

→ туация для Меркель, которая при-
выкла подчинять свои интересы
интересам трансатлантического
сообщества. Но неприятие ею
Трампа, который не
вписывается в мо-
дель либерального
лидера, требует по-
жертвовать важной
для нее составляю-
щей европейской
политики и дистан-
цироваться от Аме-
рики. А министр
иностраннх дел
Германии Габриэль
заявил, что «тот, кто
не будет противо-
действовать полити-
ке США, станет со-
участником» этой
политики. Более
того, по Габриэлю,
«США более не яв-
ляются лидером Запада». К Трам-
пу Меркель подчеркнуто холодна,
он к ней тоже. Можно сказать, что
сегодня они антиподы.

Является ли Макрон альтернативой Европе Меркель?

Могло показаться, что такими
же будут отношения Дональда
Трампа с другим европейским
лидером – Эммануэлем Макро-
ном. Действительно, в первое вре-
мя он позиционировал себя как че-
ловек, всецело преданный идее Ев-
росоюза в стиле Меркель. Начал
он свое президентство с проявле-
ния безусловной лояльности Гер-
мании – сразу после своего избра-
ния отправился на прием к Мер-
кель. Более того, он тут же пред-

ложил Меркель свою программу
реформ Евросоюза и, в частности,
введение отдельного бюджета ев-
розоны и создание поста мини-

**Германия пытается как бы от-
лица Европы – как правило,
в качестве члена
«Нормандской четверки» –
вести переговоры с Россией
об Украине, поощряя даль-
нейшее усиление антироссий-
ских санкций. А потому отно-
шения у России с Германией
столь же прямолинейны
и откровенны – тут все карты
открыты, – сколь холодны
и сдержанны**

стра финансов еврозоны. И полу-
чил одобрение своей старшей не-
мецкой коллеги.

Он также позиционировал себя
как некий анти-Трамп. Когда
Трамп вывел Америку из Париж-
ского соглашения по климату,
Макрон провозгла-
сил свой глобалист-
ский лозунг «Сдела-
ем нашу планету сно-
ва великой», обыг-
рывая тем самым
предвыборный сло-
ган Трампа «Сдела-
ем Америку снова ве-
ликой».

Однако впослед-
ствии Макрон пере-
стал казаться столь
однозначной фигу-
рой. Он, конечно, за
либеральный и толе-
рантный Евросоюз,
но он и за усиление
роли Франции как на-
ционального госу-

дарства. Некоторые эксперты
прочат ему роль нового Шарля де
Голля, хотя это и явное преувели-
чение. Отношения макронов-
ской Франции с Германией по
теме Евросоюза не так безоблач-
ны, как кажутся. Экономический
дисбаланс между странами евро-
зоны продолжает усиливаться, и
Германия получает выгоду от
этого, что является неправиль-
ным, как заявил Макрон. В на-
стоящее время, сказал он с не-
одобрением, «страны ЕС, у кото-
рых уже есть долг, набирают еще
больше обязательств, в то время
как конкурентоспособные госу-
дарства лишь укрепляют свои по-
зиции».

Что касается Америки, то Мак-
рон подчеркивает несовпадение

**Макрон как будто поладил
с Трампом. В частности, как
раз по координации политики
в Сирии они достигли
согласия. Оба они отныне
полагают, что целью Запада
не является свержения
Башара Асада**

европейских и американских ценностей. «США любят свободу так же, как и мы, но у них нет такой же любви к справедливости. Европа – единственное место в мире, где личные свободы, дух демократии и социальная справедливость так тесно переплетены», – говорит Макрон. Может быть, поэтому он собирается порвать с внешней политикой своих предшественников – Николя Саркози и Франсуа Олланда, – заявляя, что «со мной настанет конец форме неоконсерватизма, ко-

торую импортирует Франция уже 10 лет. Демократия не привносится извне без участия народа. Франция не принимала участия в войне в Ираке и была права. Но она

Макрон, конечно, за либеральный и толерантный Евросоюз, но он и за усиление роли Франции как национального государства.

Некоторые эксперты прочат ему роль нового Шарля де Голля, хотя это и явное преувеличение

ошиблась в войне в Ливии. Каковы же результаты этих двух интервенций? Разрушенные государства, на территории которых процветают террористические группы. Я ➔

На чем строится диалог Трампа с Макроном? На попытке первого разрушить европейский проект как всеобъемлющий, на стремлении говорить с каждой европейской страной в отдельности, апеллируя к ее индивидуальности, а не с Евросоюзом в целом

→ не хочу, чтобы это повторилось в Сирии».

И Макрон как будто поладил с Трампом. В частности, как раз по координации политики в Сирии они достигли согласия. Оба они отныне полагают, что целью Запада не является свержения Башара Асада.

Политолог Кирилл Бенедиктов высказывает мнение, что «встреча Трампа и Макрона в Париже прошла не просто в теплой, дружественной обстановке – она фактически ознаменовала собой рождение нового вектора внешней политики Вашингтона, направленного не столько на Европу, сколько непосредственно на Францию и, более

того, лично на ее президента»: в отношениях с новым французским лидером Трамп «станет вести себя как старший друг, убеленный сединами наставник». В этой игре президент Франции «неизбежно должен попасться на крючок оказанного ему высокого доверия – все же видят, что Трамп благоволит ему, встречается с ним чаще, чем с любым другим главой государства, крепко жмет руку и дружелюбно похлопывает по плечу». Это усилит соперничество честолюбивого Макрона с Меркель и может привести ко всё большему выявлению противоречий между ними. Не исключено, что со временем у Макрона может появиться свой план дальнейшего построения Евросоюза, конкурирующий с германским проектом. Но вряд ли он принесет в либеральный европейский проект существенные изменения. Кардинальных изменений надо ждать не отсюда.

С президентом России Макрон держится холодно: «Я уважаю Путина. Мы провели конструктивную беседу. Мы во многом не согласны друг с другом, в частности, в вопросе Украины, и он знает мою позицию». И тут нечего ожидать прорыва. Возможно, Макрон и представляет собой некую европейскую альтернати-

С Европой европейского проекта у России антагонизм, поскольку это антихристианская, по сути антихристовая Европа...

ву, отличную от Меркель, но это не та альтернатива, с которой для России возможна непосредственная коммуникация: просто потому, что с ней нет пересечений. С ней у России – так же, как и с альтернативой Меркель, – не получится продуктивного диалога. Возможно, в дальнейшем курс Макрона будет корректироваться – не исключено, что даже в нашу пользу, как сейчас по поводу Сирии, – но вряд ли дело дойдет до непосредственных живых отношений, совместной политики. Не только потому, что Макрон настроен, например, на поддержку Украины, что показывает пресловутая, разрекламированная Петром Порошенко «формула Макрона». Но главным образом потому, что с ним отсутствуют ценностные пересечения. России с Францией Макрона неинтересно – Макрону неинтересно с Россией Путина. Да, он проявляет живые реакции, когда речь идет о национальном величии Франции, но его понимание

этого величия недалеко отходит от проекта либеральной Европы с ее толерантностью, такого панъевропейского проекта. Диалог был возможен с конкуренткой Макрона на президентских выборах – Марин Ле Пен, – поскольку она представляла альтернативную модель Франции и Европы, с которой у России масса точек пересечения. Это проект возвращения к европейскому многообразию – ценному России – вместо нивелирующей политики Евросоюза.

А не так же ли смотрит на проблему со своей стороны и Трамп? На чем строится диалог Трампа с Макроном? На попытке первого разрушить европейский проект как всеобъемлющий, на стремлении говорить с каждой европейской страной в отдельности, апеллируя к ее индивидуальности, а не с Евросоюзом в целом. О таком подходе еще весной заявил стратегический советник Трампа Стивен Бэннон. Можно усмотреть в этом

ценностей – западных ценностей, связанных с христианством, индивидуальной свободой, семьей, – и защите европейской идентичности, основанной на этих ценностях. Это был вызов европейским и американским либералам. Либеральные СМИ тут же обвинили Трампа в «презрении к западным ценностям» – в их понимании, – в том, что он будто бы «превратил свой президентский срок в Белом доме в демонстрацию презрения к западному миру». Заговорили и о том, что «в течение всего нескольких месяцев Трамп развалил политический и экономический мировой порядок, в котором США занимали центральную

...с теми, кто противостоит такой Европе, – антагонизм, поскольку это культуры, возвращенные в противопоставлении себя русскому, православному началу

старое: разделяй и властвуй. Но последние события показывают, что за таким подходом стоит и идейное основание. Либеральный европейский проект для Трампа кажется неприемлемым. Он выступает за иные ценности.

Варшавская речь Трампа о ценностях

За какие именно ценности – это показал предшествовавший саммиту «двадцатки» визит Трампа в Польшу. Свою речь там Трамп почти всецело посвятил проблеме

роль», – то есть глобальный либеральный порядок, который культивировала администрация Барака Обамы. Особенно разозлило либералов то, что в своей польской речи Трамп десять раз употребил слово «Бог», то есть вспомнил Того, о Ком в современном постхристианском мире вспоминать больше чем не принято, наказуемо. Вот, к примеру, комментарий CNN: «Выступая перед еще более белой, чем в Мичигане, аудиторией в Польше, Трамп рассчитывал на то, что всё еще остающиеся в большинстве польские католики примут его отворачи- ➔

Свою речь в Польше Трамп почти всецело посвятил проблеме ценностей – западных ценностей, связанных с христианством, индивидуальной свободой, семьей, – и защите европейской идентичности, основанной на этих ценностях. Это был вызов европейским и американским либералам

→ тельную риторику». И слова Трампа стали гимном настоящему традиционному европейцу: «Мы сочиняем симфонии. Мы продвигаем инновации. Мы чествуем наших героев прошлого, заявляем о приверженности нашим бессмертным традициям и обычаям, а также следуем к новым и новым границам неизведанного. Мы аплодируем прекрасному и ценим все вдохновляющие шедевры, славящие Бога». Как пишет политолог Дмитрий Дробницкий, «либеральные медиа не могли оставить такое “безобразия” без ответа. Два выражения – “мы сочиняем симфонии” и “мы славим Бога” – были на

также заявление, что Польша и США вместе борются с «дестабилизирующим поведением» Москвы. Россия была обозначена как

ропы, точнее, стать выразителем этих ценностей, разделяемых как христианским Востоком, так и христианским Западом. Поляков

с русскими не примиришь – вон они взялись уничтожать советские памятники, всё, что напоминает о России. Но перед лицом глобального либерального европейского проекта нам есть о чем говорить, в чем объединить свои усилия!

И России не только выгодно, но и правильно было бы поддерживать ценностный раскол в Евросоюзе. Тем более, что он реально уже назревает. Так, той же Польше из-за ее «отступления от демократии» (судебную реформу – неправильную с точки зрения ЕС), поли-

Некое подобие концепции российско-американских отношений попытался придумать госсекретарь Рекс Тиллерсон (на фото). Она проста: в обмен на улучшение отношений Америки с Россией от последней потребуется не «проявлять агрессии» к Америке, взаимодействовать по принципиальным мировым вопросам и добиваться «стратегической стабильности»

одна из тех, от кого Европу надо защищать.

Вот так и получается: с Европой европейского проекта у России антагонизм, поскольку это антихристианская, по сути антихристианская Европа, при этом с теми, кто противостоит такой Европе, – антагонизм, поскольку это культуры, возвращенные в противопоставлении себя русскому, православному началу. Но в последнем случае как раз Америка Трампа и может в политике объединить Россию и христианские силы Ев-

тики по беженцам Еврокомиссия грозит санкциями и лишением права голоса в Совете Евросоюза. Польша осмеливается говорить и о том, что «не пустит Украину в Европу», если там будет продолжаться прославление Бандеры, – в остальной Европе закрывают глаза на оголтелый украинский национализм то ли из прагматизма, то ли из политкорректности. Официальная Варшава для Европы – это «больной ребенок ЕС», засилье национализма, гомофобии, изоляционизма, мракобесия и антиевропейской фронды: по мнению европейских либералов, в Польше вообще забыли, что живут в XXI веке.

По официальному сообщению, Путин принял к сведению польскую речь Трампа. Это было воспринято как то, что Кремль учтет антироссийские выпады американского президента и будет строить свой диалог с ним, исходя из его антироссийской позиции. Раздались советы Путину и вовсе отказаться от встречи с Трампом. Но, вероятно, Путин принял к сведению не только прозвучавшие раза два антироссийские фразы, которые не явились новы-ми для западного лидера, но и то

действительно новое, конструктивное, что в ней содержалось и было многократно повторено.

И вот Путин и Трамп встретились. Что было на встрече, о чем договорились или не договорились лидеры – аналитики спорят. Но все сходится в том, что прежде, чем судить, надо несколько месяцев обождать. Так ли? То, что договоренности достигнуты, это уже почти ясно. Но вот чем они обернутся? Ответ на этот вопрос связан со многими вопросами. С таким, как характер Трампа-политика, – насколько он импульсивен или последователен? Как те или иные аспекты его отношений с Россией связаны с его политической программой и в чем конкретно последняя состоит? Какие в действительности ценности в ней заложены и как они соотносятся с представлением России о своей внешнеполитической миссии.

Ответы нужно искать в свете всё той же варшавской речи Трампа, а именно: была ли она произнесена с целью понравиться Польше или отражала ценностную программу президента? В первом случае отношения между Россией и Америкой будут развиваться в русле избегания друг друга, во втором – в русле взаимодействия.

Начнем с первого варианта.

Путин–Трамп.

Вариант первый: избегание

Еще в июне некое подобие концепции российско-американских отношений попытался придумать госсекретарь Рекс Тиллерсон. Она проста: в обмен на улучшение отношений Америки с Россией от последней потребуются не «проявлять агрессии» к Америке (то есть не действовать вопреки ей), взаимодействовать по принципиальным мировым вопросам (помогать Америке) и добиваться «стратегической стабильности» (сокращать вооружения). Трудно представить, чтобы эта повестка вот так с ходу показалась бы России соблазнительной.

Сейчас Россия ведет без оглядки на кого-либо свою линию – так, как считает правильным. Поддерживает тех, кого хочет поддерживать, не ставя себя в зависимость от того, кто друг Америке,

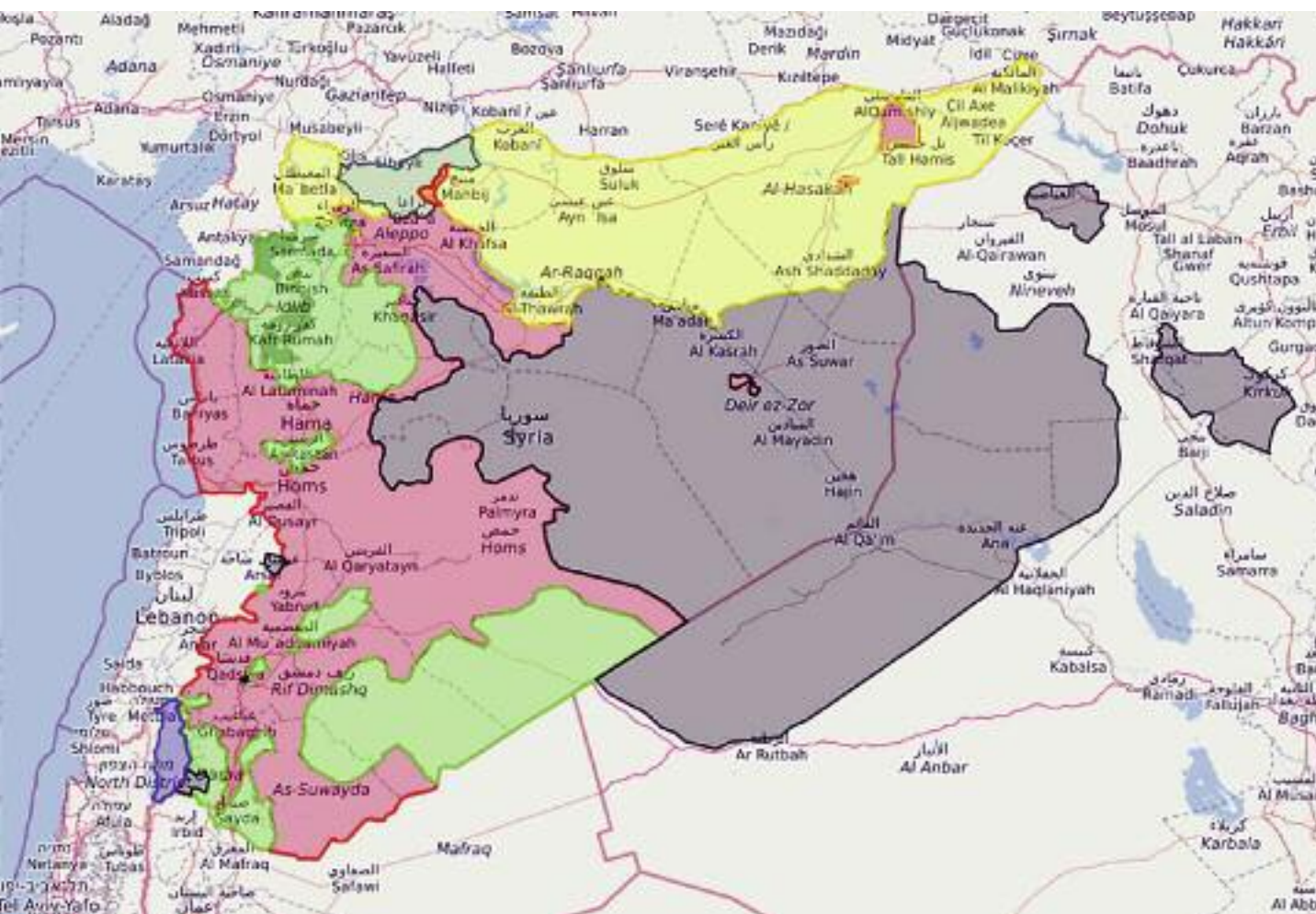
Трамп, по сути, изоляционист, который, похоже, хочет, чтобы активность Америки на внешней арене была сведена к минимуму, а держава занималась бы собственным развитием, оказывая влияние на мир не жандармской ролью, не внешним навязыванием своих ценностей, а своим очевидным для всех могуществом и величием

а кто не очень. Даже наоборот – больше стремится уделять внимание тем, кто конфликтует с Америкой. Даже талибам, не говоря уже об Асаде, который в российских глазах полностью легитимен. Без Америки с Ираном и Турцией устанавливает в Сирии свой порядок, определяя, кто какие зоны будет контролировать. (Америке три союзницы выделили тоже подконтрольную зону – окрестности Дераа, – из чувства справедливости, что ли?) Россия, конечно, не против с Америкой взаимодействовать, но со своих позиций. Хлебнув свободы и реализуя себя на внешнеполитической арене, Москве неинтересно ограничивать себя помощью Вашингтону. Да и вопрос о стратегическом разоружении не является для России бесспорным. За что же она должна идти на уступки Америке? Поэтому в ответ на условия со стороны Америки Рос-

сия по логике имеет право выставить свои условия. Но интересно ли будет обеим державам вести «обусловленную» политику и приемлемо ли для каждой из них ограничивать себя ради требований другой? А значит, остается терпеть друг друга и стараться не наступать друг другу на больные мозоли.

Никакой такой идеи, которая легла бы в основу совместной политики двух держав, в арсенале России не проглядывается. Она занята собственным становлением, сосредоточена на себе.

А Америка? Действия Трампа по отношению к России были и остаются хаотичными – не только в результате оказываемого на него давления, но и сами по себе. Однако предвыборная кампания Трампа показала, что, как минимум, одна внешнеполитическая концепция у него есть. Как казалось до недавнего времени, она ➔

Правительственные
и проправительственные силы

Повстанцы

Хайат Тахрир аш-Шам

Исламское государство

Курды

Голанские высоты,
контролируемые Израилем

Группы повстанцев и турецкие
войска на севере Сирии

Соглашение по Сирии, по всей видимости, включает не только прекращение военных действий, но и разграничение Сирии на зоны безопасности, признание присутствия в Сирии российских войск, в том числе и военной полиции в зонах перемирия, сотрудничество между Россией и США на протяжении всего периода сирийского урегулирования

→ состоит в том, чтобы другие страны как можно меньше мешали Америке жить своей жизнью. В связи с варшавской речью Трампа можно предположить, что какая-то позитивная идея – вряд ли программа – у него может быть, но пока она выражается

только на словах и без привязки к конкретным политическим действиям. Трамп, по сути, изоляционист, который, похоже, хочет, чтобы активность Америки на внешней арене была сведена к минимуму, а держава занималась бы собственным развитием, ока-

зывая влияние на мир не жан-дармской ролью, не внешним навязыванием своих ценностей, а своим очевидным для всех могуществом и величием. А потому и от России Трамп хочет, чтобы связанные с ней проблемы меньше ему докучали. Легче всего для этого, как он говорит, «поладить» с Путиным. Именно «поладить» – не выстраивать отношения, не сотрудничать, а просто не конфликтовать, не прибавлять себе лишних забот. В этом духе, по сути, выдержаны и предложения Тиллерсона: от России требуется, чтобы она была бесконфликтной, удобной для США, не путалась под ногами, а в остальном делала что ей угодно. (Но окажется ли последнее возможным?)

Россию такая повестка не устраивает. Она еще надеется, что с Трампом возможно будет строить «равноправный диалог». Не исключено, что Трамп и не будет страдать манией величия и стремиться показать свое превосходство, но вот диалога с ним может не получиться. Пока, во всяком случае, ему Россия и диалог с ней по сути безразличны. Вот он встретился с Путиным, отозвался в своем твиттере, что встреча была потрясающей, и... кажется, забыл о ней. Какие-то конкретные договоренности достигнуты, Трамп будет их выполнять или не будет. Но выстраивание содержательных, выходящих за злободневные нужды – а именно, на решение задач по урегулированию тех проблемных ситуаций, которые отвлекают внимание Америки от ее внутренних проблем, то есть Сирии и Украины, – отношений с Россией ему просто неинтересно. Пока неинтересно – а там посмотрим.

Но надо понять, что, возможно, эта установка Трампа для нас оптимальная. Может быть, стоит Трампу порой подыгрывать, не вызывая его хаотичных и неуравновешенных действий и не провоцируя конфликта. И делать то, что для нас необходимо, стараясь поменьше задевать локтями Америку. Трамп – и это его несомненное достоинство – не будет стремиться нас подавить, подчинить себе. Надо просто стараться спускать всё на тормозах. В конце концов, нам нужно от Трампа то же, что ему нужно от нас, – не мешать, дать нам возможность обрести свою собственную миссию и мирно сосуществовать.

С этой точки зрения надо посмотреть на июньские предложения Тиллерсона как на предложения мирно сосуществовать каждому самому по себе, надеяться и ожидать от Америки лишь то, что и она не будет раздувать конфликты, не будет вести себя агрессивно, а станет мирно участвовать в урегулировании мировых проблем, поскольку они ей мешают. Нет, мы не можем смотреть на вещи так же, как Америка Трампа, – нам до всего есть дело. Но надо как-то вести свои дела иначе, ведь мы в мире не единствен-

Трамп решил закрыть программу ЦРУ по вооружению и военной поддержке так называемой умеренной оппозиции Сирии, противостоящей правительственной армии. По утверждению The Washington Post, постепенное сворачивание программы отражает заинтересованность Трампа в поиске способов работы с Россией, которая рассматривала антиасадовскую программу как атаку на ее интересы

ные. И копить потенциал, чтобы когда-то заложить весомые основы для сотрудничества с Америкой, так как мы друг для друга данность.

Не нужно с ходу отвергать предложения Тиллерсона, постараемся их приспособить к себе. Потому что самое важное, что нужно сделать сейчас, – не провоцировать конфликты всё дальше и дальше, приспустить всё же удила. У Трампа пока его политика плохо получается – надо ему помочь, а не провоцировать. Главное в этот период конфронтации – не допустить необратимых действий. А там – при нашей мудрости и с Божьей помощью – всё уляжется. Возникнет модель сосуществования. Да, мы, может быть, хотим более содержательных, осмысленных отношений, Америка для нас остается «значимым другим». Но надо понять, что дружбы не

будет. Америка не будет нас понимать и ценить. Но насильно мил не будешь. Мы хотели независимости в политике? Мы при Трампе можем ее сполна достичь. И уже наше дело, как ей распорядиться.

Договоренности между Путиным и Трампом: пока войны не будет

Это общий фон. Теперь о договоренностях. Их две или три. Первая касается создания рабочей группы по кибербезопасности, вторая – по перемирию в Сирии, а третья – может быть, по Украине.

С первой уже всё ясно, Трамп «передумал». «Перед лицом тотальной оппозиции совместной группе по кибербезопасности Трамп дал задний ход. Действует под огромным прессингом. Не его вина, а беда», – написал российский сенатор Алексей Пушков в своем микроблоге.

Европа, которая должна стать нашим союзником в борьбе с распространением постхристианской идеологии, – это та Европа, которая исторически нам наиболее враждебна. И даже против общего врага мы не объединимся. Удача, если мы сможем сотрудничать в этом с американским президентом, а он сыграет роль связующего звена. Как христианин он себя до сих пор не позиционировал

→ Соглашение по Сирии, похоже, более объемное и глубокое, чем просто заявленное перемирие. Оно, по всей видимости, включает не только прекращение военных действий, но и разграничение Сирии на зоны безопасности (вероятно, даже так, как они определены в ходе переговоров в Астане), признание присутствия в Сирии российских войск, в том числе и военной полиции в зонах перемирия, сотрудничество между Россией и США на протяжении всего периода сирийского урегулирования. Америка при этом отказывается от идеи смещения Асада. Возможно, США стремятся вообще покинуть Сирию, поскольку вскоре после встречи Путина и Трампа последний решил закрыть программу ЦРУ по вооружению и военной поддержке так называемой умеренной оппозиции Сирии, противостоящей правительственной армии. По утвержде-

нию The Washington Post, постепенное сворачивание программы отражает заинтересованность Трампа в поиске способов работы с Россией, которая рассматривала антиасадовскую программу как атаку на ее интересы. Газета полагает, что такое решение Трампа является подтверждением того, что Белый дом ограничивает использование своих рычагов и отказывается от желания устранить Асада от власти. The Washington Post выражает свое недовольство решением Трампа, который, как считает газета, тем самым пошел на уступки России. «Это решение имеет важное значение. Путин победил в Сирии», – цитирует газета одного из представителей администрации.

Это очень важное достижение. В июне казалось, что ситуация уже пошла вразнос. Судите сами. В середине июня американцы сбивают сирийской самолет – рос-

сияне обещают впредь брать на прицел каждый американский летающий объект – американцы боятся нарушить границу по Евфрату, безапелляционно определенную им русскими, но грозятся принять какие-то таинственные ответные меры. В Вашингтоне одновременно намереваются смягчить – а то и вовсе заморозить до наступления каникул – новый пакет санкций против России, которые намерен принять американский Конгресс. И вдруг – тут же, через несколько часов – Белый дом сам провозглашает принятие дополнительных санкций, правда, не слишком радикальных и не меняющих сути проблемы. Россия реагирует очень резко – прерывает дипломатические консультации, начатые в результате апрельских договоренностей между Лавровым и Тиллерсоном. Стороны обмениваются заявлениями, что к встрече на высшем уровне 7-8 июля в Гамбурге и не думают готовиться.

Кажется, что остается только молиться, потому что порой возникает сомнение в благоразумии сторон. Ни русские, ни американцы очевидно не боятся открытого столкновения. И если Тиллерсон заявил походя, что дело к столкновению в Сирии не идет, то скорее всего только для того, чтобы успокоить другие страны, которые, как он рассказывал, хором просят его наладить отношения с Россией, поскольку они ощущают опасность, проистекающую из нынешних американско-российских отношений. А сами эти две державы, казалось, закусали удила. И то правда! России отступать некуда, она борется за сам свой статус самостоятельной страны, а Америку, как будто не имеющую твердого рулевого, ветер швыряет из стороны в сторону.

Вопрос о Сирии, где могли столкнуться в небе российские и американские самолеты, – это был вопрос о большой войне. И вот эта опасность на сегодняшний день, кажется, устранена.

Сотрудничество России и Америки в Сирии не означает установку на содержательное сотрудничество вообще. Трамп выходит из непринципиального для него кон-

фликта, который ему мешает и который становится всё более опасным. Он просто сбрасывает на следствие предыдущего президентства ради того, чтобы Америка смогла заняться собой, ради своего изоляционизма.

Но опасное поле между Россией и Америкой еще осталось – это Украина. Тем более, что Пентагон в середине июля заявил о грядущих поставках на Украину летального оборонительного оружия. Само решение, по сообщению Пентагона, уже вопроса не вызывает, обсуждаются-де только конкретные детали: что именно и в каких количествах будет поставаться. Неизвестно, как к этому относится Трамп. На перспективу поставок летального оружия, которые тогда тоже лоббировали Пентагон и Сенат с Конгрессом, в свое время очень негативно реагировал Обама и блокировал их. Сможет ли блокировать и Трамп?

По Украине, по словам Сергея Лаврова, было «условлено создать канал между представителем РФ и американским представителем для того, чтобы использовать эту возможность для продвижения урегулирования на основе Минских договоренностей с учетом потенциала контактной группы и нормандского формата». После встречи Путина с Трампом было объявлено, что последний назначит спецпосланника по Украине, который, поработав на Украине, приедет для обсуждения проблем в Москву. То есть всё-таки Америка непосредственно, помимо формата «Нормандской четверки», вмешается в разрешение украинского конфликта. Больше ни о каких договоренностях не сообщалось. Известно, что спецпосланником назначен бывший американский постоянный представитель при НАТО, бывший аналитик ЦРУ Курт Волкер, которого называют лоббистом Украины. Волкер уже сделал жесткое заявление в адрес России, что с ней надо, дескать, действовать решительно, рассчитывая на то, что она испугается. Но по сути – независимо от собственных взглядов – Волкер будет действовать так, как ему укажет его президент. А тому должно быть ясно, что когда речь

Замкнуться в своем мире у нас уже и не получится, Америка постоянно будет нас провоцировать, борясь с нами как с одним из проявлений мирового зла. Поскольку, если мы не откроем себя в качестве сотрудников, мы будем ошибочно восприниматься как враги традиционных европейских ценностей

идет о независимости России, она не пугается. Ясно ли? Есть мнение, что последние действия по Украине и Донбассу, в том числе проект украинизации конфликта (проект Малороссии), стали следстви-

ем некоего секретно плана двух президентов.

Вряд ли это так. Слишком сложная многоходовка получается. Она уже пахнет совместной внешнеполитической игрой. ➔

→ А вот ее-то как раз у России с Америкой нет. Надо полагать, если бы Трамп не боялся своих политических критиков внутри страны, то он пошел бы на уступки Путину и на Украине – просто чтобы избавиться от еще одного конфликта. И больше не обращать на Россию внимания. Думаю, это и имел в виду Путин, когда сказал по итогам переговоров с Трампом, что у него сложилось впечатление, что Россия «хотя бы частично» сможет установить с США такие отношения, какие ей нужны. Кроме того, российский президент посчитал, что «личные взаимоотношения» между ним и его американским коллегой «установлены». И добавил: «Не знаю, как это прозвучит, но скажу так, как я это вижу: Трамп телевизионный очень сильно отличается от реального человека».

Итак, Трамп – изоляционист и хочет свести свою вовлеченность во внешнюю политику к минимуму, чтобы сосредоточиться на экономическом развитии Америки и реформах ее внутренней жизни. Так и только так, если рассматривать встречу Путина и Трампа вне варшавской речи последнего. Поскольку эта речь задает определенные внешнеполитические ценности, которые Трамп может попытаться воплотить в практической политике.

Путин–Трамп. Вариант второй: взаимодействие на основе ценностей

Неясно, является ли варшавская речь Трампа программной. Очень вероятно, что нет. Вероятно, Трампу просто захотелось от души высказаться. Ведь в избирательной программе Трампа не было и намека на активную внешнюю политику. Но нам нужно суметь рассмотреть и вариант, где активная, основанная на ценностях внешняя политика Трампа возможна. Хотя бы потому, что

либералы достали Трампа и он решил дать им бой.

Ситуация эта для России – сложная. В случае опоры Трампа на ценности могут растаять надежды, что Америка отступится в

Ни мы, ни Китай не созданы для того, чтобы играть в команде. Поэтому экзальтированные отношения к Китаю неуместны, приписывание ему онтологического статуса в нашей политической картине мира – фатальная ошибка. По отношению к нему необходимы строгое соблюдение внешнеполитической субъектности, ощущение собственной ценности как державы, безэмоциональность и даже хладнокровие

украинском вопросе. В этом случае она стала бы действовать с оглядкой на Польшу как своего, может быть, главного союзника. Да и вообще России предстоит разуверить Трампа в том, что она наряду с либералами и мусульманским миром представляет опасность для европейской цивилизации. Нам, скажем, очевидно, что это не так, но Трампу надо это доказать. Возможно, он поймет, но не сразу. Полякам же мы этого никогда не докажем, и не стоит пытаться. Продолжим защищать

свою позицию по Украине и Донбассу, не ожидая понимания на мировой арене, и между делом входить в конфронтации с поляками, поскольку те порой агрессивны. Но при этом надо искать способ сотрудничать в борьбе за те ценности, которые у нас общие. Потому что против них весь либеральный мир.

Трагедия здесь в том, что Европа, которая должна стать нашим союзником в борьбе с распространением постхристианской идеологии, – это та Европа, которая исторически нам наиболее враждебна. И даже против общего врага мы не объединимся. Удача, если мы сможем сотрудничать в этом с американским президен-

том, а он сыграет роль связующего звена. Как христианин он себя до сих пор не позиционировал. Но он, похоже, человек доброй воли, и нам с ним может быть по пути. Выбрал для опоры он тех, кто лежал на поверхности, – польских католиков, которые подвергаются в Европе таким же гонениям, каким он сам в Америке. Именно польских, поскольку в Ватикане сильно гомосексуальное лобби и папа Франциск порой делает двусмысленные заявления, которые не приветствуются в Польше. В Польше сильны католические фундаменталисты.

Сотрудничество с Америкой Трампа может проистекать на фоне борьбы наших политических интересов против активной в этом случае американской внешней политики. Тогда Америка уже не скинет просто все конфликтные внешнеполитические ситуации как мешающий груз, она будет иметь положительную программу их разрешения, которая также будет требовать активной программы и от нас. Бороться за свои интересы и при этом постоянно напряженно взаимодействовать с Америкой. И в Сирии, в борьбе с исламским фундаментализмом, и в Европе, в борьбе с

либеральным фундаментализмом. Да, либерализм превратился уже в фундаментализм – агрессивный и подавляющий всё живое.

Возможен ли вариант, когда Трамп вознамерится вести активную внешнюю политику, а мы пожелаем замкнуться в себе, отстаивать только свои непосредственные политические интересы? Во-первых, избегая такого сотрудничества, мы откажемся от осмысления своей внешней политики, от того, что Случай – который, как известно, является псевдонимом Бога – посылает нам как реальную политическую миссию. А во-вторых, замкнуться в своем мире у нас уже и не получится, Америка постоянно будет нас провоцировать, борясь с нами как с одним из проявлений мирового зла. Поскольку, если мы не откроем себя в качестве сотрудников, мы будем ошибочно восприниматься как враги традиционных европейских ценностей. Трамп не будет читать Достоевского о том, что русские – последние европейцы, он будет слушать польских католиков, для которых мы извечные соперники.

Вот так, балансируя на грани сотрудничества-соперничества, мы должны будем вести свою внешнюю политику – не по накатанной, а осмысливая каждый свой шаг, соизмеряя его с реальными условиями и реакциями тех сил, с которыми мы сочтем нужным сотрудничать. Инициативу мы уже проявляли и проявляем, поддерживая, например, на выборах во Франции Ле Пен, пусть пока и проигравшую, или другие национально ориентированные силы в остальных европейских странах.

России близка яркая, пестрая, разнообразная Европа, Европа традиционных национальных культур, которую мы всегда соотносили с собой, которая была для нас «значимым другим», к культуре которой мы всегда апеллировали и которую уничтожает, нивелирует, искажает либеральный европейский проект.

Пути на Восток нет

Перед саммитом «двадцатки» Владимир Путин укрепил свою позицию в глазах мира удачными переговорами с китайским лиде-

ром Си Цзиньпином. Но о повороте России на Восток уже речь не идет. Не только потому, что Китай осторожничает в слишком тесном сближении с Россией. Но и потому, что это по сути своей не наш путь.

Основное, что нас связывает с Китаем, – это стремление к независимости и самобытности, проведению ярко индивидуальной внешней политики. Но это же и разделяет, ибо ни мы, ни они не поступимся ради друг друга и долей своей самостоятельности. Ни мы, ни Китай не созданы для того, чтобы играть в команде. Поэтому экзальтированные отношения к Китаю неуместны, приписывание ему онтологического статуса в нашей политической картине мира – фатальная ошибка. По отношению к нему необходимы строгое соблюдение внешнеполитической субъектности, ощущение собственной ценности как державы, безэмоциональность и даже хладнокровие. Перенесение образа защитника на Китай очень опасно, образ друга в восточном партнерстве проблематичен. Дружба идет из западной ментальности. Идеологема нашего защитника к Востоку неприменима, она тут для нас оксюморон, как это ни печально может показаться некоторым. Поэтому иные нынешние тенденции в российской политике и тем более в массовом сознании настораживают.

Это – перенесение на восточную арену образов западной политической мифологии. Сюда же относится представление о неких ценностных пересечениях, необходимых для дружбы. С Востоком их нет, ибо наши страны – непересекающиеся культурно-религиозные миры и всегда останутся друг другу чужеродными. Довольно того, что на внешнеполитической арене наши ментальные системы имеют преломление в чем-то схожее и дающее возможность взаимодействовать. Это западную цивилизацию мы переживаем как свою, любим и ненавидим, видим ее взлеты и падения, кожей ощущаем ее нынешнюю извращенность. На Востоке мы имеем дело с чужим, с которым нам нет нужды соприкасаться.

Обращаясь всерьез к восточно-

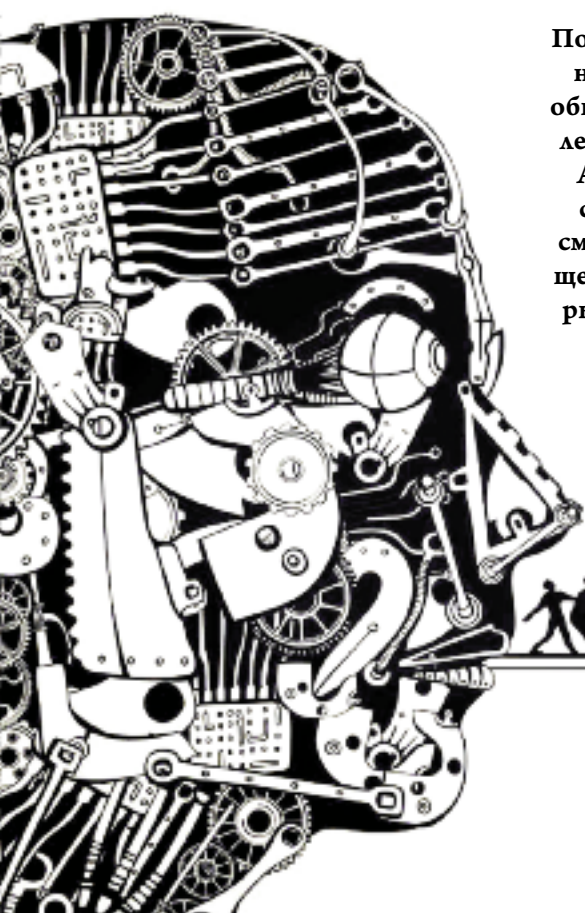
му партнерству, мы должны тщательно продумать внешнеполитический образ себя, понять модели коммуникации, новые для нас, бывшие неактуальными, когда мы взаимодействовали с Западом. А более правильно было бы найти в себе и взрастить внутренние альтернативы, которые отвечают восточному партнерству и которые впоследствии могут оказаться плодотворными и при западном партнерстве, к которому мы, несомненно, вернемся. Из всего надо извлекать урок.

Да, этот урок должен быть приложен к возрожденному западному партнерству. Потому что сколь бы прочное партнерство мы ни установили на Востоке, мы будем эмоционально всегда соотносить себя с Западом и тосковать по союзничеству с ним. Запад является для нас референтной группой, «значимым другим».

Не получилось романа с Китаем – вышло только прагматичное сотрудничество. И слава богу! Но вот мы снова остались один на один с Западом. Но прежнего Запада больше нет, его заменяет либеральный проект. И, возможно, наша задача помочь ему не скатиться в бездну антихристовой нивелирующей и содомитской цивилизации. Тем более, если Америка Трампа тут будет на нашей стороне.

Мы должны почувствовать особость своей православной цивилизации. И это откорректирует нашу позицию по отношению к Западу. Сделает ее более точной и адекватной, более отстраненной и менее страстной. Заставит лучше осознавать себя и свою идентичность. Но мы будем бороться против античеловеческого либерального европейского проекта вместе с людьми доброй воли в Европе и Америке.

А с Меркель, хотя бы она и была умелым политиком, да с Макроном, хотя бы у него и были светлые идеи, нам строить серьезные отношения бессмысленно. У нас нет ценностных пересечений. Они с нами холодны и строги – ну да и ладно. Нам с ними не по дороге. И прошедшая встреча «двадцатки» это еще раз показала. Традиционная Европа и традиционная Америка нам ближе. **Ф**

Подлинной коммуникации свойственна доброжелательная готовность к общению ради формирования определенного отношения к своему визави.

А им может быть не только живой современник. Таким визави будет смысловое содержание, ранее воплощенное в каждом достижении культуры – в живописи, в музыке и в музыкальном исполнительстве, в архитектуре, в актерской игре, в танце, в литературе и в звучащем человеческом слове

КОММУНИКАЦИЯ И ИНФОРМАЦИЯ – антропологическая диалектика начала XXI века

В наши дни, когда многие ключевые слова попадают в некий труднообъяснимый, но вместе с тем очевидно доминирующий дискурсивный тренд, с ними происходит нечто непредсказуемое. Они утрачивают свои изначальные и, собственно, единственно точные смысловые значения и начинают описывать нечто другое. Это другое быстро узаконивается как их единственно возможное и непрерываемо общепринятое толкование. Именно такую злую шутку сыграла наша информационная – или теперь уже постинформационная – реальность с понятием «коммуникация». Сейчас оно характеризует практически любой контакт и более того – контакт скользкий, прикладной, особо не нагруженный ни чувствами, ни эмоциями.

Виктор Михайлович Немчинов – директор Музея исторического сознания, руководитель международной исследовательско-образовательной платформы «Диаверситет», старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук

Формальный подход заметен и в постмодернистских теориях, где основные термины «отправитель» и «получатель» выхолащивают как смысл диалога, так и личностное содержание коммуникации. Между тем было бы интересно поразмышлять над этим важным словом, над его исконными значениями, а то и дерзновенно попытаться вернуть ему некоторые из его подзабытых лексических коннотаций.

Сразу необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что коммуникация никоим образом не сводится к всего лишь контакту, не исчерпывается им. Перед нами не просто активированная обратная связь – сигнал-реакция. Это и не обезличенный поверхностный акт некоего взаимного обмена, который нам зачастую кажется информацией, а на деле представляет собой ритуал. Ча-

стично в нашей жизни и в животном мире – там, где важен хищнический принцип выживания сильнейшего, – действительно активно работают сигналы ненападения или агрессии, чаще всего символической, для защиты своей территории, равно как и для посягательства на новое место под солнцем. Угрожающие позы, игра мускулами, все формы маскировки и обмана давно входят в лексикон с детства знакомых фольклорных персонажей. Но это примитивный ритуальный язык жестов и угроз глубочайшей архаики. Культура человеческого общежития как в отдельной семье, так и на общем планетарном уровне предписывает совсем другое – необходимость прогнозировать свое поведение так, чтобы уметь избегать любого подобного агрессивного контакта, не обманывая самих себя, что это, возможно, будет коммуникация. Ее точно не будет.

К счастью, существует противоположный принцип – принцип

возможность подлинной коммуникации, которой свойственна доброжелательная готовность к общению ради формирования определенного отношения к своему визави. А им, кстати, может быть не только твой живой современник. Таким визави будет смысловое содержание, ранее воплощенное в каждом достижении культуры – в живописи, в музыке и в музыкальном исполнительстве, в архитектуре, в актерской игре, в танце, в литературе и в звучащем че-

ция. То есть процесс нахождения из синкретических отдельных смысловых фрагментов диалога какой-то общей привязки всего, что позволяет отнести стороны, вошедшие в коммуникацию, к общему культурному пространству – пусть хотя бы и казуальному, случайному, временному. Если эстетическое, эмоционально-интеллектуальное сцепление происходит, то у каждого из собеседников включается свой внутренний ментальный диалог. Значит, и по за-

Культурное процветание становится возможным тогда, когда в результате изнуряющего противостояния ослабевают принуждающие силы церкви и государства. Живоносные родники культуры проистекают из глубинных вибраций человеческой души, и эта одухотворенная информация перестает быть личным и преходящим и становится «символически выразительным и бессмертным»

Тинторетто. Коронация Девы Марии, или Рай. 1579–1582 годы

солидарности и сопереживания, как выяснилось современными специалистами, широко распространенный в животном мире нашей планеты. Действует он в форме диалога и в цивилизованном человеческом сообществе, не признающем границ для проявления человечности, присущей духовно наполненной личности. Именно на этом уровне и возникает воз-

ловеческом слове. Однако активная готовность нашего восприятия выражает лишь начальный – оболочечный – уровень общения.

Для коммуникации обязательно соосмысление, проникновение, погружение на более глубокий уровень. Здесь возникает то, что можно обозначить как культурную контекстуализацию того, с кем выстраивается коммуника-

вершении встречи коммуникация не обрывается, а продолжает «звучать», обогащается приращением цепочек качественной сложности. В результате происходит постепенное осмысление, а иногда вспыхивает столь нечастое в наше время озарение. Во всех случаях целью коммуникации является то, что древние эллины обозначали словом «метанойя», ➔

→ а мы по аналогии определяем цель человеческой коммуникации – возрастание личности. Происходящее при этом расширение поля культурности есть, пожалуй, единственное надежное средство отхода от вечно грозящего современному социуму нового впадения в дикость.

Следующий принципиальный вопрос, который здесь надо прояснить, – это сложный и неоднозначный характер взаимоотношений коммуникации и информации. С одной стороны, казалось бы, если воспринимать коммуникацию как нечто большее, нежели элементарный информационный обмен между теми, кто контактирует друг с другом, то оба этих по-

Подлинной коммуникация становится лишь тогда, когда она оказывается взаимно интересной, требующей нетрафаретных усилий от всех ее участников. Именно такую коммуникацию я называю диалогом. Находящиеся в подобной коммуникации становятся не просто потребителями эмоций, ощущений, красиво упакованной медийной продукции, но в подлинном смысле слова творцами самих себя. То есть настоящая, а не имитационная коммуникация всегда в чем-то демиургична

нятия можно было бы воспринимать в противопоставлении или хотя бы допустить возможность крайних случаев, когда там, где присутствует коммуникация, нет голого информационного обмена – и, соответственно, наоборот. Но с другой стороны, и информацию нельзя воспринимать чересчур уж механистически – как всё более интенсивный взаимный обмен кило-, мега-, терабайтами данных. Тем более что такая чистая, дистиллированная, автоматически снимаемая и накапливаемая информация хотя и собирается, но в принципе уже не может

быть существенной для непосредственного осознания. Она механически просеивается, автоматически сортируется и обрабатывается в режиме онлайн-мониторинга. Можно спорить о том, было ли такое вообще когда-либо прежде. В наш медийный, пронизанный высокотехнологическими манипуляциями век любое облако гигантских накопленных комплексов байтов может жить, как нам кажется, вечно, но исключительно при бесперебойном наличии электричества. Без него всё оцифрованное культурное наследие в принципе исчезнет и потому, по сути, не может претендовать на статус данных, а тем более информации, которая по определению должна быть возрастающей и, главное, неуничтожаемой. Сегодня таких гарантий никто дать не может, и это повышает потенциальную ценность многих других хорошо зарекомендовавших своей долговечностью культурных носителей информации

В прочно захватившем нас высокотехнологичном мире онлайн этот самый онлайн используется не для держания руки на информационном пульсе сложной и многоцветной картины мира, а напротив – для получения некоего суррогата, позволяющего уютно закукливаться в своем персональном одиноком мирке и надежно защищаться от какой бы то ни было реальной, подлинной информации

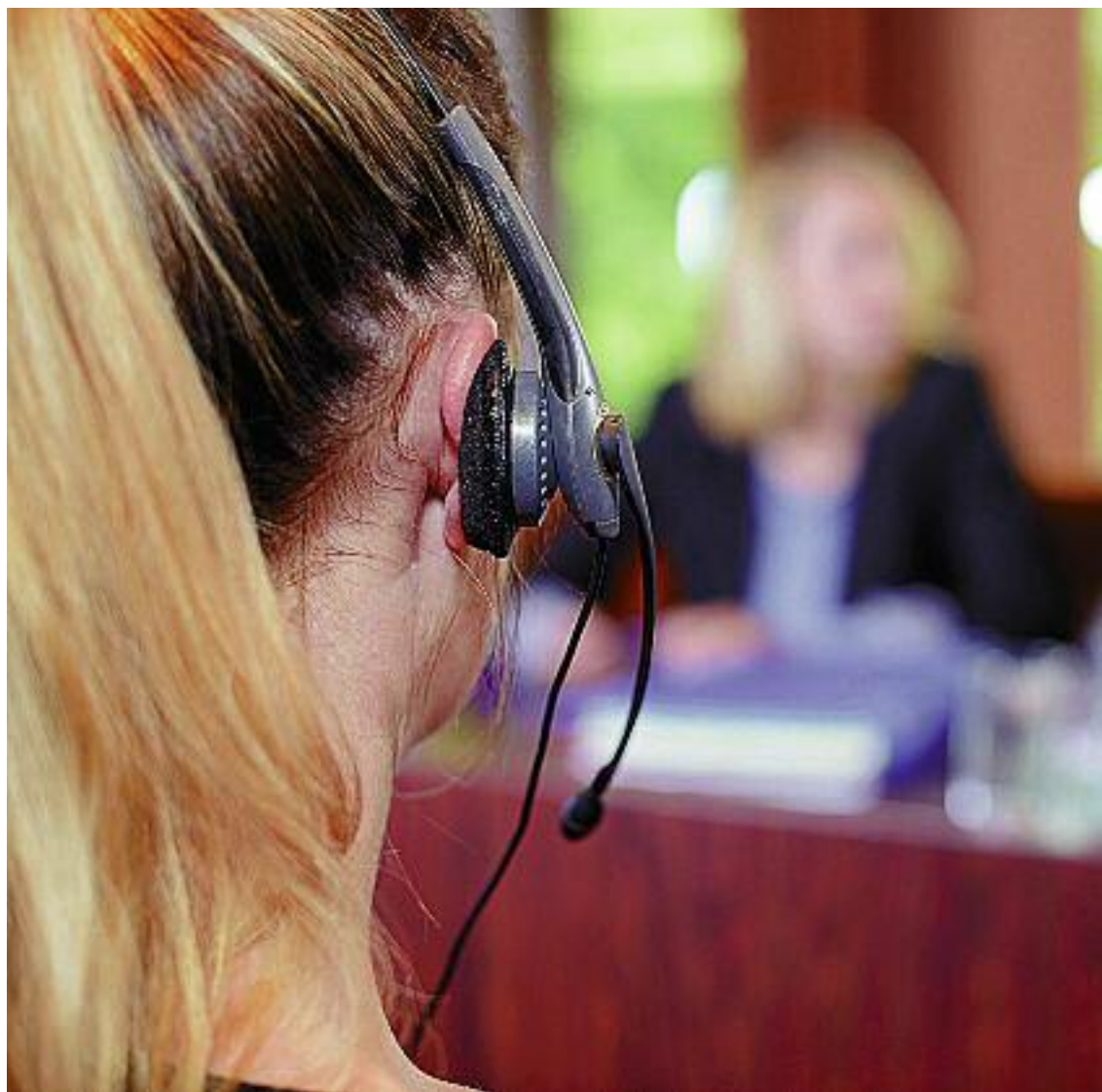
начиная с «терпеливой» бумаги и кончая передаваемым из поколения в поколение устным сказительством.

Как показал на примере итальянского Ренессанса Якоб Буркхардт: культурное процветание становится возможным тогда, когда в результате изнуряющего противостояния ослабевают принуждающие силы церкви и государства. Живоносные родники культуры проистекают из глубинных

вибраций человеческой души, и эта одухотворенная информация перестает быть личным и преходящим и становится «символически выразительным и бессмертным», в чем можно было недавно еще раз лично убедиться при посещении выставочного проекта «Венеция Ренессанса. Тициан, Тинторетто, Веронезе». В этом смысле становится понятно, почему оказывается полезной, ценной и оберегаемой лишь эмоционально окра- ➔

→ шенная информация. Она тяготеет к идеалу второго – культурного – творения, которое, освобождаясь от индивидуальной временности, обладает «мирским бессмертием и становится языком для всех наций».

Поэтому живя в эпоху преобладающей культуры потребления, мы постоянно вынуждены сталкиваться с огромным потоком подмен, с морем всевозможных информационных симулякров начиная с бесконечной череды новостных лент и кончая непрерывными пульсациями вездесущей назойливой рекламы. Всевозрастающее личное потребление – неустраняемая черта современной цивилизации. Мы не можем избежать ее информационного фона (разве что бегством к уединению на природе, но и тут мы не остаемся вполне самодостаточными). Этот бушующий информационный фон нужен человеку, пока он повседневно живет в социуме, для уточнения правильности формируемой каждодневно индивидуальной картины мира. Но фон этот оказывается «генно-модифицированным». Информация, обработанная пиаром, будет мимикрировать под эмоционально окрашенный и содержательно декорированный сложными смысловыми оттенками фон коммуникации. Где тут заканчивается замаскированная таким образом информация и где начинается реальная коммуникация, понять чрезвычайно трудно. Подчас совсем даже невозможно. Еще более сложно разобраться непосредственно с самой свежей информацией: где заканчивается просто новостной шум, и где начинаются сведения действительно серьезные, осмысленные, насущно необходимые? Один из рецептов был предложен Михаилом Жванецким, который

В мгновения интенсивного общения участники разговора становятся чем-то похожими на переводчиков-синхронистов. Ведь синхронный перевод – это умение в каждое неуловимое мгновение просканировать собеседника, которого надо коммуникативно вобрать в себя, войти в привычный для него язык, прочувствовать его внутренний мир, глубоко понять смысл и содержание его сообщения, тут же оформить это понимание на своем языке – и при этом не упустить, что уже было тобой сказано ранее в переводе.

предлагал читать газеты и просматривать сетевые ленты, как минимум, трехдневной давности для того, чтобы задним числом легко отделять содержательную информацию от привязанной к неинформации одуряющей эмоциональной экзальтированности. Действительно, так проще отделять

информационные зерна от информационных плевел. Однако и с социальными шумами не всё так просто и однозначно. За них человеческое сознание принимает не только мультимедийную трескотню, но и вообще любые данные, которые оно неспособно дифференцированно в себя воб-

рать – из-за неподготовленности, из-за усталости или отвлечения на какие-то другие параллельно уводящие в сторону темы. Наше повседневное сознание в этом состоянии работает вполнакала, в энергосберегающем режиме, и тогда мы живем, как бы не ощущая своей жизни. Когда проходящие через наши органы чувств данные не оприходованы сознанием, они воспринимаются только как шум, а в информацию они начинают превращаться лишь тогда, когда мы наделяем их смыслами.

Пожалуй, наиболее очевидный индикатор настоящей коммуникации, предполагающей заинтересованный диалог на языке серьезной культуры, – это насыщенный характер ее протекания. Насыщенный – значит скорее сложный, чем простой или примитивный. Сложный не потому, что трудный, а в том смысле, что для осуществ-

ления коммуникации необходимо задействовать весь свой ранее накопленный опыт. Приходится активизировать работу сознания, прилагать некие – подчас даже немалые – эмоциональные усилия, требующиеся для подъема общения на определенный интеллектуальный уровень. Иными словами, подлинная коммуникация становится лишь тогда, когда она оказывается взаимно интересной, требующей нетрафаретных усилий от всех ее участников. Именно такую коммуникацию я называю диалогом. Находящиеся в подобной коммуникации становятся не просто потребителями эмоций, ощущений, красиво упакованной медийной продукции, но в подлинном смысле слова творцами самих себя. То есть настоящая, а не имитационная коммуникация всегда в чем-то демиургична. Именно демиургична, а не креативна, поскольку креативность работает на низких частотах формулирования потребительских потребностей, а демиургичность непременно подразумевает необходимость сотворения в общении чего-то качественно нового, никогда прежде не бывшего.

Правомерно поставить вопрос: что интересует участников коммуникации, что вообще такое для них интерес, в чем он состоит? Для ответа на этот вопрос разберемся сначала с тем, чем заинтересовывает, чем нас «цепляет» предложенный в данной статье антипод коммуникации – информация. Рискнем сделать парадоксальное, на первый взгляд, утверждение: в пространстве информации, в том ценностном мире, который креативно тиражируется нынешней мультимедийной реальностью и ее производителями, потребитель озабочен вовсе не приобретением чего-то нового, неизведанного. Он вовсе не этого хочет – а ищет он неким чуть ли не тактильным, циклически повторяющимся, полусознательным опознанием привычных для себя маркеров его персонального пространства для подтверждения реальности собственного существования. Проснувшись – и пробежался по знакомым информационным сайтам с четко оформленной на подсознатель-

ном уровне заявкой на определенного рода комплексное «меню». «Блюда» этого меню всегда одни и те же – разнятся лишь «приправы», «вкусовые оттенки», «подсластители», «подкислители»: именно эти психологические «пищевые добавки» и создают впечатление искомого жизненного разнообразия. А само «меню» обычно всегда стандартное – несколько зарубежных ужасов, столько-то скандалов, столько-то сетований на тему «снова воруют», столько-то катастроф, столько-то спорта, курортной информации и непременно ожидаемой каверзы от погоды в ряду прочей информационной обыденности. И не дай бог каких-то непривычных локальных новостей: адреналина-то они, конечно, придадут, но вот из повседневной потребительской колеи вышибут гарантированно. То же самое и с перескакиванием с помощью телевизионного пульта с канала на канал, и с уже привычным сидением в соцсетях – с кем-то лениво переброситься, кому-то лайкнуть, кого-то с негодованием пнуть. Причем всегда примерно в одной и той же последовательности. Вот он – прочно захвативший нас высокотехнологичный мир онлайна, где этот самый онлайн используется не для держания руки на информационном пульсе сложной и многоцветной картины мира, а напротив – для получения некоего суррогата, позволяющего уютно закуливаться в своем персональном одиноком мирке и надежно защищаться от какой бы то ни было реальной, подлинной информации.

А при коммуникации всё происходит как раз наоборот. Участники коммуникации стремятся к подлинному знанию друг о друге и об окружающем их мире. Они могут быть не в теме той информационной «нарезки», из которой состоит ежедневное «меню» потребителей медийной продукции, они могут даже не знать каких-то банальностей, хорошо известных обитателям мира СМИ и социальных медиа, но это вовсе не мешает им получать то существенно важное знание, какое их действительно волнует. Потому что интерес для них – это интерес ➔

➔ настоящий, предполагающий взаимно обогащающее узнавание нового. Узнавание через бескорыстное любопытство к личности другого – твоего собеседника. Интерес же довольствующихся медийной повесткой в основе своей является желанием в принципе избежать возникновения любого действительного общения, способного ненароком спутать карты в легко опознаваемом и создающем комфортное жизненное пространство новостном круговороте.

личества цифровых сигналов, которые окружают каждого пользователя на протяжении всего времени его бодрствования. Иначе и быть не может, так как в противном случае никакая психика попросту не выдержит этой перманентной информационной «ковровой бомбардировки». Поэтому внимание, выключенное или функционирующее в режиме потребительской селекции с преднамеренно крайне зауженной пропускной способностью, – это нор-

мально внимание в обратном случае – когда уровень привычного информационного шума снижается. На этом основан известный эффект психического дискомфорта, испытываемый жителями мегаполисов, оказавшимися даже не в дикой природе, а просто в пространстве, свободном от шумов, в заметно менее напряженной ауре малых городов или небольших поселений. Время начинает течь по-иному, а привычный образ жизни вдруг оказывается

Плакат к фильму Этторе Сколы «Бал»

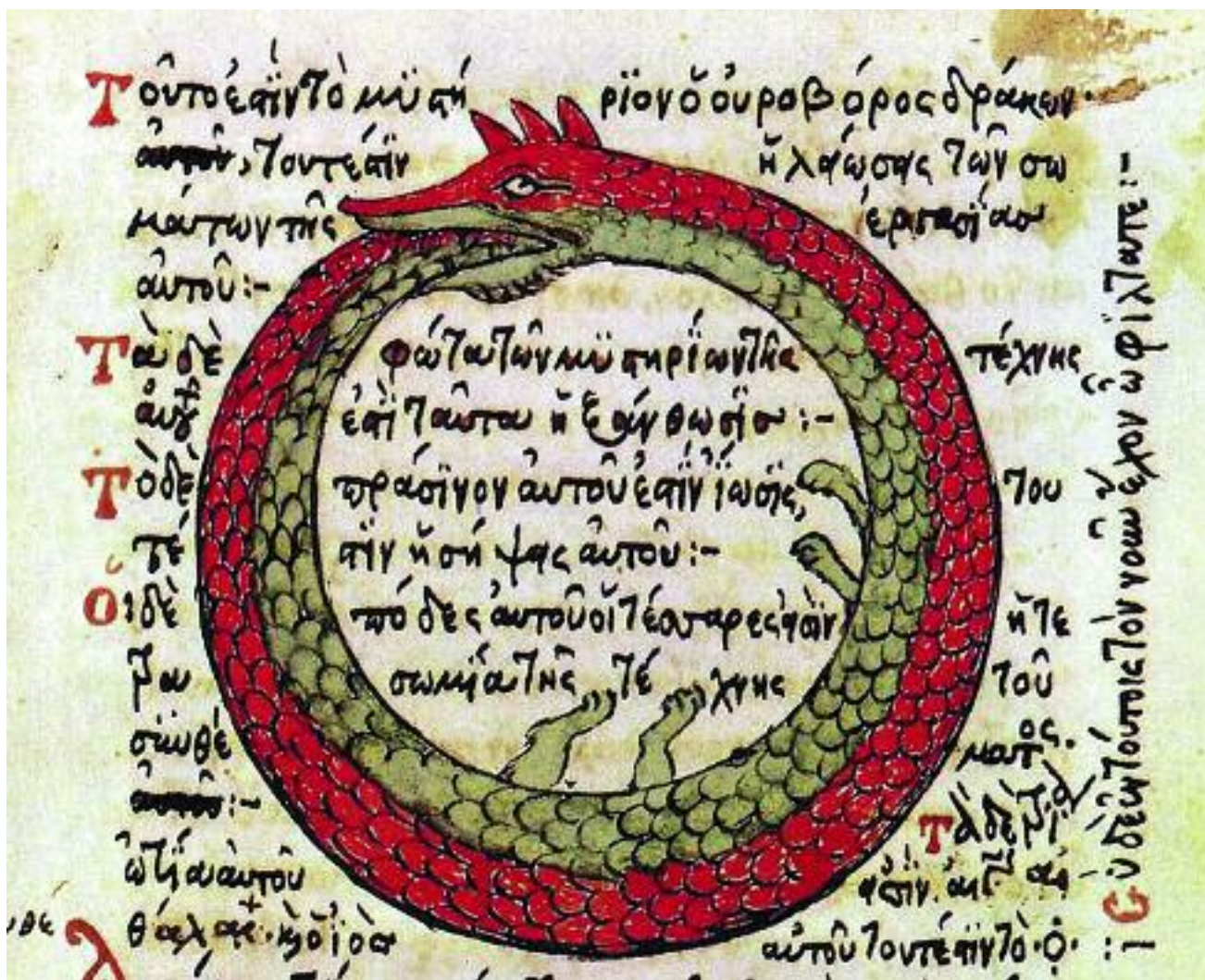
Коммуникация обязана в значительной степени быть невербальной, основываться на взглядах, паузах, совместном молчании, на взаимопонимании без слов. Этот невербальный язык играет в коммуникации исключительно важную роль. Но и информация вполне может транслироваться на таком же невербальном языке и при этом восприниматься предельно точно и адекватно

Следующая точка расхождения коммуникации и информации – это внимание. Психика современного медийного человека содержит в себе целую систему незримых информационных фильтров, позволяющих включать внимание лишь в исключительных случаях, а основное время пребывать в режиме рассеянного отслеживания того несметного ко-

ма для существования в сегодняшнем информационном пространстве. Фактически здесь всё сводится лишь к фильтрации и фиксации определенного уровня информационного шума – если этот уровень превышает, то степень внимания автоматически возрастает: «В чем дело? Что произошло?» Еще более стремительно и с гораздо большей тревогой вклю-

под сомнением.

Коммуникация же просто немыслима без внимания, включенного на полную мощь. Разумеется, именно поэтому она не может быть постоянной или слишком продолжительной: обычные люди, не владеющие специальными навыками, приобретаемыми в результате либо особых тренировок, либо – как в конфессиональных системах – медитативных практик, неспособны удерживать предельное внимание на протяжении длительного времени. Но даже дозированная коммуникация производит на ее участников сильное впечатление именно из-за того, что вынуждает их выкладываться по полной, предельно концентрируясь друг на друге и на обсуждаемой теме, что позволяет человеку увидеть и самого себя со стороны. Именно на этом строится методика обучения диалогу в

Гностический змей. Миниатюра XV века

аналитической образовательной платформе «Диаверситет». В такие мгновения интенсивного общения участники разговора становятся чем-то похожими на переводчиков-синхронистов. Ведь что такое синхронный перевод? Это умение в каждое неуловимое мгновение просканировать собеседника, которого надо коммуникативно вобрать в себя, войти в привычный для него язык, прочувствовать его внутренний мир, глубоко понять смысл и содержание его сообщения, тут же оформить это понимание на своем языке – и при этом не упустить, что уже было тобой сказано ранее в переводе, пока производилась вся эта сложная кросс-культурная когнитивная операция. Довольно часто высококлассным синхронистам приходится помогать дооформить, правильно додумать или достроить ту мысль, которую недопроизносят или выражают в эмоционально неподготовленном или усеченном виде пере-

В пространстве информации ощущение времени практически стирается. Потребность в непрекращающемся информационном потреблении и подзарядке формирует в человеке представление о перманентности, устойчивости того мира, в котором он существует.

Метафора гностического змея, пожирающего свой хвост, очень точно описывает это присущее медийному человеку свойство стремиться за пределы любых временных ограничений

водимые. Стоит ли поэтому говорить, насколько отточенным должно быть внимание у синхронистов и какое свечение покажет сканирование их нейронной активности, чтобы они могли моментально обеспечивать стопроцентно адекватное переложение чужой по культуре речи.

Довольно непросто различать информацию и коммуникацию по критерию вербальности или не-

вербальности. Прежде всего потому, что наше мышление внутренне всегда вербально оформлено. То, что невербальной может быть значимая коммуникация, – наверное, очевидно и не нуждается в комментариях. И даже еще более определено: коммуникация должна, обязана в значительной степени быть именно невербальной, основываться на взглядах, паузах, совместном молчании, на ➔

→ взаимопонимании без слов. Этот невербальный язык играет в коммуникации исключительно важную роль. Но и информация вполне может транслироваться на таком же невербальном языке и при этом восприниматься предельно точно и адекватно. В качестве яркого примера можно привести гениальный фильм Этторе Сколы «Бал», в котором показывается история Франции XX века – с 1930-х и до 1980-х годов – исключительно языком танца и музыки. В фильме не произносится ни единого слова, но слова и не требуются – эмоционально всё понятно без них.

Однако эмоциональность способна оказывать и деструктивную, потому что в этом режиме путем целенаправленного воздействия на человека можно временно отключать или определенным образом перепрограммировать его личностную идентичность. Многие манипулятивные техники как раз нацелены на то, чтобы выключать режим личностного самосознания, но при этом оставлять включенным пространственно сфокусированное сознание. Достаточно предельно цельному, твердому, гениальному человеку или любой другой в совершенстве лично артикулированной индивидуальности оказаться в толпе себе подобных, как маячки индивидуальности, с помощью которых человек воспроизводит собственную самость, начинают сбиться. На это обратил внимание в конце позапрошлого века Гюстав Лебон. Попадая в толпу, ты перестаешь быть индивидом, ты становишься частичкой толпы, «дивидом», и твое поведение начинает определяться логикой, вернее – инстинктом толпы. Об этом писал Серж Московичи в своей работе «Век толп». Управлять толпой гораздо легче именно на

невербальном уровне – точнее, на преимущественно невербальном с точечным включением вербальности (выверенных лозунгов-кричалок, мемов и прочих «мантр»). В этом смысле основной маркер стремления к жесткой манипуляции – это повышенное, нарочито экзальтированное внимание к самодостаточному инди-

виду в толпе. В быту такая агрессивная тактика известна под названием трамвайного хамства, и мы часто видим ее проявления на игровых стадионах во многих странах мира.

Также весьма затруднительно отграничивать друг от друга информацию и коммуникацию с позиции партисипативности, то есть

Как только предельно цельный, твердый,
гениальный человек оказывается
в толпе, маячки индивидуальности,
с помощью которых человек воспроизводит
собственную самость, начинают сбиться.
Попадая в толпу, ты перестаешь быть
индивидом, ты становишься частичкой
толпы, «дивидом», и твое поведение
начинает определяться логикой, вернее –
инстинктом толпы

личностной вовлеченности человека в тот или иной процесс. В каждом из нас есть наработанная способность к отторжению из поля сознания нежелательного ближнего социального пространства. Англичане с присущей им тонкостью называют эту поведенческую тактику игнорирования – «обратить внимание своим

слепым глазом». Но есть и противоположная практика человеческого сопереживания. Внутри каждого из нас заложена потребность расширять пространство своего бытия, умножать проявления собственного участия в жизни вокруг нас. Эта партисипативная практика является императивом нашего поведения, мы часто фокусируемся на ней. И потребление информации путем своего рода слайдинга от одного знакомого маркера к другому известному маркеру, и глубокое пережива-

ние коммуникации предполагают достаточно высокую степень партисипативности личности. Обе модели поведения отрабатываются вполне осознанно с той лишь только разницей, что адресная направленность партисипативности при коммуникации проявляется гораздо сильнее, чем при нахождении в пространстве информации. В последнем случае, как правило, имеет место как бы экспансия по принципу растекания воды, которая устремляется туда, где не встречает препятствий на своем пути.

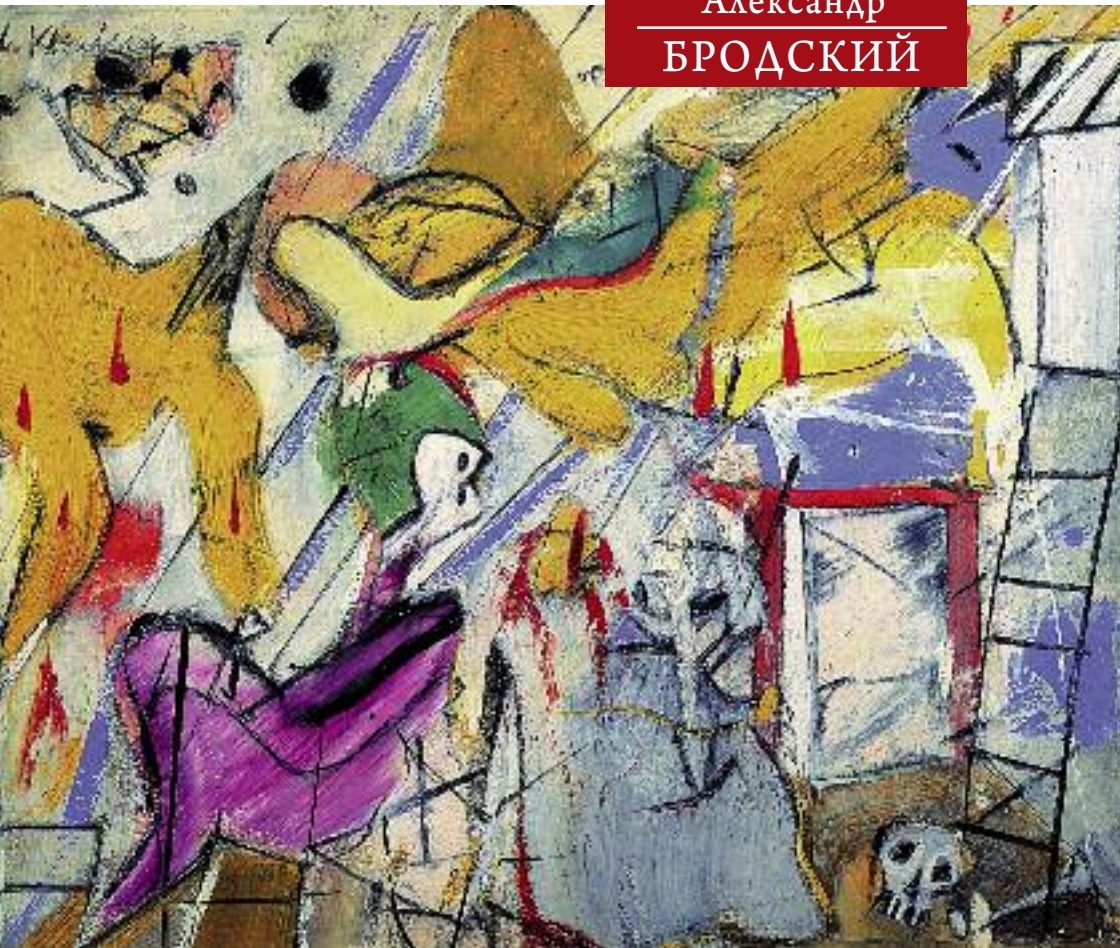
А вот в чем информация и коммуникация однозначно отличаются друг от друга, так это в восприятии времени или вообще в отношении к нему, в способе существования во времени. В пространстве информации ощущение времени практически стирается. Личность воспроизводит – точнее, редуцирует – себя в режиме бесконечной повторяемости регулярной информационной подпитки: от Интернета к телевизору, от телевизора к соцсетям, от соцсетей к телефону, от телефона к Интернету – и так до бесконечности. Восприятие регулярных событий как начала или конца чего-то притупляется, а то и вовсе исчезает. Потребность в непрекращающемся потреблении и подзаряд-

ке подобного рода информацией формирует в человеке представление о перманентности, устойчивости того мира, в котором он существует. Отсюда, кстати, и такой мощный запрос современной медийной культуры на разного рода игровые практики – любая игра в той или иной степени основывается на отказе от коммуникации, на управляемой повторяемости действий и, тем самым, создает о них впечатление как о своего рода окнах во вневременное комфортное состояние. Метафора гно-

стического змея, пожирающего свой хвост, очень точно описывает это присущее медийному человеку свойство стремиться за пределы любых временных ограничений. Не потому ли в современной культуре с фантастическими достижениями науки и техники так органично и естественно сочетается мода на оккультное и сопровождающую его образность в виде хорроров, мерлинов, гарри поттеров и прочих стимуляторов спроса на занимательное иррациональное?

Коммуникация же подчеркнута дискретна, всегда локализована во времени, и это остро ощущают вовлеченные в нее люди. Именно осознание того, что яркое, насыщенное, осмысленное сопереживание непременно завершится, заставляет нас искать те или иные способы управления временем – точнее, не временем, а качеством его наполнения, которое сводится к предельно концентрированному и напряженному переживанию каждого мгновения того временипрепровождения, которое хотелось бы содержательно продлить. Не будем путать это умение управлять временем с распространяющимся в потребительском мире стремлением контролировать остроту восприятия своего собственного бытового времени с помощью искусственно устраиваемых выбросов адреналина.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что ни в сегодняшнем насыщенном поле информационных знаков, ни в виртуальном пространстве, ни в видимом нами материальном мире не присутствует никакого самого по себе существующего смысла. Нет и никакой готовой действенной картины внешнего мира. Мы сами должны породить смысл и воспроизвести свою картину мира. Эта мучительно трудная работа по принесению в жизнь смысла будет интересной и яркой в личностной коммуникации, в диалоге, который, хотя и не гарантирует легкодостижимого результата, но всякий раз реально помогает нам преобразовывать себя из самодовольного человеческого существа в ищущего жизненный смысл человека. **Р**

Александр
БРОДСКИЙ

Виллем де Кунинг. Абстракция. 1949-1950 годы

Появление так называемого поп-арта представляется как гегельянское отрицание абстрактного экспрессионизма, лидером которого были Виллем де Кунинг и его жена, связанные с европейским художественным процессом точно так же, как Хиллари Клинтон связана с «Четвертым рейхом» Ангелы Меркель

ВТОРЖЕНИЕ ШАХМАТНОЙ ДОСКИ

Художественное образование в России и на Западе сильно – я бы даже сказал, принципиально – отличается. Всё дело в том, что в силу исторических причин национальным искусством русских является иконопись, а на Западе иконопись объявлена Вазари тупым отжившим врагом настоящего искусства.

Другое дело, что помимо итальянского Возрождения, отвергнувшего иконопись, на Западе было еще и фламандское Возрождение, которое при более внимательном рассмотрении оказывается художественным процессом обратным Возрождению итальянскому, причем этот вопрос самым непосредственным образом

Александр Бродский –
художник, искусствовед

связан с ирландским православием, катарами и так и не зажившей раной альбигойского крестово-

го похода. А это тайны, похороненные настолько глубоко, запертые в таких тайниках и склепах подсознания западного человека, что говорить об этом с ним бесполезно и даже опасно.

Главным выводом этой преамбулы является то, что русское искусство до XX века не могло состязаться с западным искусством на основе западных же критериев. Точно так же русские джазисты никогда не превзойдут в джазе афроамериканцев, а белый джаз на Западе – это не джаз, а совсем другой вид спорта.

Настоящей проблемой является то, что и в России иконопись считается не изобразительным искусством, а частью некоего ритуала и священнодействия, что, на мой взгляд, является отголоском ереси иконоборчества, всегда яв-

Аршил Горки. Агония. 1947 год

Виллем де Кунинг через Аршила Горки был связан с русской культурой и культурой народов СССР

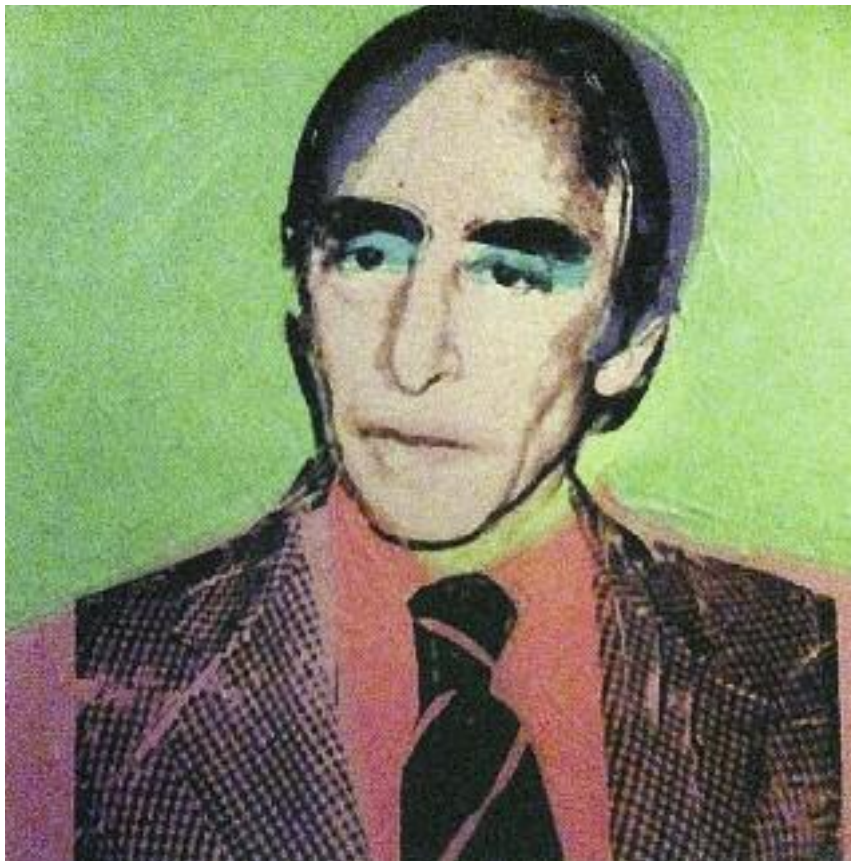
лявшегося обратной стороной иконопоклонства. Поэтому русские художники, даже попадая на Запад, никак не могли понять, что живопись на Западе сродни науке

и главным критерием оценки творчества является не мастерство, как в России, а индексированная способность влиять на других художников – а-ля индекс Хирша.

Русские художники, даже попадая на Запад, никак не могли понять, что живопись на Западе сродни науке и главным критерием оценки творчества является не мастерство, как в России, а индексированная способность влиять на других художников – а-ля индекс Хирша

Поэтому по сравнению с Россией история искусства на Западе преподается как борьба художественных идей – то есть как история науки. А наука, соответственно, преподается как стремление к ➔

Портрет Лео Кастелли работы Энди Уорхола

Применительно к поп-арту основная идея плана Даллеса была довольно проста: создать истинно американское искусство и заставить европейцев им восхищаться, подражать ему, продавая и покупая произведения поп-арта по завышенным ценам, о которых европейские художники не могли и мечтать. Финансирование для этого проекта выбивал Лео Кастелли – известный галерист и коллекционер, а помимо этого – бывший офицер разведки с опытом работы в Европе

→ современной американской науке – самому совершенству вне исторического контекста. Такой подход особенно проявляется при взгляде на современное искусство. Например, появление так называемого поп-арта представляется как гегельянское отрицание абстрактного экспрессионизма, лидером которого были Виллем де Кунинг и его жена, связанные с европейским художественным процессом точно так же, как Хиллари Клинтон связана с «Четвертым рейхом» Ангелы Меркель.

Таким образом, с точки зрения политической истории искусств

поп-арт как первое действительно оригинальное американское художественное течение соответствует появлению Трампа, правда, за исключением того довольно важного обстоятельства, что тогда западноевропейская культура была в значительно большей степени, чем сейчас, ориентирована на советское и дореволюционное русское искусство. Да и сам Виллем де Кунинг через Аршила Горки был связан с русской культурой и культурой народов СССР.

А вот поп-арт был связан с реднеками, бывшими тогда главными антисоветчиками в Америке и

опорой Республиканской партии. И это с неизбежностью делало план Даллеса частью художественной борьбы поп-арта и абстрактного экспрессионизма. После Второй мировой войны Америка частично утратила свою идентичность в том числе и потому, что в нее приехало огромное количество беженцев из Европы. И абстрактный экспрессионизм представлял собой ту культурную тенденцию, которая сейчас называется глобализмом, а тогда ассоциировалась с Коминтерном, что, собственно, и заставило Сталина его распустить. Этот коминтерн-глобализм предлагал США превратиться в культурную провинцию Европы, и, кстати, Хиллари Клинтон в юности была республиканкой, поскольку Европа тогда восхищалась русским балетом, спутником и Евтушенко, а поп-арт возник как истинно американское искусство, как нечто, что должно было противодействовать советскому культурному влиянию в Европе.

Кроме того, не следует забывать, что при переходе власти от Рузвельта к Трумэну к рычагам управления в США пришли люди, считавшие, что во Второй мировой войне Америка должна была сражаться вместе с гитлеровской Германией против СССР. Их довольно быстро отстранили от власти, но изменить социальную психологию американцев они всё же успели. Эти изменения и стали той культурной почвой, на которой вырос план Даллеса, тем контекстом, в котором этот план следует обсуждать. Как о мировоззренческой позиции о нем знают все на Западе, его преподают в университетских аудиториях. Но полностью замалчивается тот аспект плана, в соответствии с которым его главной жертвой является не СССР, а США.

Применительно к поп-арту основная идея плана Даллеса была довольно проста: создать истинно американское искусство и заставить европейцев им восхищаться, подражать ему, продавая и покупая произведения поп-арта по завышенным ценам, о которых европейские художники не могли и мечтать. Причем истинно американским это искусство было в

контексте противостояния с ориентированным на Западную Европу абстрактным экспрессионизмом Йельского университета. Финансирование для этого проекта выбивал Лео Кастелли – известный галерист и коллекционер, а помимо этого – бывший офицер разведки с опытом работы в Европе. Я пересекался с ним трижды: первый раз, когда работал в лимузин-сервисе в Гринвич-Виллидж, второй раз в дорогом ресторане – когда был любовником богатой дамы, а в третий раз – на закрытом показе, куда меня привел проректор по науке Института Пратта. Причем все три раза мы встречались неожиданно, без всякой связи с предыдущими пересечениями, и между нами завязались приятельские отношения. Насколько я понял, финансирование для американского поп-арта он тогда выбил совершенно фантастическое, просто придя к своим бывшим коллегам и объяснив им, что будет, если простой американский парень начнет получать за свои картины раз в 10 больше, чем именитые британские и французские художники.

В России такой человек озолотился бы – и на этом всё и кончилось бы, но Лео Кастелли на эти деньги создал действительно очень крупное и важное художественное течение. Озолотились его друзья – но как-то так получилось, что они оказались очень талантливыми художниками, а поп-арт на самом деле стал совершенно элитарным концептуальным искусством, причем значительно более концептуальным, чем то, что называется концептуальным искусством сейчас. Среди этих художников меня больше всего поразила Джаспер Джонс – один из тех четырех «солдат», которые «служили» под началом Лео Кастелли и стали благодаря ему ведущими художниками поп-арта. (Вторым был Роберт Раушенберг, а фамилии еще двух я не помню, и найти хотя бы какие-то данные о них в Интернете оказалось невозможно. Кажется, еще Клемент Гринберг каким-то образом затесался в эту компашку.)

В частности, совершенно удивительным произведением искусства, которое на деле явилось со-

Портрет Джаспера Джонса работы Шепарда Фейри

Поп-арт на самом деле стал совершенно элитарным концептуальным искусством, причем значительно более концептуальным, чем то, что называется концептуальным искусством сейчас.

Среди этих художников меня больше всего поразила Джаспер Джонс – один из тех четырех «солдат», которые «служили» под началом Лео Кастелли и стали благодаря ему ведущими художниками поп-арта

всем не тем, чем кажется, является «Флаг» Джаспера Джонса. Этот концепт стал ответом на знаменитый «Фонтан» Марселя Дюшана, который таким способом якобы утверждал, что существует некое артистическое про-

странство (или, вернее, зазеркалье), в котором даже предметы наподобие писсуара меняют свое значение и превращаются из писсуара в произведение искусства. И соль «Флага» Джаспера Джонса состоит в том, что эта картина яв- ➔

Джаспер Джонс. Флаг. 1954-1955 годы

Совершенно удивительным произведением искусства, которое на деле явилось совсем не тем, чем кажется, является «Флаг» Джаспера Джонса. Этот концепт стал ответом на знаменитый «Фонтан» Марселя Дюшана

→ является не только изображением флага, но и самим флагом США. А то, как эта тема развивалась дальше в творчестве Джонса, свидетельствует о том, что он ею вскрыл, как консервную банку, всё западное искусство, произросшее из итальянского Возрождения и самой концепции живописи как иллюзии трехмерного пространства, копирайт на которую принадлежит Брунеллески. Ну а то, что он творит с цветом и энкаустикой, вообще непередаваемо. Но этого, к сожалению, на репродукциях не видно, и то, что этого не видно, является еще одним концептом картины.

Важно понять, что всё мировое искусство в США в хороших художественных университетах и шко-

лах преподается как различные подразделения концептуального искусства, и на это есть очень

Марсель Дюшан. Фонтан. 1917 год

серьезные исторические причины, которые просто не знают и не понимают нынешние российские искусствоведы и профессиональные пропагандисты западного искусства, пытающиеся объяснить, по какой причине русское изобразительное искусство на дороге к иконописи почему-то всё время пытается догнать толпу бастардов Джотто, бегущих от иконописи как черт от ладана.

В России, увы, преклоняются перед эмигрантами, которые возвращаются именно для того, чтобы объяснить русским, какое они дерьмо, и ненавидят тех, кто пытается привезти с Запада нечто действительно стоящее и даже необходимое для продолжения исторического существования русского народа. И происходит это потому, что первые помогают так называемым патриотам объяснять согражданам, что на Западе всё – отбросы, а вторые мешают. Именно поэтому я сижу в

Моя работа, которая была курсовой курсе так на третьем, когда я ходил ошарашенный только что открытой для себя христианской символикой Джаспера Джонса, – это тоже некий концепт на тему взаимодействия плоского холста с трехмерным миром, в котором мы якобы живем, так как половина шахматной доски является шахматной доской, а половина написана

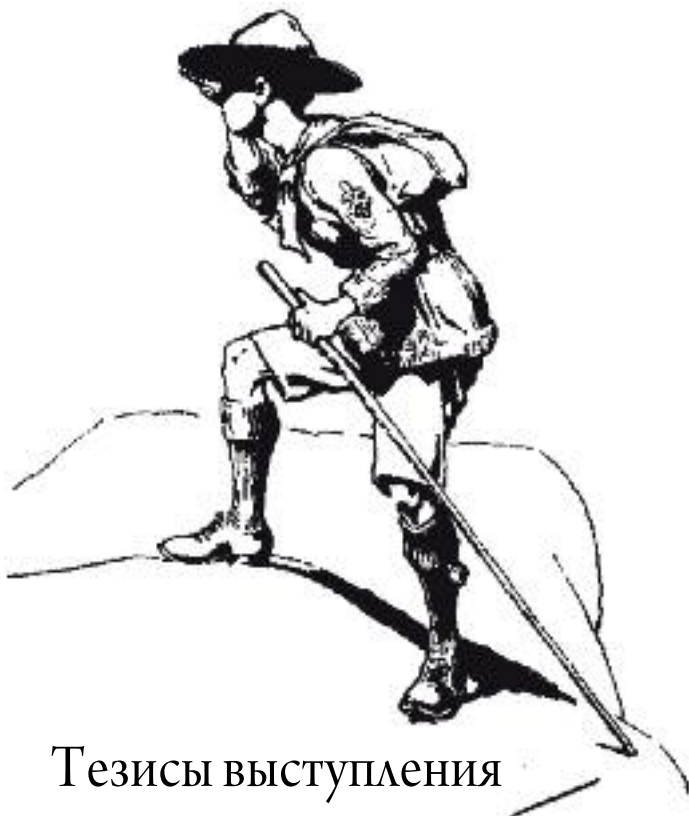
Америке и пытаюсь отсюда объяснить своим соотечественникам нечто важное и необходимое – если я вернусь, то у меня такой возможности просто не будет.

А на закуску – моя работа, которая была курсовой курсе так на третьем, когда я ходил ошарашенный только что открытой для себя христианской символикой Джаспера Джонса. Это тоже некий концепт на тему взаимодействия плоского холста с трехмерным миром,

в котором мы якобы живем, так как половина шахматной доски является шахматной доской, а половина написана. Причем фигуративный задник – или центр – картины является фоном, на который я потратил, может, часа два, а вот двухмерную часть шахматной доски, которая более трехмерна, чем ее трехмерная часть, я пописывал, как минимум, неделю. В Пратте я считался уникалом в смысле чувствительности к цвету. **Р**

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА с точки зрения небополитики

Семинар Школы менеджмента «Бирюч» июнь-июль 2017 года

Тезисы выступления

Принципиальное отличие небополитических оценок развертывания и преодоления современного кризиса состоит в том, что основой предвосхищения того, что будет, выступает не наука, а искусство разведки. Наука – это то, что подтверждаемо, повторяемо, разведка же – искусство неповторимое, уникальное. Метод оценки того, что есть, того, чего нет, и того, что будет, основан не на законе борьбы противоположностей западной диалектики, а на китайском законе перемен, в соответствии с которым время циклично и открываются окна возможностей поймать фазу волны прилива энер-

Андрей Петрович Девятков –
заместитель директора Института
российско-китайского
стратегического взаимодействия,
секретарь Союза военных
китаеведов России

В своих оценках небополитики пользуются таким инструментом, как разведывательные признаки. Разведывательные признаки – это «уши» сущности, торчащие над маскировочными сетями дезинформации. Разведывательные признаки находятся в символах. Для работы с признаками важен не дар умозаключений в словах, но дар различения чувством

гии космоса, когда вся Вселенная будет помогать успеху политики. Закон перемен нельзя путать с «Книгой перемен», которая является точно такой же легендой прикрытия, как и все многочисленные сочинения по каббалистике.

В своих оценках обстановки небополитики пользуются таким инструментом, как разведывательные признаки. Разведывательные признаки – это «уши» сущности, торчащие над маскировочными сетями дезинформации. Разведывательные признаки находятся в символах. Для работы с признаками важен не дар умозаключений в словах, но дар различения чувством. Чувство же различает число, цвет, фигуру, тон, вкус и запах.

Политическая практика не может быть абсолютно абстрактным плодом человеческого воображения. В основе власти, ее замыслов и решений, так или иначе, лежат представления о том, как устроен мир и какое место в этом мире занимает политический субъект.

Небополитики воспринимают картину мира как Большую игру (термин видного масона Редьярда Киплинга), но не в шахматы (по Збигневу Бжезинскому), а в карты. Большая игра, как в картах, идет по кругу, где за карточным столом истории сидят открытые представители действующих мировых цивилизационных проектов, а за кулисы находятся планировщики – носители концептуальной власти.

Первая мировая война была войной вероучений. На вероучениях построены империи. Четыре империи пали (Российская, Австро-Венгерская, Германская, Османская), а Британская империя выиграла. Вторая мировая война была войной идеологий – между национал-социализмом и коммунизмом. А выиграла западные демократии. Продолжением Второй мировой войны стала холодная война, которая и привела к окончательной победе либеральной демократии. А сейчас наступила эпоха, которую Сэмюэль Хантингтон назвал «столкновением цивилизаций».

Бой – это тактика. Выше тактики находится оперативное искусство, выше оперативного искусства находится стратегия, выше стратегии находится доктрина, выше доктрины находится концепция, выше концепции находятся мечта, национальные приоритеты.

Власть должна заниматься стратегией. Без захвата будущего нет и не может быть победы. Контроль пространства имеет гораздо меньшее значение, нежели контроль времени.

Если говорить о власти от Неба – полученной ли первым лицом государства через венчание на

Жорж Брак. Карточный стол с картами. 1910 год

Небополитики воспринимают картину мира как Большую игру (термин видного масона Редьярда Киплинга), но не в шахматы (по Збигневу Бжезинскому), а в карты. Большая игра, как в картах, идет по кругу, где за карточным столом истории сидят открытые представители действующих мировых цивилизационных проектов, а за кулисы находятся планировщики – носители концептуальной власти

царство или в результате победы на выборах, – то основанием права будет Благодать Духа (дэ), сошедшего на правителя в качестве сверхъестественной мощи Вселенной в акте резонанса (копии) благого влияния Силы Неба сверху вниз.

Сила Неба – она же Великое Дао или закон мироздания – имеет точку приложения в мире

невидимом и вектор воздействия на этот мир. Сила Неба приводит в движение процессы бытия, которые есть не что иное, как обмен веществ, энергии и информации. Информация – это то, что находится «внутри формы», а вовсе не разнообразный «мусор» огромного количества данных.

Ускорение или торможение процессов бытия и есть Воля →

→ Неба. Волю Неба определяют «три сокровища жизни». Во-первых, корень жизни, он же генетический код, или «кровь» (*цзин*). Во-вторых, энергия жизни, то что делает работу в организме (*ци*). В-третьих, Дух животворящий – то, что запускает процессы (*шэнь*). *Шэнь* от Неба порождает. *Цзин* от земли формирует. *Ци* движет. «Три сокровища жизни», данных в ощущениях, вместе определяются одним словом «правда». Цвет правды, как и цвет крови, – красный.

Начнем поиск правды с толкования иероглифа *шэнь*. Левая часть изображает небо: две горизонтальные черты – верх, нисхождение изображается тремя расходящимися вертикальными чертами (как лучи солнца, луны, звезд несут человеку трансцендентное). Правая часть изображает человека с распростертыми руками, принимающими нисходящее. Так иероглиф *шэнь* символизирует Волю Неба, проявляющуюся в ответ на готовность человека ее принять. Здесь Дух откликом сверху вниз соединяет троичность Неба с двоичностью человека, но запрос должен идти от человека.

В классическом медицинском трактате III в. до н. э. «Хуан-ди нэйцзин» (перевод названия – «Трактат Желтого императора о внутреннем») устройство человека объясняется следующим образом: «То, что присутствует во мне от Неба, называется *дэ* [благодать]; то, что присутствует во мне от земли, называется *ци* [энергия]; *дэ* течет [во времени], *ци* простирается [в пространстве], и получается жизнь. Причина, по которой жизнь приходит, называется *цзин* [корень жизни – генетический код]; то, чем две *цзин* схватываются в зачатии, называется *шэнь* [животворящий Дух времени, от Неба исходящий]».

Местом сосредоточения Духа (*шэнь*) выступает сердце (отсюда – «зов сердца»). Субстанция жизни *цзин* спиралями ДНК индуцирует вибрации пульса и как модуляция несущей частоты пульса циркулирует по всему телу с кровью (отсюда – «голос

Иероглиф *шэнь* символизирует Волю Неба, проявляющуюся в ответ на готовность человека ее принять. Здесь Дух откликом сверху вниз соединяет троичность Неба с двоичностью человека, но запрос должен идти от человека

крови»). Такова современная трактовка древнего текста.

Моделью проявления Неба на земле выступает жертвенный треножник – символ троичности устоев небесной сферы, способной слышать просьбы людей. Небо троично. Круг небесных сфер, траекторий, орбит не имеет граней и разрывов. В круге нет начала и конца. Развертка круга на плоскость дает волну. Волна есть способ распространения лучистой энергии – видимой и невидимой. Волна имеет три меры – амплитуду, частоту, фазу. Поэтому космос в ощущениях троичен.

Бытие троично – это небо, земля и человек между ними. Время троично – это ритм, цикл и фаза прихода энергии. Сознание троично – это инстинкты тела, рефлекс души и страсти духа. Познание троично – это наука, искусство и религия. Премудрость троична – это вера надежда и любовь. Этика троична – это добро, зло и справедливость. Принцип организации общества троичен – это индивидуализм, коллективизм и круговая порука.

Воля Неба на земле проявляется по закону перемен в связках трех сил. В христианской догматике это Живоначальная Троица. Максимально приблизиться к энергиям космоса – это значит войти в резонанс с Волей Неба, стать сотворцом с Творцом.

Феноменология Духа подчинена закону перемен так же, как ему подчинены периодическая система химических элементов неживой природы (таблица Менделеева) и система ДНК живой природы. Небополитики создали технологию разведки Воли Неба в витках перемен.

Устройство мира схематически напоминает пирамиду. В основании находится культура, поскольку культура имеется у всех – независимо от уровня развития. Следующий уровень – вероучение. Вероучение соединяет несколько культур в единую картину мира с позиции религиозного чувства. Дальше идут идеологии. Идеологии выше вероучений, поскольку они имеют больший охват – люди, исповедующие разные вероучения, могут находиться в одном идеологическом поле. Выше идеологий находятся цивилизации, далее – этические системы. Над этическими системами стоят пророки, а над пророками – Воля Неба.

Для разгона самых малых проявлений животворящего Духа

времени (*шэнь*) небополитики создали технологию бегущей волны Силы Неба, способную поднять спящий в апатии народ на титанические свершения.

Спозиций же информационно-энергетического обмена речь идет о накоплении Духа пространства (*цзин*) и функциональном выбросе этой энергии от импульса Духа (*шэнь*), бегущей волной разогнанного до масштабов вихря психической эпидемии.

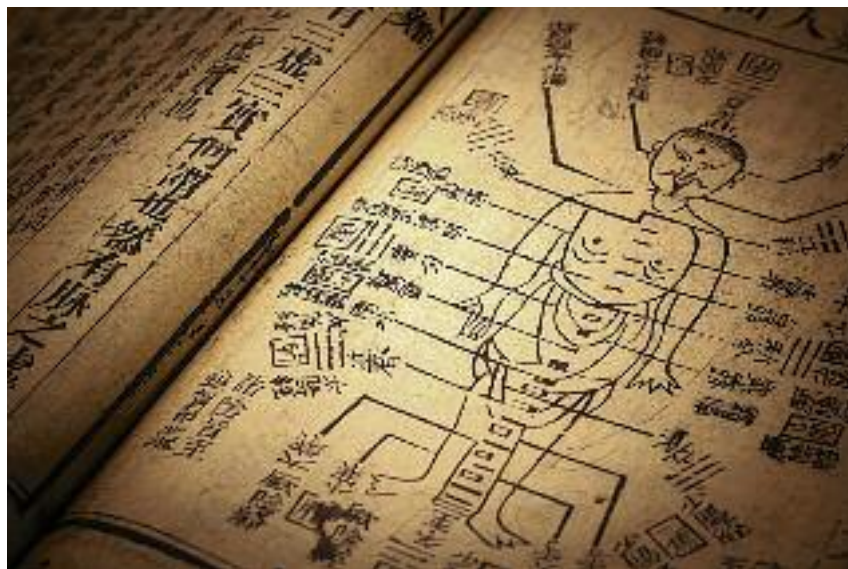
Энергетической моделью из физики здесь будет электрический разряд конденсатора. Можно сказать, что *шэнь* и *цзин* – это обкладки конденсатора. А поле между ними – это энергия жизни *ци*, способная делать работу. Для того, чтобы обрести эту энергию жизни, нужно накопить *цзин*, а затем импульсом *шэнь* (принятым от Неба сердцем) толкнуть выброс жизненной силы.

Так запускается вращение колеса времени в единстве бытия человека-микрокосма и Вселенной. А циклы истории – это предмет сакральной тайны, вскрытием которой занимается орденская разведка.

Моделью выступает карточная игра в бридж на шесть. За карточным столом: мир англосаксов (имя проекта – Новый Вавилон), романо-германская Европа (Новый Рим), вечное царство Израиля (Новый Иерусалим), мир ислама (Новый Халифат), Китай (Датун), Русский мир (Новая Орда). Имена для опознавания проектов (по-военному – нарезка ТВД) даны небополитиками.

Розыгрыш идет циклами по 12 лет, каждый кон – 4 года. Розыгрыш текущего цикла перемен стартовал с началом первой волны мирового финансового кризиса в 2008 году и закончится к 2020 году. Мастями выступают: регулярная власть – бубны, экономика – трефы, социальная сфера – пики, ценности культуры – черви.

Игру в конце 2008–2012 годов заказывал Новый Вавилон

Хуан-ди нэйцзин (Трактат Желтого императора о внутреннем). III в. до н. э.

«То, что присутствует во мне от Неба, называется *дэ* [благодать]; то, что присутствует во мне от земли, называется *ци* [энергия]; *дэ* течет [во времени], *ци* простирается [в пространстве], и получается жизнь. Причина, по которой жизнь приходит, называется *цзин* [корень жизни – генетический код]; то, чем две *цзин* схватываются в зачатии, называется *шэнь* [животворящий Дух времени, от Неба исходящий]»

на козырях экономики – и кон проиграл. Игру в последнем конце 2013–2016 годов заказывал Новый Халифат в лице ИГИЛ, козырями были объявлены черви – законы шариата. Однако заявленных рубежей в строительстве Нового Халифата ИГИЛ достичь не смогло. В январе 2017 года игру в конце до 2020 года заказал Датун. Это было сделано на Всемирном экономическом форуме в Давосе, где председатель КНР Си Цзиньпин подхватил дрогнувшее в руках США знамя глобализма и объявил о строительстве «глобального общества единой судьбы». Козырями были объявлены пики.

Китайский проект Датун столь же древен, как и трехтысячелетний план Соломона. Можно сказать, что проекты евреев-кабалистов и китайцев-даосов – это две стороны одной медали.

В России после провала перестройки и всего Красного проекта в 1991 году закулисным планировщиком ее игры выступает Новый Иерусалим в лице хасидов Хабада. Заказать собственную игру Россия сможет лишь после обретения самобытной независимой концептуальности. А это не что иное, как небополитика.

В России размежевание кланов внутри правящего класса произошло вокруг представления о пути перемен и о фигуре царя, который займет престол верховной власти на выходе из мирового кризиса.

Планировщик с планом Соломона видит будущую Россию, возглавляемую «царем Салима» «по чину Мельхиседека». Это означает соединение в одном лице царя-священника духовной, светской и военной вла- ➔

Симон Ушаков, Никита Павловец. Живоначальная Троица. 1677 год

**Воля Неба на земле проявляется по закону
перемен в связках трех сил. В христианской
догматике это Живоначальная Троица.
Максимально приобщиться к энергиям космоса –
это значит войти в резонанс с Волей Неба, стать
сотворцом с Творцом**

→ сти. Этот клан в России представляют большевики-ленинцы – руководитель администрации президента Антон Вайно, глава «Роснефти» Игорь Сечин, секретарь Совета безопасности Николай Патрушев, директор Российского института стратегических исследований Михаил Фрадков – с

силовым прикрытием директора Росгвардии Виктора Золотова.

Группа патриотов-монархистов, друзей романо-германской Европы, связывает будущее России – Третьего Рима с наследниками последнего царя из дома Романовых – Марией Влади-

мировой Гогенцоллерн и ее сыном Георгием. Мария Владимировна по материнской линии является потомком британской королевы Виктории, отсюда ее связь с Домом Виндзоров и принцем Чарльзом – патроном ряда масонских орденов и тайных обществ. В эту группу входят: патриарх Кирилл, предыдущий руководитель администрации президента Сергей Иванов, бывший глава ОАО «РЖД» Владимир Якунин, министр иностранных дел Сергей Лавров, министр обороны Сергей Шойгу.

Клан евразийцев с проектом Великой Евразии от Лиссабона до Владивостока. Белый Царь у них – это наследник Рюриковичей и Чингизидов. Они связаны с английской династией Тюдоров и шотландской династией Стюартов вплоть до Спенсеров, к роду которых по женской линии относятся дети принца Чарльза от Дианы – Уильям и Генри. По Арбротской декларации 1320 года, шотландцы ведут свое происхождение от скифов. Здесь – скифская линия Нового Шелкового пути из КНР на Запад. В клан входят: вице-премьер Дмитрий Рогозин, советник президента Сергей Глазьев, председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин, директор ФСБ Александр Бортников.

Группа либералов – партнеров масонских структур и проводников глобализации по-американски: премьер Дмитрий Медведев, председатель Центробанка Эльвира Набиуллина, генеральный прокурор Юрий Чайка, глава «Роснано» Анатолий Чубайс, бывший министр финансов Алексей Кудрин, бывший министр обороны Анатолий Сердюков, министр внутренних дел Владимир Колокольцев и почти все олигархи.

Таким образом, движущей силой перемен в России выступает союз кланов большевиков-ленинцев и евразийцев.

Главная тайна мировой закулисы – потеря управления из-за отсутствия достоверного прогноза. «Управляемый хаос» – это

хорошая мина при плохой игре, легенда прикрытия неспособности просчитать последствия принимаемых решений. Это произошло вследствие наступления новой космической эпохи созвездия Водолея, которое в 2014 году окончательно пришло на смену эпохе созвездия Рыб.

Принципиально важным будет прохождение точки неопределенности – развилки 2020 года. Приливная волна энергии Запада опережает волну энергии Востока и сойдет на нет к 2017 году, а после 2019 года перейдет

Планировщик с планом Соломона видит будущую Россию, возглавляемую «царем Салима» «по чину Мельхиседека». Это означает соединение в одном лице царя-священника духовной, светской и военной власти

в фазу отлива. Окно возможностей для перемен к обладанию великим (2009–2020) в фазе 3 года для России открылось в 2015 году и закончится в 2017 году.

Если до конца 2017 года шанс поймать фазу прилива энергии Востока странами – наследница-

ми империй Чингисхана/Сталина будет упущен, то исторический процесс от развилки 2020 года для них вместе с волной отлива энергии Запада обернется расколами,

мятежами и кровавой междоусобной враждой.

Поэтому от развилки 2020 года, в зависимости от лукавого выбора лиц, принимающих стратегические решения, линия практической политики до 2032 года может пойти по одному из четырех сценариев. «Необходимо →

Группа патриотов-монархистов, друзей романо-германской Европы, связывает будущее России – Третьего Рима с наследниками последнего царя из дома Романовых – Марией Владимировной Гогенцоллерн и ее сыном Георгием (на фото на переднем плане)

→ ждать»: продолжение глобального кризиса, гибридная война, медленные реформы. «Разлад»: острая борьба за передел ресурсов. «Срединная правда»: приход прагматиков-националистов, обновление хозяйственного уклада, автаркия. «Великая мощь»: технологический рывок, преобразование духовной жизни, крепкий Евразийский Союз.

И библейские пророки, и провидцы Русской православной церкви, и сказания многих нерусских народов предрекали на короткое время – 12–15 лет – преобразование России в заветное Царство Правды – Державу Белого Царя. По многим признакам это время наступило в 2017 году. Небополитики полагают, что формой преобразования станет Новая Орда как семья народов незападных цивилизаций – наследников единого государства Чингисхана и социалистического лагеря Сталина. Имя Новой Орды – Евразийский Союз.

В начале 2012 года – года Черного Дракона – Владимир Путин в своей статье «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить», опубликованной в газете «Известия» в рамках его избирательной кампании, подчеркнул, что в мире происходит «тектонический процесс глобальной трансформации». Небополитики, воспринимая историю как сумму волн разных периодов, полагают, что «тектонический процесс глобальной трансформации» имеет космические основания. А именно: на смену эпохи созвездия Рыб пришла эпоха созвездия Водолея.

Эпоха созвездия Рыб (один космический месяц) длилась 2160 лет, при этом фокус космических энергий покрывал полосу от Нила до Евфрата, и ядро исто-

рических событий находилось в этой полосе Великого Израиля. Здесь возникло христианство, сюда же пришел ислам, здесь образовалась кризисная воронка, до последнего времени втягиваю-

Клан евразийцев с проектом Великой Евразии от Лиссабона до Владивостока. Белый Царь у них – это наследник Рюриковичей и Чингизидов. Они связаны с английской династией Тюдоров и шотландской династией Стюартов вплоть до Спенсеров, к роду которых по женской линии относятся дети принца Чарльза от Дианы – Уильям и Генри (на фото)

щая страны и народы библейско-средиземноморской цивилизации в вихрь перемен.

Новое небо космических энергий созвездия Водолея вступило в полную силу после переходного периода отмежевания от энергий созвездия Рыб в 2014 году. Фокус энергий Водолея сместился с Ближнего Востока в полосу Русской равнины.

Трехтысячелетним масштабом предвидения развития цивили-

зации и проистекающей отсюда способностью исчислять историю будущего обладают лишь евреи-каббалисты и китайские даосы. Евреи имеют начало счисления времен на земле, в чете (порождающие числа – 2, 4; формирующие числа – 6, 8, 10). Китайцы в своем Поднебесном государстве имеют начало счисления времен на Небе, в нечете (порождают числа – 1, 3, 5; формирующие числа – 7, 9). Поэтому нет никаких противоречий между каббалистами и даосами. И чет каббалистов, и нечет даосов – как два полушария головного мозга. Соответственно и те силы мировой закулисы, которые окормляются каббалистами, никак

не противостоят тем силам, которые окормляются даосами.

Еврейский план Соломона берет свое начало от освящения Первого храма Соломона в 1005 году до н. э. И по прошествии трех тысяч лет – начиная с 1995 года – хасиды начинают регулярно утверждать, что «Машиах уже пришел». Они говорят, что близится время, когда дом Иакова будет пасти народы мира по завету Всевышнего.

Концепция даосов называется великим единением народов Датун. Идея Датун как цель пути Неба возникла примерно 3200 лет тому назад, когда в Китае правил Чжоу Вэнь-ван – «царь, просвещенный знанием символов». Ему в мистическом озарении Небо первому из людей ниспослало благую силу дэ, и он примерно в 1148 году до н. э. объявил себя Сыном Неба – правителем всей Земли, что под Небом.

Мудрец Дун Чжуншу, живший во II веке до н. э., расчленил китайскую историю на три больших периода – «хаос (цзюань) воюющих царств», «малое процветание (сяокан)

Созвездие Водолея

централизованного государства», «великое единение (датун) народов центра и периферии». После этого доктрина Датун вошла в канон конфуцианства. Датун – это эпоха благоденствия, мира и покоя для всех, в которую «Поднебесная принадлежит всем», но желтая раса занимает центральное место.

Когда Мао Цзэдун в 1949 году стал императором – то есть когда была образована Китайская Народная Республика, – он вызвал к себе даосского мудреца и потребовал рассказать о будущем. Мудрец назвал Мао только два числа. Впоследствии оказалось, что первое число в точности обозначало отмеренный Мао срок жизни, а второе – время его нахождения у власти.

После XIV съезда КПК в Китае была принята закрытая доктрина «Три севера – четыре моря», которая обозначала курс на перенос стратегических границ

Новое небо космических энергий созвездия Водолея вступило в полную силу после переходного периода отмежевания от энергий созвездия Рыб в 2014 году. Фокус энергий Водолея сместился с Ближнего Востока в полосу Русской равнины

за пределы национальной территории. «Четыре моря» характеризуют глобальный масштаб доктрины: от Ледовитого океана на севере до Индийского океана на юге и от Тихого океана на востоке до Атлантического океана на западе. А «три севера» – это Соединенные Штаты Америки, Североатлантический альянс и север Евразии (Россия за Уралом).

На долю Си Цзиньпина выпала историческая задача – реализовать китайскую мечту: мирно возродить величие Китая, к 2019 году завершить в стране строительство сяокан и начать переход

к созданию к 2049 году общества великого единения народов Датун во главе с Китаем.

Сравнение концепций Датун и плана Соломона показывает, что они непротиворечиво и почти синхронно засвечены, исторически сходятся в глобальном масштабе, а территорией их сопряжения при этом выступает Россия.

И по плану Соломона, и по концепции Датун Россия – в случае самоидентификации с Севером – терпит поражение по космическим основаниям «удерживающего» энергии прошед- ➔

→ шей эпохи созвездия Рыб. «Удерживающий» всегда теряет, тогда как захват будущего требует соответствия энергиям наступившей эпохи созвездия Водолея, а это – свет с Востока.

Вполне очевидно, что планировщик последовательно загонял новую Россию в идентичность Севера. Здесь и замена бурого медведя на медведя белого в символике партии власти «Единая Россия», и представление павильона России на всемирных выставках – начиная с ЭКСПО-2010 в Шанхае и кончая ЭКСПО-2017 в Астане – как нагромождения глыб льда в отблесках северного сияния, и навязывание затратных и нерентабельных «арктических конвоев» Северного морского пути и «арктических войск».

Что же сделать, чтобы Россия не стала ресурсом чужих проектов, и как достойно выйти из кризисной воронки глобальной трансформации? Небополитики дают точный ответ: Битву Конца нужно превратить из войны оружия в войну смыслов и победить концептуально, опираясь на дораскольную догматику Царя Славы восточного православия старой веры в единоверии с тюркским исламом суфиев. То есть в современных условиях повторить опыт единого государства Чингисхана и социалистического лагеря Сталина как семьи народов незападных цивилизаций – создать Новую Орду.

Небополитика троична. Во времени: *хронос* – длительность, *циклос* – порядок следования событий, *кайрос* – счастливый случай или фаза прихода волны. И в духе: *цзин* – дух пространства, *шэнь* – дух времени, *ци* – энергия

жизни. И евреи троичны (фарисеи–ессей–саддукеи). И православные троичны (жидовствующие–нестяжатели–иосифляне). И мусульмане троичны (сунни-

Мудрец Дун Чжуншу (на иллюстрации), живший во II веке до н. э., расчленил китайскую историю на три больших периода – «хаос (*цзюлуань*) воюющих царств», «малое процветание (*сяокан*) централизованного государства», «великое единение (*датун*) народов центра и периферии». Доктрина Датун вошла в канон конфуцианства. Датун – это эпоха благоденствия, мира и покоя для всех, в которую «Поднебесная принадлежит всем», но желтая раса занимает центральное место

ты–шииты–суфии). И коммунисты троичны (троцкисты–ленинцы–сталинисты). И финансисты

троичны (процентщики–менялы–оценщики). И все прочие троичны (дельцы–жрецы–воины).

И народы библейско-средиземноморской цивилизации – потомки Ноя – разделились на три ветви: Сим (азиатский Восток – Иерусалим), Хам (юг Старого света – Вавилон и Египет), Иафет (европейский Запад – Рим). Сим – это приоритет духа и воли. Хам – это инстинкты тела (сытость и комфорт). Иафет – это логика ума и фибры души (науки и искусства).

Для самости Руси звезда смерть: что в Новом – крымско-днепровском сионистском – Иерусалиме, что в Новом – хамитском – Вавилоне глобализма по-американски, что в Третьем Риме рацио-

нализма по-европейски. Выход: Новая Орда с Новым Царьградом Света с Востока дораскольного Царя Славы.

Новая Орда в административных рамках есть ШОС. Объединяться в Новую Орду придется вокруг Китая. Для сохранения же самости и достоинства нужно стать Востоком и обуздать Дракона концептуально.

И китайцы-даосы, и еврейско-каббалисты точно знают, что по закону перемен только Восток одолевает Центр. Только Дух дышит где хочет и одолевает всё – и сомнения лукавого выбора, и страх, и расчет. Поэтому китайский Дракон согласен и открыто ищет в России прививку Духа. Евреи из Финансового интернационала тоже согласны, ибо знают: «Да распространит Бог Иафета; и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему» (Быт. 9:27).

Маневр же Духа при отсутствии силы на удар будет в том, чтобы не убояться превосходящего противника, поддаться его натиску и во вращении (а не в линейном противоборстве) вернуть вектор силы сначала в безопасное, а затем и в выгодное для себя направление. Как это сделать в политике из опыта физической культуры, знают наши мастера восточных единоборств – Владимир Путин (дзюдо) и Сергей Кириенко (айкидо).

И в физической культуре, и в политике успех вращательного маневра будет лишь в случае вхождения с партнером в захват. Такой захват «партнера» и наблюдают разумные от народа в действиях 2017 года президента России и его администрации.

У православных Дух исходит только от Отца, а у католиков и протестантов – как от Отца, так и от Сына. Отсюда европейская двоичность во власти, где судьбоносные решения принимает не глава государств, а парламенты. Россия же – страна первого лица, поэтому народы России с надеждой ждут возвращения на престол Белого Царя Правды, в одном лице объединяющего духовную, светскую и военную власть.

«**М**иром правят знаки и символы, а не слова и законы», – учил совершенномудрый Конфуций. Символы – это то, что соединяет. Чтобы понять смысл слова «символ», надо назвать слово с противоположным значением. Противоположное значение – дьявол, то есть то, что разъединяет.

Символы действуют автоматически, бессознательно. Не надо никакой пропаганды, не надо никакой специальной работы, правильные символы запустил – и всё само выстроится. Душа выстроится под тот порядок, который соответствует цивилизационному коду.

Что можно различить в знаках и символах, проявленных на саммите «Большой двадцатки» в

Си Цзиньпин принимает присягу гонконгских чиновников

На долю Си Цзиньпина выпала историческая задача – реализовать китайскую мечту: мирно возродить величие Китая, к 2019 году завершить в стране строительство сяокан и начать переход к созданию к 2049 году общества великого единения народов Датун во главе с Китаем

Гамбурге? Знаки и символы подтверждают выводы небополитиков о том, что в Евразии дело идет к созданию Новой Орды как семьи братских народов. И здесь главным символом выступают одинаковые пурпурные галстуки Си Цзиньпина и Владимира Путина, которые они оба надели накануне саммита на церемонии награждения председателя КНР орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Толкование небополитиков этих пурпурных галстуков таково: Си Цзиньпин – это новый хан Хубилай Шанхайской организации сотрудничества стран незападной цивилизации. Хубилай – внук Чингисхана, основатель династии Юань в Китае. Великий хан единого государства от Тихого океана до Атлантики XIII века, куда вошли все улусы, включая Русь. Владимир Путин – это новый император Юстиниан Евразийского Союза. Юстиниан I Великий – импера-

тор Восточной Римской империи, восстановивший в VI веке единое государство разных народов на основе единого закона и единой веры.

Пурпурный цвет как знак отличия от всех других участников саммита в Гамбурге символизирует величие и обладание властью от Неба, тогда как собственно галстук – петля на шее – говорит об ограниченных возможностях даже власти императора на земле. Красный цвет галстуков Трампа свидетельствует о его импульсивной жизненной силе.

Еще на форуме «Один пояс – один путь» в мае текущего года лидеры Китая и России в окружении глав государств, международных организаций и правительств стран, присоединившихся к китайской доктрине Нового Шелкового пути, объявили о состыковке плана «Один пояс – один путь» с Евразийским экономическим союзом.

**И по плану Соломона, и по концепции Датун
Россия – в случае самоидентификации
с Севером – терпит поражение. Планировщик
последовательно загонял новую Россию в иден-
тичность Севера. Здесь и замена бурого медведя
на медведя белого в символике партии власти,
и навязывание затратных и нерентабельных
«арктических конвоев» Северного морского
пути и «арктических войск»**

→ **Н**а саммите «Большой двадцатки» в Гамбурге на встрече Си Цзиньпина с Терезой Мэй председатель КНР взял обязательство состыковывать стратегию «Один пояс – один путь» с Британией, а премьер Британии выразила готовность к финансовому участию в этой стратегии. Сотрудничество КНР и Великобритании вступило в свою золотую эпоху. Смысл состоявшегося в октябре 2015 года визита Си Цзиньпина к королеве Елизавете II, по оценке небополитиков, заключается в создании отдельного от доллара США контура международных расчетов с привязкой новых учетных единиц богатства (криптовалют) к золоту.

На встрече Си с Трампом сразу после саммита «Большой двадцатки» было объявлено, что первый раунд всеобъемлющего экономического диалога КНР–США о переходе на новую мировую двухконтурную валютную систему начнется уже в этом году.

Таким образом, можно без сомнения утверждать, что воля лидеров России и Китая к созданию нового мирового порядка на условиях евразийской интеграции – взаимного приспособления национальных хозяйств государств Старого света в Новой Орде – на саммите «Большой двадцатки» была проявлена.

Идя навстречу XIX съезду КПК, который должен состояться осенью 2017 года, Си Цзиньпин в январе 2017 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе заявил собственный проект планетарной интеграции – курс на создание «глобального общества единой судьбы». Реакция друзей доллара США не заставила себя ждать: немедленно были включены технологии подрыва доверия к самой идее общего будущего человечества на фундаменте ценностей незападных цивилизаций. Сделано это было изощренно: исподволь был усилен старый стратегический саботаж

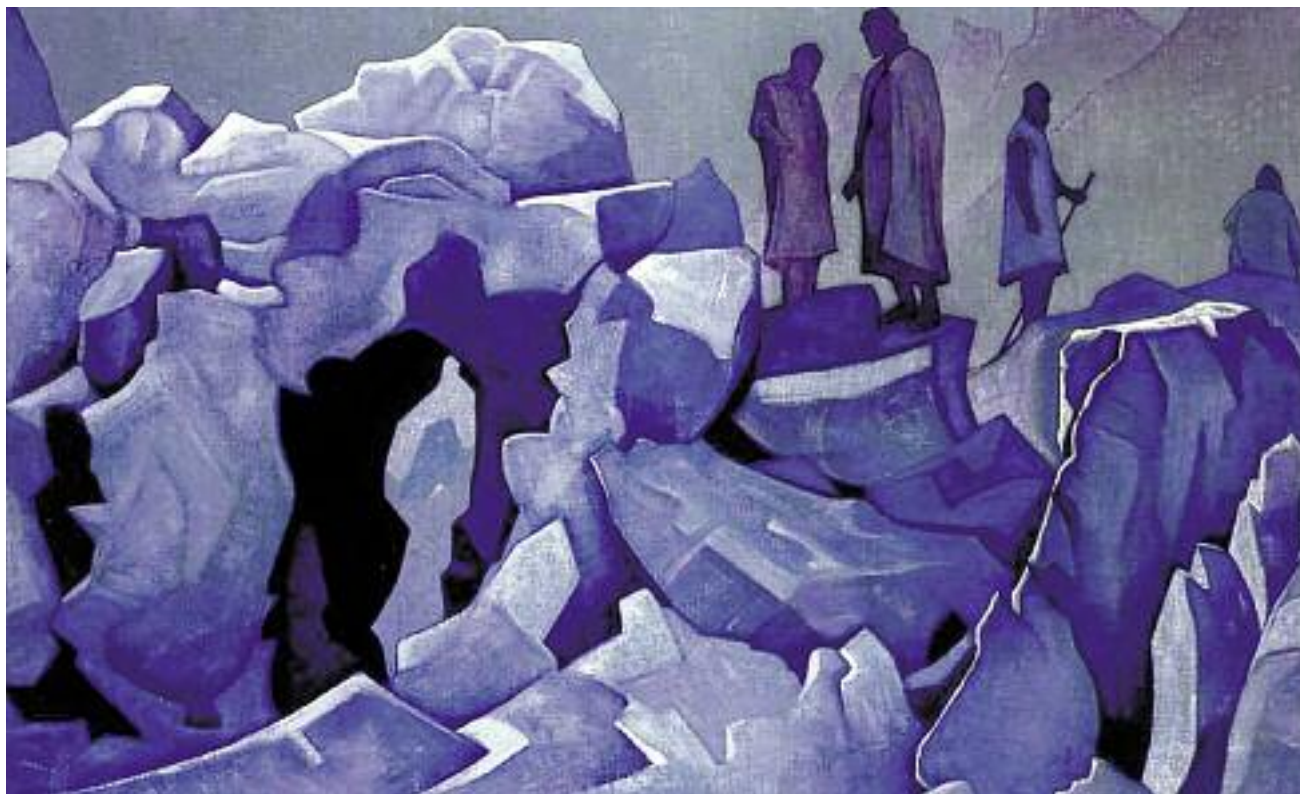
исполнения договоренностей между РФ и КНР. Внезапно оказались сорванными знаковые мероприятия народной дипломатии в Пекине и Москве, где планировалось провести широкое обсуждение ценностной повестки в контексте развития обоих государств.

Активная фаза гибридной Битвы Конца началась осенью 2015 года, когда Россия на Большом Ближнем Востоке выступила на стороне шиитской секты алавитов Башара Асада. Для России сирийская кампания является концептуальной засадой планировщика: естественным ходом вещей довести либералов до поражения. А разворот России в глобализацию по-китайски на концептуальную вершину семьи народов незападных цивилизаций требует поднять новый флаг. Китай же не станет вмешиваться в Битву Конца, о чем заявил министр иностранных дел КНР Ван И.

Государства Израиль к 2022 году не будет, о чем прямо заявил Генри Киссинджер. Будет Новая Хазария в Новороссии от Одессы до Харькова с силовым прикрытием ВС России в Крыму.

Небополитики ищут проекции Неба на землю. В китайской традиции это нужно для того, чтобы снискать мандат Неба на власть в Поднебесной. Немецкие геополитики времен Третьего рейха в поисках мистической опоры для идеи мирового господства обращались к древним невидимым структурам в Тибете. Вообще всякая церковь – это разведка и финансы. Орден иезуитов искал Шамбалу – астрономическую аллегорическую мифическую Среднюю землю (Хартленд) – и «запеленговал» ее примерно на 50 градусах северной широты в диких азиатских степях Южного Приуралья.

Задача небополитиков состоит в том, чтобы вычертить скифскую линию континентального блока Великой Евразии между китайским Драконом (сакральный центр – Куньлунь) и германскими тевтонами (сакральный центр – Асгард).

Николай Рерих. Дозор Гималаев. 1925 год

Примечательно, что Владимир Путин в связи со смертью объединителя Германии Гельмута Коля напомнил завет канцлера: «Если мы хотим сохранить свою цивилизацию в этом бурном и быстро меняющемся мире с растущими центрами силы, причем силы не только военной, но и экономической, культурной, тогда, конечно, Европа и Россия должны быть вместе. <...> Я с ним полностью согласен. Вы знаете нашу позицию, она заключается в том, что мы к этому готовы, нужно, чтобы были готовы наши партнеры, чтобы они избавились от фобий прошлого».

Торжественный мажор евразийства – это имперский пурпур Византии на флаге, природоподобный – одноглавый – белый сокол на круглом красном щите войска (от Рюриковичей) и желтый восьмиугольник на красном треугольном стяге вождя (от Чингизидов).

Каббалисты связывают грядущий антропологический поворот со временем, когда подойдет срок открытия народам мира тайных знаний о причинно-следственных связях мироздания, когда человек познает смысл жизни и

Выход для России: Новая Орда с Новым Царьградом Света с Востока дораскольного Царя Славы. Новая Орда в административных рамках есть ШОС. Объединяться в Новую Орду придется вокруг Китая. Для сохранения же самости и достоинства нужно стать Востоком и обуздать Дракона концептуально

сможет отождествить себя с вечностью, когда устремления тела и души поднимутся на уровень духа и в душах людей возникнет контур подключения к высшему закону: творить и отдавать, а не получать. После этого наступит Тысячелетие Субботы – царство священныхников и святого народа.

Соединение Неба и земли в человеке состоит в приведении всех взаимоотношений к золотым пропорциям мироздания.

Поле исправления эгоизма каббалистами избрана широкая русская душа и Россия – в Большой игре им предопределена центральная роль. Силой же, разбивающей старый мировой порядок индустриального общества потребления, назначен Китай

с его кодами восточной деспотии и азиатского способа производства. Оплот эгоизма – это Новый Вавилон (США), где планировщик, приведя к власти Трампа, устроил верхушечный бунт против эгоистов – Финансового интернационала кредиторов.

В январе на церемонии инаугурации Дональда Трампа раввин Марвин Хайер благословил его на великое дело, предначинанное псалмопевцем Давидом. По нашей оценке, это великое дело состоит в том, чтобы: обанкротить инвестиционные банки Фининтерна, списать долги домохозяйств и корпораций, сдуть финансовые пузыри в криптовалюты и запустить технологии экономики знаний шестого технологического уклада. Для осуществления всего ➔

**Си Цзиньпин – это новый хан Хубилай
Шанхайской организации сотрудничества стран
незападной цивилизации. Хубилай – великий хан
единого государства от Тихого океана до
Атлантики XIII века, куда вошли все улусы, вклю-
чая Русь. Владимир Путин – это новый импера-
тор Юстиниан (в центре мозаики) Евразийского
Союза. Юстиниан I Великий – император
Восточной Римской империи, восстановивший в
VI веке единое государство разных народов на
основе единого закона и единой веры**

→ этого Трамп создает систему власти в обход бюрократии, выдвигая в ключевые точки сети управления военных вместо политиков, что означает тихий, ползучий военный переворот, после которого США станут продавать на внешний рынок безопасность нового валютно-го мира в контуре международных расчетов в долларах.

Суть сделанных Си Цзиньпином в Давосе заявлений заключается в переориентации производства китайской фабрики XXI века на внутренний рынок с получением сырья из Африки и Центральной Азии, а также в создании контура расчетов в единицах, привязанных к золоту. Это приведет

к стремительному росту уровня жизни в КНР с превращением Поднебесной в притягательную витрину для народов незападных цивилизаций на фоне смуты у атлантисстов. Девиз саммита БРИКС в китайском городе Сямэнь, запланированного 3–5 сентября: «Углубление партнерских отношений в рамках БРИКС, создание прекрасного будущего». КНР – сила стабильности и стратегической опоры для исполнения плана Соломона каббалистов в глобальном масштабе.

В Пекине на форуме «Один пояс – один путь» президент России призвал «создать единое пространство сотрудничества от

Атлантики до Тихого океана». Это означает континентальную интеграцию Евразии (глобализацию суши) с радикальной сменой системы власти в России и вокруг нее по примеру социалистического лагеря Сталина. Бюрократия в центре и на местах будет лишена свободы принимать решения и превратится лишь в аппарат исполнения воли первого лица. Налоги будут взиматься не с доходов (которые ловко прячут), а с транзакций (проводок платежей) под жестким цифровым контролем (проект «Нооскоп»). Кредит трансформируется в проектно-государственный, а отчетность по проекту станут принимать в натуральных показателях – не в рублях, а в штуках и раззах.

Системными исполнителями замысла выступают также папа-иезуит Франциск, одолевший главу мальтийцев Фестинга, и турецкий лидер Эрдоган, победивший иллюминатов Гюлена. В конце 2017 – 2020 годах они будут играть на победу Нового Иерусалима (включая перспективу образования еврейской Новороссии на Днестре).

Сталин не праздновал День Победы. Сталин праздновал 1 мая. И парады войск в СССР проводились дважды в году – на 1

мая и на 7 ноября. Ибо Красная армия служила трудовому народу. А народ с опорой на советское государство строил светлое будущее всего человечества. Для вождя и послевоенного поколения строителей коммунизма вплоть до застоя 1965–1985 годов объединяющим символом в СССР была не победа над Германией, но мечта человечества, что «владыкой мира станет труд».

«**К**оммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир», – формулируется великая цель в «Манифесте коммунистической партии». Однако эта великая цель не была достигнута в результате Второй мировой войны.

Более того, победа над Германией в 1945 году была достигнута СССР в коалиции с западными демократиями, которые уже в 1946 году объявили Советскому Союзу холодную войну. При Хрущёве перевес в холодной войне был на стороне СССР: 1957 год – первый спутник, 1961 год – первый человек в космосе. В октябре 1961 года на XXII съезде КПСС была принята Третья программа партии, в которой великая цель коммунистов получила четкую и обозримую перспективу: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Но в октябре 1964 года в результате дворцовых интриг, затеянных сторонниками конвергенции с Западом, «красный волюнтарист» Хрущёв был отправлен на пенсию. А обращенный в будущее лозунг великой цели в пропаганде был заменен на обращенный в прошлое лозунг Великой Победы. Парады войск на Красной площади с конца 1960-х годов на 1 мая прекратились и остались только на 7 ноября. И

Война символов обостряется параллельно с обострением мировой обстановки. Но отсюда возникает и возможность давно предначертанного провидцами преобразования России на короткое время в заветное Царство Правды – Державу Белого Царя. А потому всё может обернуться так, как это было на памятном параде 7 ноября 1941 года, когда в отчаянной обстановке на фронтах Сталин принял парад на Красной площади

дважды – на юбилей Победы в 1965 и 1985 годах – проводились парады 9 мая.

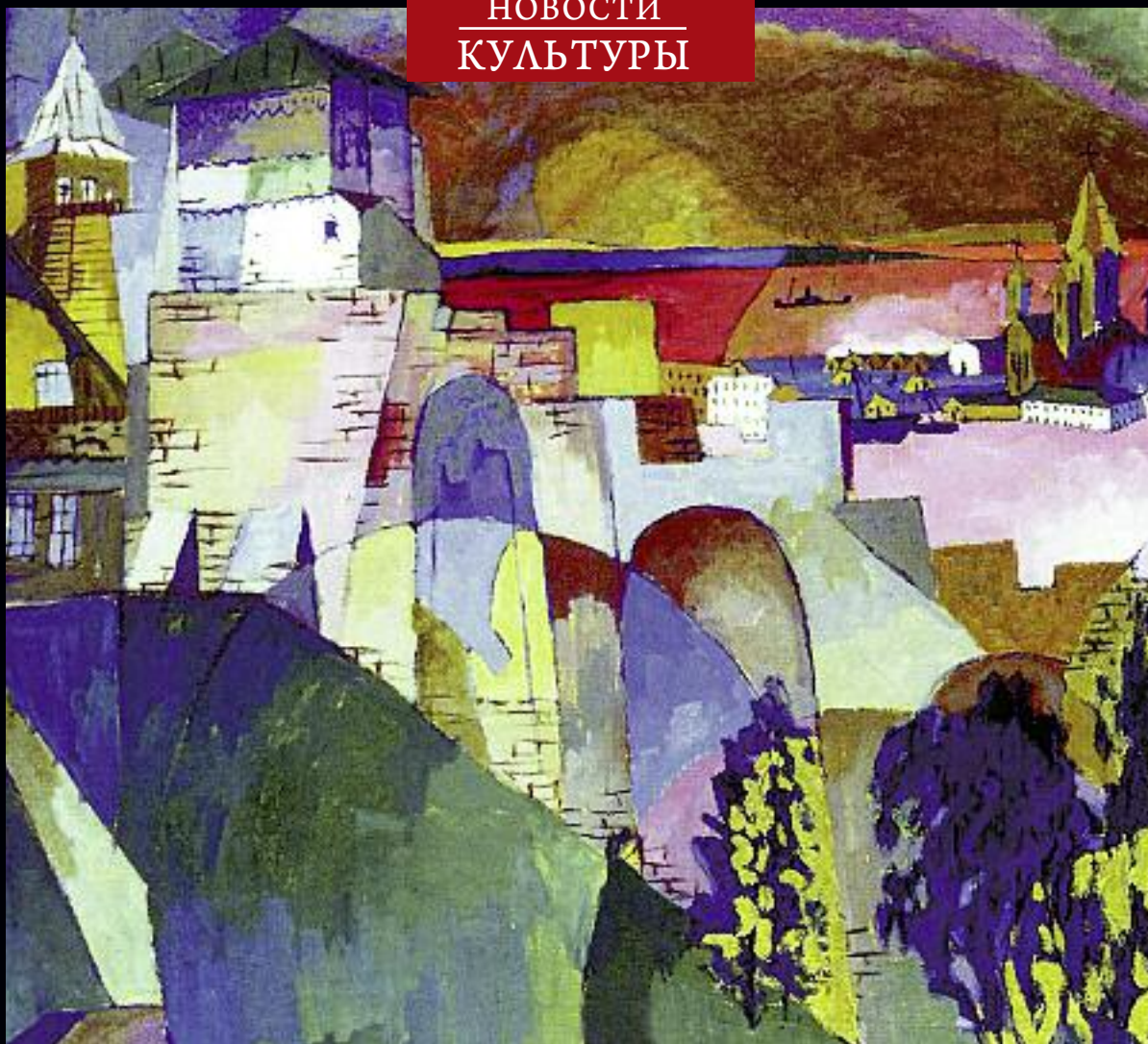
В 1991–1994 годах победившая демократия перестала отмечать День Победы парадами войск. Но тут властям демократического выбора стало отчетливо ясно, что у страны нет праздника, хотя бы как-то объединяющего народ. Новый государственный праздник 12 июня, поначалу названный на американский манер Днем независимости России, в народе язвительно назвали Днем независимости России от Украины. И тогда демократические власти вновь стали отмечать День Победы.

Поскольку начиная с застоя и до наших дней ощутимых военных побед у СССР и новой России не было, то новый этап в праздновании Великой Победы начался в 2005 году, когда впервые прошла общественная акция «Ге-

оргиевская ленточка». Этот символ – по крайней мере, на мероприятиях, связанных с Днем Победы, – стал вытеснять собой мажоранский триколор.

Война символов обостряется параллельно с обострением мировой обстановки. Но отсюда возникает и возможность давно предначертанного провидцами преобразования России на короткое время в заветное Царство Правды – Державу Белого Царя. А потому всё может обернуться так, как это было на памятном параде 7 ноября 1941 года, когда в отчаянной обстановке на фронтах Сталин принял парад на Красной площади.

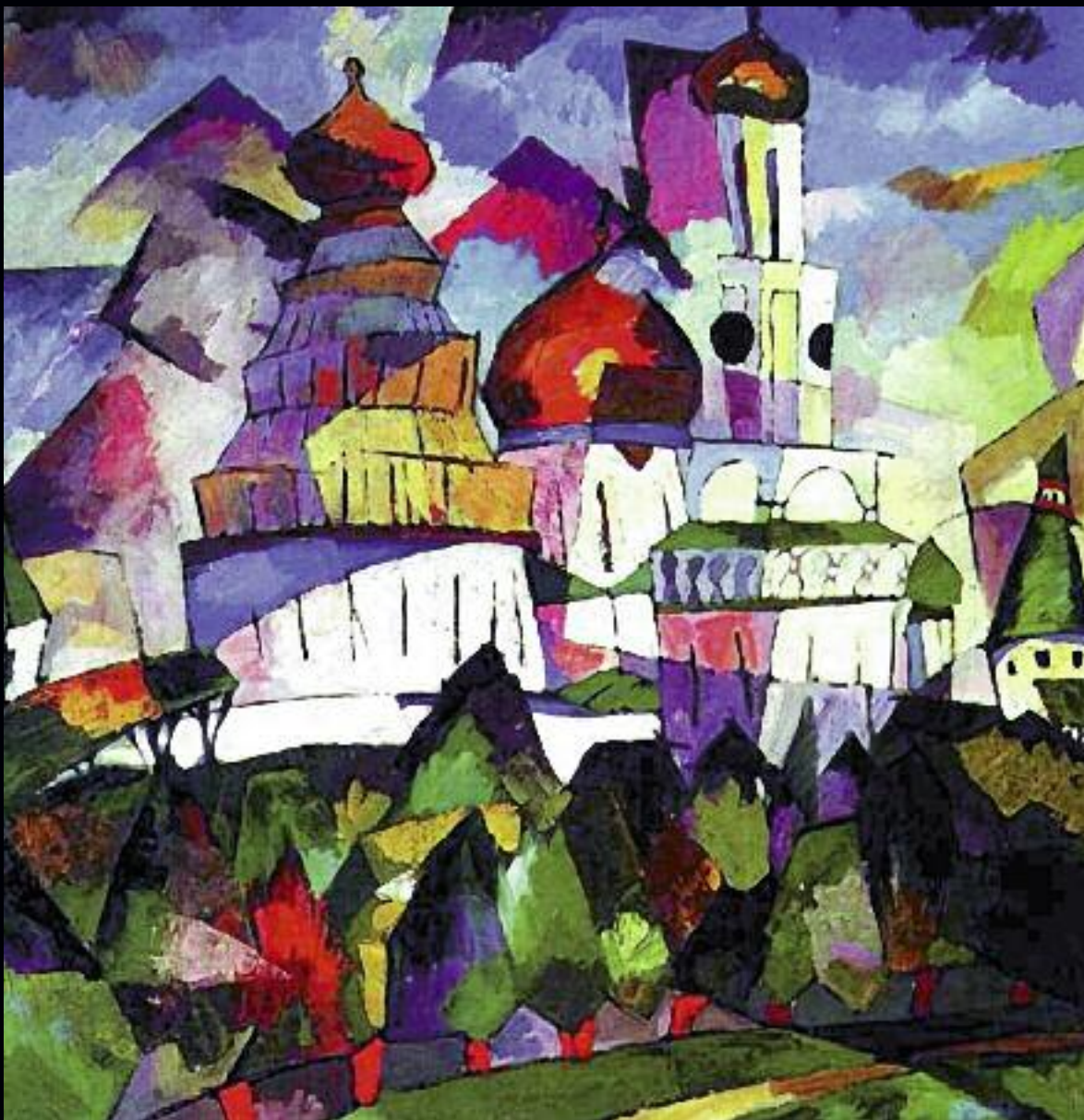
Вот и на 100-летие Октябрьской революции у Путина есть шанс переломить ситуацию – на параде 7 ноября встать на гранитную твердь Мавзолея Ленина и объявить курс на победу семи народов незападных цивилизаций. **Ф**

Урбанистические натюрморты АРИСТАРХА ЛЕНТУЛОВА

В главном здании Театрального музея имени А.А. Бахрушина до конца сентября будет проходить выставка «Мистерия-буфф Аристарха Лентулова», приуроченная к 135-летию со дня рождения мастера русского авангарда

На выставке собраны самые разные работы художника: портреты, эскизы театральных декораций, лубочные рисунки, натюрморты и, конечно, городские пейзажи – такое впечатление, что их в экспозиции больше всего. Во всяком случае, именно эволюция портрета города – с начала XX столетия и до кануна Великой Отечественной войны – просматривается на выставке наиболее репрезентативно и цельно.

Новый Иерусалим. 1917 год

Архитектура, город, городское пространство для Лентулова – это музыка форм, музыка, ставшая материей. Той страстностью и той натуралистичностью, какие иные художники вкладывают в портреты или картины природы, Лентулов насыщает свои городские пейзажи. Город – как глина, в нем отпечатываются судьбы и личности всех, кто в нем живет. Поэтому, когда Лентулов пишет город, он создает своего рода коллективный портрет его жителей. Город – это пространство, полностью построенное человеком, но с каждым поколением он приобретает всё большую независимость от людей, власть над ними, он сам начинает конституировать обитающего в нем человека. Город превращается в мегаполис, то есть, утрачивая свою личность, приобретает определенный метафизический смысл, который справедливо назвать урбанистическим тоталитаризмом.

Это превращение как раз и показывает Лентулов. Отсюда и нарастающая тревожность в его городской тематике. На полотне 1911 года «Париж» показана как бы изнанка этой блистательной европейской столицы – пустынная, мрачная, безлюдная. Вообще частое отсутствие обитателей на городских или архитектурных пейзажах – характерная особенность творческого почерка →

Деревянная церковь. 1918 год

→ ка Лентулова. Он создает как бы натюрморты. Название этого жанра изобразительного искусства в переводе с французского звучит как «мертвая природа», так как на таких картинах изображаются лишь неодушевленные предметы. В этом смысле городские полотна Лентулова можно охарактеризовать как урбанистические натюрморты.

Нижний Новгород на полотне 1915 года в отличие от депрессивного Парижа смотрится радостным сказочным градом. Однако такое впечатление возникает скорее не из-за композиции, а благодаря палитре. Но во всём остальном Лентулов верен себе: его Нижний – это город, где заметны следы людей, но не город, оставляющий следы на людях, живущих в нем. Колорит картины спокойный и даже где-то былинный, хотя небо наливается нездоровым оттенком и река кажется кровавой. Покой безлюдного города как бы охраняет башня на первом плане и собор вдалеке. Картина написана в годы Первой мировой войны и в предчувствии надвигавшейся революционной смуты – но со старой башни Нижегородского кремля эта угроза еще не видна.

Удивительно, но даже в роковом 1917 году на картинах Лентулова всё остается как будто по-старому. Вместе с тем художник четко понимал, что ста-

Кремль. 1919-1920 годы

рая Русь безвозвратно уходит в прошлое. На картинах 1917 года «Новый Иерусалим» и «Вид Нового Иерусалима» автор буквально уходит из действительности в придуманную им сказку. Первое полотно проникнуто рериховскими мотивами: треугольные облака кажутся вершинами гор, колокольня слишком похожа на буддийскую ступу, даже купола блестят как-то по-тибетски. На второй картине, напоминающей театральную декорацию, Новый Иерусалим представляется совершенно другим – белокаменным и окруженным яркой зеленью. Но и это – безлюдные архитектурные натюрморты...

А вот загадочная «Деревянная церковь» 1918 года. Это настоящий пир красок, от всего веет новизной и свежестью, красный дом как будто только что покрашен, церковь в углу отликает фиолетовыми тенями, а в центре – странная конструкция, представляющаяся радужными разводами в ослепленных ярчайшими цветами глазах. Написанный же годом позже «Город» является полным антиподом этой «Деревянной церкви» – мрачный, грязного коричневого цвета, зияющий пустыми глазницами окон какого-то бывшего доходного дома, точно вымерший, кругом ржавчина, островок зелени кажется совершенно неуместным, дома вдалеке и вовсе как будто качаются на волнах – всё зыбко, город как таковой умер. Пожалуй, трудно более точно изобразить разруху гражданской войны, особенно остро чувствовавшуюся именно в городах.

Лентулов играет в ассоциации, наделяя одно и то же место принципиально различными смыслами. Но невозможно спрятаться от жизни с ее событиями в воздушном замке. И в 1920 году художник пишет «Московский ➔

Троице-Сергиева лавра, 1921 год

→ Кремль». Угловатые красные башни с крышами, похожими на буденовки, сжимают в кольцо, атакуют и сметают жмущиеся от них в стороны, перекошенные белые кремлевские соборы. Как написал поэт Арсений Несмелов: «Былая жизнь, увы, осуждена в осколках быта, потерявших имя». В те же годы из-под кисти Лентулова выходит другой «Кремль» – там старое и новое переплетались настолько тесно, что красная башня на картине побелела, здания толкаются, борются за право быть, и эта растерянная белая башня здесь – апофеоз хаоса.

Троице-Сергиева лавра в интерпретации Лентулова от 1921 года совершенно неузнаваема. Неузнаваема чисто внешне, но если взглянуть внимательно, откроется суть аллегории: перед нами не что иное, как Иерусалимский храм, бывший на протяжении ветхозаветной истории сердцем библейского иудаизма. Те же балюстрады и арки, те же стены, те же явно ближневосточные крыши и башенки – Храм Соломона. На примере этой картины лучше всего прочитывается творческое кредо Лентулова: увидеть объект, понять и прочувствовать его смысл, запечатлеть именно этот смысл – а не сам предмет – на холсте. Лавра – новый Храм, сердце русского народа, его маяк, ориентир, который противостоит всем бурям времени: внизу картины – беспокойные, темные, бунтующие, но вместе с тем пострадавшие дома,верху – тревожное небо, где солнце со всех сторон сдавливают кровавые и чер-

Город. 1919 год

ные облака. Но от лавры льется спокойный горный свет. Лентулов как-то сказал о портретном жанре: «Я считаю портрет произведением искусства только в том случае, если художник передал свое переживание от данного объекта, свое впечатление, если хотите, даже свое настроение». Эта его фраза вполне приложила и к написанной Лентуловым лавре, ведь для него портрет как жанр – многоплановый, он – портретист в том числе и города.

Здесь, наверное, имеет смысл всё же отвлечься от живописной лентуловской урбанистики и сказать несколько слов о представленных на выставке портретах. Портреты Лентулова – это мозаики цвета, света и смысла, но никогда не фотографии и не абстракции. Автопортрет 1915 года – судя по всему, насмешка над декадансом, который слишком серьезно к себе относится, да и над самим собой. На другом автопортрете Лентулов – усатый скрипач в папаче. Тоже, кажется, насмешка, подтрунивание над самим собой. Но всюду в выражениях лиц чувствуется какая-то печать придавленности – их выражения уставшие, преобладают темные тона. На картине 1927 года ➔

Ночь на Бронной. 1928 год

→ «Московские художники» и вовсе сквозит разочарование: сам Лентулов по-нурно сидит, отвернувшись от сборища неприятных личин – почти что булгаковского МАССОЛИТа. Аналогичное впечатление производит и его с первого взгляда официальная и восхваляющая советский строй картина «Деятели культуры за Октябрьское десятилетие». И на ней не лица – а личины, inferнальность которых, видимо, не вызвала к себе вопросов и была прочитана современниками как результат особого художественного почерка автора.

Создается ощущение, что на героев лентуловских портретов легла тень лентуловских же зданий, города, который у него выглядит всё более мрачным и тревожным. Так, на полотне «Солнце над крышами. Закат солнца на Патриарших прудах» 1928 года солнце уходит само в себя, утаскивая, как в воронку, весь свет, всю жизнь из домов. Горят всего пять окон, всё остальное погружается во тьму. Похоже, к этому времени Лентулов уже понимает, что эпоха русского авангарда закончилась, что скоро искусство в СССР будет представлено часовыми соцреализма – теми самыми «московскими художниками». В написанной тогда же «Ночи на Бронной» Москва наоборот искрит огнями, но этот свет в окнах смотрится еще более безысходным, даже каким-то зловещим на фоне московской ночи: буря раскачивает деревья, приближается или уже идет дождь, и ровные ряды светящихся окон скорее отпуги-

Солнце и рак. 1915 год

вают, чем притягивают. На полотне 1940 года «Москва с Воробьевых гор» перед нами уже совсем другой Лентулов: унылый монотонный пейзаж, уходящий за горизонт, и что самое главное – полное отсутствие цвета и света. Яркие, парадоксальные сюжеты картин, где каждое здание, каждый дом имели свой характер, остались в прошлом. Теперь с тусклого неба на обесчеловеченный город льется серенький свет. Личность города исчезла, стерлась. А ведь Лентулов – художник взрыва, чутко откликающийся на любой новый сигнал истории, но совершенно не приспособленный к равномерному горению.

А вот натюрморты настоящие на фоне натюрмортов урбанистических выглядят как средоточие праздничного настроения, яркости и буйства красок. Может быть, они мыслились художником как творческая лаборатория, в которой в малых формах рассчитывались формулы и формы, по которым будут создаваться портреты городов. «Самовар» Лентулова – настоящий Гали- ➔

Автопортрет. 1915 год

- карнаасский мавзолей в миниатюре, между пирожными и фруктами, кажется, пролегают проспекты. Эта алхимия находит свою вершину в натюрморте 1915 года «Солнце и рак». Вокруг асимметричного рака и «неполного» солнца, между которыми идет борьба за пустой центр, несется целый хоровод – человеческие фигуры, символические цветы или звезды, архитектурные фантазии и цвета, разложенные по спектру. Можно сказать, что эта картина наиболее полно отражает суть художественного почерка Аристарха Лентулова – умение преподнести рукотворное пространство как идею, как послание, как знак. **Т**

Николай Андреев

КАДРОВЫЙ НАБОР ТВОРЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ

ЭФКО
www.efko.ru

СЕГОДНЯ В КОМПАНИЮ «ЭФКО» ТРЕБУЮТСЯ БРЕНД-МЕНЕДЖЕРЫ, ДИЗАЙНЕРЫ, АРТ-ДИРЕКТОРА
МЫ ИЩЕМ КРЕАТИВНЫХ, ТВОРЧЕСКИХ ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ, ЖЕЛАЮЩИХ ОБУЧАТЬСЯ И
РАЗВИВАТЬСЯ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ, СВЯЗАННЫХ С ТВОРЧЕСТВОМ – ВЫБЕРИ ТО, ЧТО
БЛИЖЕ ТЕБЕ, И ПОПРОБУЙ СВОИ СИЛЫ

8 800 505 03 02

КРЕАТИВНЫЙ ДИЗАЙНЕР

- разработка дизайна этикеток, логотипов, буклетов, наружной рекламы и полиграфии
- разработка имиджа новых брендов
- разработка фирменного стиля компании

БРЕНД-МЕНЕДЖЕР

- разработка креативных идей для рекламных роликов
- разработка креативных идей и сценариев, которые будут «цеплять» людей
- создание рекламных роликов в формате и монтаже

АРТ-ДИРЕКТОР

- разработка стратегии бренда компании
- участие в разработке рекламных роликов в качестве стилиста, от которого зависит, как продукт будет воспринят на рынке

ДИЗАЙНЕР ИНТЕРЬЕРА ДИЗАЙНЕР-АРХИТЕКТОР

- разработка дизайна интерьера и экстерьера для офисов и предприятий компаний
- уверенное владение специализированными программами (3D-Max, ArchiCAD и т.п.)

LIONS
GALA

УСЛОВИЯ:

- оформление согласно ТК РФ
- конкурентоспособная заработная плата (сопоставляется с успешными кандидатами по итогам собеседования)
- корпоративная мобильная связь
- интересная командировка по России и за рубежом
- возможность профессионального и карьерного роста
- возможность обучения в учебном центре компании

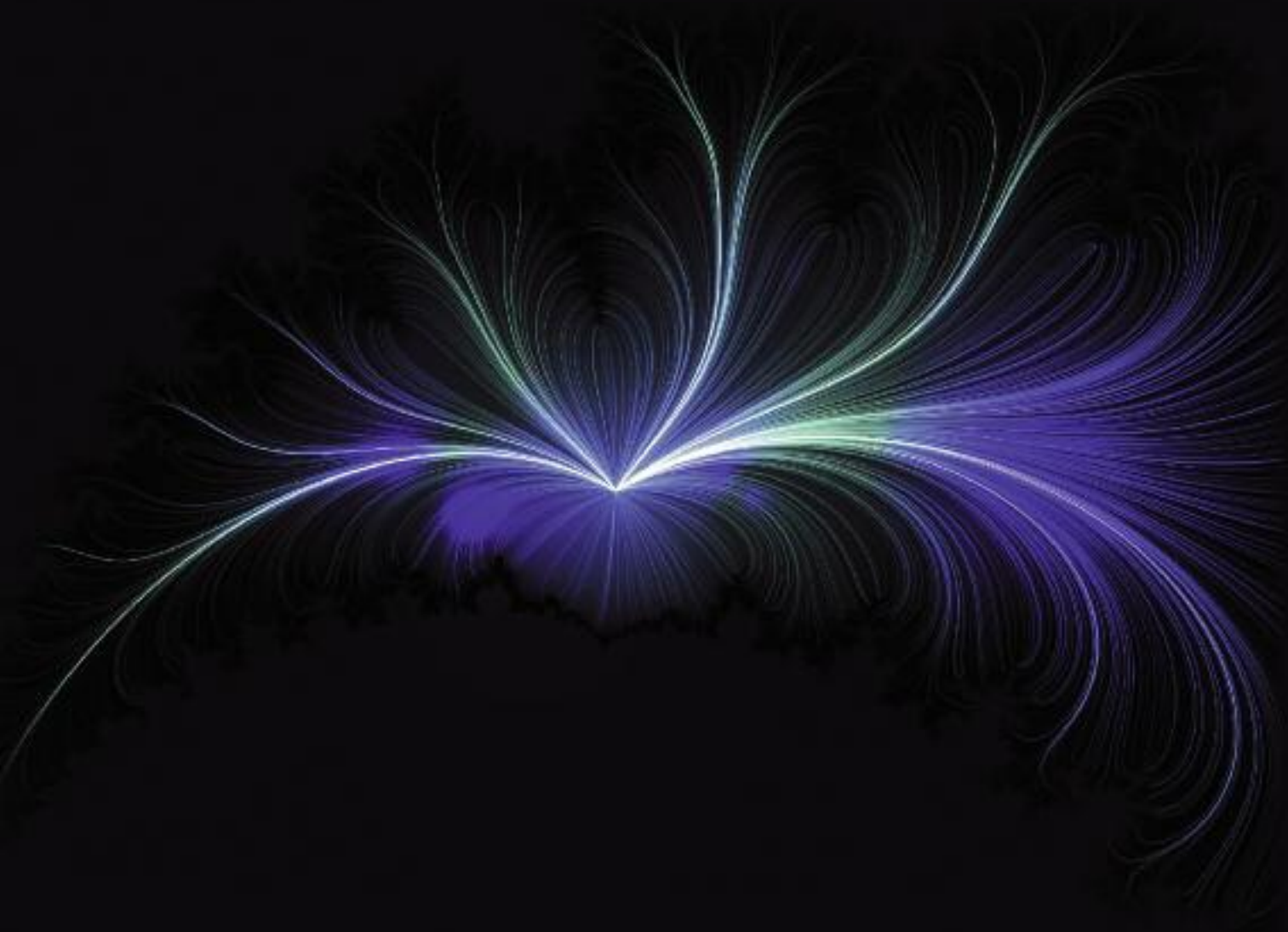
ТРЕБОВАНИЯ:

- высшее образование
- для дизайнера: владение графическими редакторами Adobe Photoshop, Adobe Illustrator
- для бренд-менеджера: умение писать сценарии, творческий подход к решению задач, креативность, инициативность

МАСТЕР ПРЕДПЕЧАТНОЙ ПОДГОТОВКИ

- подготовка и подготовка макетов в соответствии с требованиями технических требований
- работа с печатными тиражами
- интересные поездки и командировки

Cessante causa, cessat effectus

интернет-портал
«Цивилизационная динамика»

dynamic-of-civilizations.ru